

Кристина
ЮРЬЕВА

ЖЕНА
С
ХВОСТОМ

Annotation

Решение было неправильным. Но отступить было уже поздно!

Я соврала королю, что красавец, с которым я только что танцевала, сделал мне предложение во время танца! Я была в отчаянии! Я ужасно не хотела выходить замуж за богатого старика, которого подсовывали мне тетя и дядя!

Каков же был мой ужас, когда я узнала, что этот красавец и есть тот самый Великий Инквизитор. И что он со мной сделает, когда он узнает, что у меня под юбкой прячется... мой хвостик!

-
- [Жена с хвостом](#)
 - [Глава первая. Невеста с хвостом, или если врать, то до конца!](#)
 - [Глава вторая. Мрачный новобрачный](#)
 - [Глава третья. Наперекор судьбе](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)

- [Глава двадцать четвертая](#)
-

Жена с хвостом

Глава первая. Невеста с хвостом, или если врать, то до конца!

**«Проклятые фэйри!
Никого житья от них нет!
Хвостатые — самые гадкие!
Их называют хульдрами!
Если встретишь — беги,
Если поймаешь — жги!».**

Трактат Инквизиции

Решение было неправильным.
Но отступить было уже поздно.

Будучи вне себя от удивления король посмотрел на меня и решил переспросить:

— Юная леди, вы утверждаете, что вам во время танца сделал предложение вот этот... кхм... кхм... господин?

Седые брови короля полезли на лоб.

Все взоры уставились на высокого темноволосого красавца, стоящего в окружении прекрасно одетых дам, которые таяли словно свечки от одного его присутствия рядом.

«Мой взгляд — это милость. Ее нужно заслужить!», — шептали его красивые глаза. «А если я вам улыбнулся, то вам будет что рассказать внукам!».

Он награждал кокеток взглядом холодных серых глаз, поощрял удивленно вскинутой бровью, вызывая удушающие приступы ревности у тех, кому этого не досталось. Стоило ему остановить свой взгляд на ком-то из красавиц, как остальные были готовы вцепиться ей в волосы и убить где-нибудь за колонной из розового мрамора.

Незнакомец казался таким загадочным, чарующим, что я едва могла отвести от него глаз. словно таинственный морок окутывал его фигуру, которая была на полголовы выше мужчин, стоявших неподалеку.

Когда я смотрела на его линию плеч, подчеркнутую фиолетовым камзолом с роскошной вышивкой и двумя рядами золотых пуговиц, у меня невольно захватывало дух. А при мысли, что мои пальцы

украдкой прикасаются к его темным волосам, небрежно спадающим на плечи, мне переставало хватать воздуха.

Почему-то мне показалось, что даже если к ногам этого человека сейчас упадет самая красивая женщина королевства и будет страстно, цепляясь за его элегантные черные штаны, умолять его о взаимности, он вежливо заметит, что пол холодный и равнодушно порекомендует долго на нем не засиживаться.

И сейчас этот мужчина стоял ко мне в полоборота, даже не подозревая, что его жизнь зависит от одного моего слова. Красавец сделал сдержанный глоток из бокала. Когда его губы поцеловали бокал, пузырьки в его шампанском превратились в мои мурашки.

Все ждали от меня ответа.

Все! Назад дороги нет! Пусть я тысячу раз об этом пожалею, но это все же лучше, чем выходить за старого и дряхлого лорда Баллеорна, который трется рядом с тетей и дядей!

— Да, это он! — негромко, но твердо ответила я, глядя прямо в глаза короля, спрятанные среди глубоких морщин под кустистыми бровями.

Я чуть предательски не вздрогнула, явно не ожидая такой волны удивления и изумления, которая прокатилась по залу.

— Вы точно уверены? Вы не обманываете нас, красавица? — негромко спросил король с каким-то сомнением.

Взгляды гостей на мгновение остановились на моем пестром, бедном, старомодном платье не по размеру, в котором я была похожа на упитанную курицу — пеструшку. А потом переметнулись на бесстыже дорогой, сверкающий бриллиантовой вышивкой сюртук красавца. «Это не может быть!», — читалось во взглядах.

Дядя смотрел на меня круглыми глазами, а тетя задыхалась в свой платок. Рядом прищурился мой подслеповатый жених: «Ась? Ась?».

— Аме-лия! Не надо! — одними губами шептала тетя, убирая платок с лица и нервно мотая головой. — Нет!

— Да, ваше величество, — твердо произнесла я, глядя на короля умоляющим взглядом. Если жених сейчас возразит, то мне конец! Моей репутации конец!

В зеркалах бальной залы отражалась пестрая курица — несушка в платье «Это последний писк! Мужчины будут без ума!» с гнездом прически «О, во дворце все так ходят! Все танцы наши!» и толстым

словом макияжем «Ни один мужчина не устоит перед тобой, дорогая!». А я изо всех сил тянула юбку вниз, чтобы никто не заметил главного. «Ты главное, никому не показывай его, поняла? И танцуй осторожно!», — вспомнила я, как тетушка одергивала на мне платье.

— Инкрис, я так понимаю, вы сделали этой девушке предложение во время танца? — спросил король.

Красавец медленно повернулся с бокалом в руках. Его темная бровь приподнялась, а я почувствовала, как от волнения внутри все переворачивается. «Инкрис», — мысленно прошептала я, чувствуя, как его имя острой льдинкой тает на моих губах.

В зале воцарилась заинтригованная тишина. Не было слышно даже шелеста роскошных платьев, смеха и шепота. Стихла даже музыка.

— Вот такой я влюбчивый, — мрачным голосом произнес красавец.

— Это так благородно с вашей стороны жениться на бедной сиротке! Пусть жених и невеста подойдут ко мне! Я дам свое благословение! — расторгался старый король.

Он со старческим кряхтением встал с трона, а все вокруг застыли в поклоне. На синем бархате королевской одежды, словно звезды, сверкали бриллианты, а узловатые пальцы держались на ручку трона.

Я до боли ущипнула себя, видя, как взгляд Инкриса остановился на мне. В этот момент мне показалось, что вместе со взглядом остановилось и мое сердце.

Внезапно красавец размахнулся и ...

... с силой бросил бокал на почти зеркальный пол бальной залы.

Сверкающие осколки разлетелись, заставив всех гостей ахнуть и отшатнуться.

— Вот такой я неуклюжий, — мрачным голосом произнес красавец, направляясь к королю. С каждым его шагом, я осознавала, что никогда не видела никого, кто был бы красивей его. Даже сейчас, когда в его глазах был мрак, этот мужчина казался темным божеством.

— Погодите! — вдруг заволновалась и возмутилась опомнившаяся толпа за спиной красавца. — У него же есть невеста! Он собирался жениться на Лаурелии фон Брантес! Уже было объявлено о дате свадьбы! Он что? Разорвал помолвку?

— Это правда? — медленно спросил король, нахмурившись.

— Он — мой жених! — послышался истеричный женский голос, но за широкой спиной, я увидела девушку, которая стояла рядом со мной во время танцев. Ее отец побагровел, а матушка упала в обморок. «Какой позор!», — шепотом ужасалась толпа.

— Вот такой я ветренный, — мрачным голосом произнес красавец, становясь рядом со мной.

— Никогда не думал, что однажды скажу это! — усмехнулся король, пока в зале творилось форменное безобразие. «Это возмутительно!», — кричали родственники невесты. Сама невеста заливалась слезами.

— Что с вами? — внезапно встревоженно спросил король, заглядывая в лицо жениха.

— Дайте мне побыть в экстазе еще пару мгновений, ваше величество, — мрачным голосом произнес красавец, глядя на меня.

«Ну, может, он сейчас на меня так смотрит! А потом будет смотреть по-другому?», — промелькнула во мне искорка надежды.

— Оркестр! Готовьте последний танец для молодых! Не каждый день женится Великий Инквизитор! — усмехнулся король.

Кто? Мой взгляд медленно и опасно скользнул по фиолетовому бархату рукава и остановился на красивом хищном профиле.

О, нет! Нет! Нет! Нет! Я крепко зажмурилась, чувствуя, что мне становится дурно. Тщательно спрятанный юбкой хвост трусливо прилип к ноге. Инквизитор!

Когда мне с ужасом рассказывали про Великого Инквизитора, я представляла страшного старика с огромными клещами в руках и взглядом сумасшедшего маньяка: «Иди сюда! Маленькая фея! Сейчас я вырву твои крылышки!».

И никогда бы не подумала о том, что он такой молодой и такой красивый.

Мне было даже дышать страшно в его сторону, а не то, чтобы смотреть. Вот это я вляпалась! Кто бы мог подумать! Первый бал, а я... Ой, мамочки!

— Ваше Величество! — послышался голос дяди. Он хромал к трону. На нем был старый потертый сюртук, который он носил еще в молодости и нашейный платочек, который очень любила постоянно поправлять тетя. Сам он был невысокого роста, с белыми бакенбардами и усами.

— Ваше Величество! — поклонился дядюшка. — Наша дорогая племянница совсем юная. Ей как бы рано еще думать о замужестве... Это моя вина! Я не объяснил ей, что с такими вопросами нужно подходить сначала ко мне. Мы с женой не ожидали, что она решит посоветоваться с вами!

— Ох, прекрасное дитя, — умилился король, глядя на меня ласково. — Ты так доверяешь своему королю, что он узнал эту важную тайну раньше всех? Ну прелесть, а не девушка! Тогда ее точно нельзя отдавать за кого попало! Ну подойди ко мне, не бойся!

Я сделала робкий шаг, слыша, как сопит дядя.

— Ну поскретничай с королем. Раз уж мы тут с тобой женихов выбираем. А ты сама-то замуж хочешь? — спросил старик, а я понимала, что не знаю, что ответить.

— Конечно, хочет, — послышался мрачный голос жениха. — Я ради нее, невесту бросил, между прочим. И второго скандала, я не потерплю.

— Я... — прошептала я, понимая, что отступать уже некуда. Нет, ну надо же... Я даже не знаю, что и сказать!

— Ваше Величество! — послышался задыхающийся голос тети, которая неслась к нам в своем необъятном светлом старомодном платье в мелкий цветочек. — Можно я скажу? Я однажды уже вышла замуж за инквизитора! Это очень тяжело для женщины! Никогда не знаешь, вернется муж или нет! И вот только, когда его ранило... А ранило его в битве при Райнолене, когда брали штурмом столицу фэйри... У него даже орден есть! Так вот, когда его списали, только тогда я смогла выдохнуть спокойно!

Что? Значит, мой дядя — инквизитор? Тоже инквизитор? И я столько лет жила с инквизитором?! Почему мне никто не говорил об этом! Почему я узнаю об этом только сейчас!

— О, так вы участвовали в той славной битве при Райнолене?! И штурмовали дворец?! Невероятно! Вот он! Настоящий герой! — представил король смущенного дядю. «А я говорила, что нужно было надеть орден! Говорила, говорила, говорила...», — толкала его локтем тетя.

— Если бы не такие люди, как ... — начал король, запнувшись.

— Эдхилл! — вставила тетя, прижавшись к мужу. — Сэмюон Эдхилл!

— Если бы не такие люди, как Сэмион Эдхилл, то проклятые фэйри нас бы давно околдовали, обвели бы вокруг пальца и уничтожили. Фэйри очень опасны. Их чары способны свести с ума целые армии! — произнес король, а я с ужасом подумала про свой хвост.

— Так как, дитя мое. Или правильно... пока еще мисс Эдхилл, — заговорщицки улыбнулся мне король, похлопав по моей руке. — Ты согласна выйти замуж?

— Разумеется, согласна! — услышался грубоватый голос, а я вздрогнула, видя, что красавец смотрит на меня нехорошим взглядом. — Раз уж ее дядя бывший инквизитор, то, думаю, она знает, что это такое! Немногие из инквизиции доживают до столь почтенного возраста!

— Я... я... — в нерешительности задохнулась я.

Я посмотрела на придворных, на бледных дядю и тетю, на старого короля, который держал мою руку в своей руке. Руки у него были холодные, хоть он и сидел под теплой накидкой.

— Ну же, смелее, — подбадривал король. — Жених вон! Хоть куда! Он ради тебя даже невесту бросил! А это, дорогая моя, такой скандал! Знаешь, я бы на месте жениха никогда бы не простил отказа! Так что соглашайся! Сразу видно, что влюбился с первого взгляда! Как в такую прелесть не влюбиться? Да?

— Как увидел, так был сражен наповал. Едва не задохнулся от восторга. Забыл обо всем на свете. Даже, как меня зовут, — медленно и мрачно произнес жених.

— Я... я... ой, мамочки... я с-с-согласна, — слотнула я, косясь на будущего мужа с опаской. «Я сбегу от него! Да! Сбегу! Уйду в леса», — с надеждой подумала. — «И меня съедят волки! Или кто там в лесу водится!». Я ведь в лесу никогда не была! Меня туда не пускали тетя и дядя. Мне все нравилось, кроме волков.

— Ну и славно! Дорогие жених и невеста! — улыбнулся король, глядя на нас. И тут же весело нахмурился. — Жених, а почему вы еще не взяли невесту за руку? Непорядок!

— Вот такой я стеснительный, — мрачно произнес жених, делая шумный вдох. — Как вижу красивую девушку, так сразу в обморок падаю.

В этот момент меня, словно, пот прошиб. Если он сейчас возьмет меня за руку, то я ... я... Сердце испуганно забилося, когда рука в перчатке нехотя взяла мою дрожащую воробьиную ручку. Инквизитор! Как же так?!

Жених сделал шаг ко мне, а я почувствовала, как у меня из глаз чуть не брызнули слезы. Опустив взгляд, я увидела его дорогой сапог, стоящий на подоле моего очень длинного платья.

Хво—о—о—ост! Он стоит на моем хвосте!

— Что случилось, дитя мое? — спросил король, глядя на меня ласковым взглядом, когда я, чуть не окосела от боли.

— Я... я... — выдохнула я, поглядывая на роскошный сапог. — Я просто ... очень... очень счастлива...

На последних словах я едва не зарыдала.

Х—х—хво—о—о—о—ост! Бедный мой хвостик! Его бы по — хорошему попробовать выволить, но вдруг... вдруг его кто—то случайно увидит. Придется терпеть.

— Я понимаю, что юные девы всегда плачут в такие моменты, — улыбнулся король, глядя на жениха. — И все—таки я не ожидал! Я всегда считал вас человеком рассудительным, не склонным к внезапным страстям... А тут! Ну прямо удивили старика!

— Вот такой я непредсказуемый и дерзкий, — мрачно, словно на похоронах, процедил Инквизитор, пока я чувствовала, как вспотела моя ладошка в его перчатке. — Извините, я просто вне себя от счастья. Не мешайте мне задыхаться от восторга!

Он произнес это таким голосом, словно заколачивает гвозди в крышку чужого гроба.

— Благословляю! — торжественно произнес король. — Когда назначена дата свадьбы? Я обязательно приеду! Ну не плач, ну все! Считай ты уже жена! Остались лишь формальности! Я лично все проконтролирую.

Глава вторая. Мрачный новобрачный

— Через три дня, — мрачно произнес инквизитор, а потом поднял глаза на короля и тем же замогильным голосом добавил. — Вот такой я нетерпеливый.

Он посмотрел на меня, а я чуть не согнулась под тяжестью его взгляда.

— Иначе могу не дотерпеть, — мрачно произнес он, рассматривая мое жуткое платье и толстенный слой бездарного макияжа, к которому липли растрепанные волосы. — Тут просто соблазн на соблазне.

Мне кажется, мне сломали хвост! Ну еще бы! И ведь сказать ничего нельзя!

— Танец! — потребовал радостный король, пока тетя плакала в плечо дяди, а тот похлопывал ее рукой по надутому рукаву. — Танец для жениха и невесты! Обожаю свадьбы! Сразу вспоминаю мою покойную королеву! Я ведь тоже отказался от невесты, чтобы жениться на ней! Жаль, что она так недолго пробыла с нами.

Он ласково посмотрел на портрет молодой и красивой девушки в короне, застывшей с милой улыбкой и книгой в руке.

— Ваше величество! Вам нельзя волноваться, — шепнул слуга, склонившись к старику. — Помните, что доктор говорил.

— Да, да, да, — со вздохом согласился король, когда ему поднесли платочек.

— Танец! — тут же закричали слуги, а гости расступились, освободив центр зала. О, нет! Только не танец! А вдруг все увидят мой хвост?

В тот момент, когда сапог отпустил мой хвост, я почувствовала себя самой счастливой на свете. У меня чуть слезы не потекли по щекам.

— Глядите! Плачет от счастья! — шептались придворные. — Еще бы! Нет, ну надо же!

Оркестр, предчувствуя перемену королевского настроения, заиграл вальс, а я закусила губу. Так, главное, чтобы юбка не приподнялась, и никто не увидел ничего лишнего!

— Может, не надо? — спросила я, но меня не спрашивали. Твердой рукой меня повели в центр зала, а я с ужасом смотрела на гостей.

Мы танцевали, пока я внимательно следила за своей юбкой. Хвостик обмотался об ногу, а рука подрагивала в чужой руке.

— Зачем вы это сделали? — слышался голос мне на ухо, когда меня в танцевальной фигуре прижали к себе спиной.

— Я не хотела выходить замуж за старика.... А... А вы мне понравились.., — скороговоркой прошептала я, даже не зная, услышали меня или нет. — Ой!

Меня резко дернули к себе, а я от испуга лишь натянула пониже юбку.

Изредка я видела улыбку короля, бледных дядю и тетю, стоящих неподалеку, завистливые взгляды дам, которые прикрывали веером лицо, склоняясь друг к другу.

— Вы сильно злитесь, да? — робко спросила я, глядя на мрачное лицо, когда медленно кружилась под его рукой.

— О, нет, что ты. Задыхаюсь от восторга и просто порхаю от счастья, как маленькая бабочка в яркий солнечный день, — слышался убийственно — мрачный голос, а меня покачали из стороны в сторону, чтобы снова положить руку на мою талию. — А еще я почти не злопамятный. Я не помню тот позор, который случился двенадцать минут назад.

Танец показался бесконечным. Я видела, как мой старенький жених стоит рядом с брошенной невестой, договариваясь с ее родителями. Музыка закончилась, я выдохнула.

— Спасибо, нам пора, — произнес мой муж, схватив меня за запястье.

— А вы ничего не забыли? А? — улыбался король. — Какая же любовь без поцелуя? Вы же уже по факту муж и жена! Что значит почему? Потому что я так решил!

Что?! Нет! Я лучше умру на месте! Я не...

Меня привлекли к себе, заставив застыть как вкопанную. Перепуганный хвост дернулся под платьем. «Ну и скромница она у вас!», — рассмеялся король, глядя на дядю и тетю, похожих на бледные статуи.

Нет, нет, нет... Я крепко зажмурилась, едва увидев страшный взгляд мужа: «Мне точно нужно целовать это?». Он меня сейчас убьет! Точно убьет!

Я почувствовала прикосновение чужих губ к своим губам. Сердце окаменело, когда я ожидала чего-то ужасного. Но как ни странно, поцелуй был мягким и даже ... даже... каким-то нежным. Неужели в этом чудовище с внешностью принца есть хоть капля нежности?

— А теперь позвольте откланяться, — мрачно произнес мой супруг, оборвав поцелуй на половинке моего дыхания. Он схватил меня за кисть руки, сжав пальцы, словно наручник. — Мне не терпится отвезти мою ... супругу домой.

Я не успела опомниться, как меня уже вели в стороны выхода из залы, туда где при свете волшебных фонарей стояли красивые кареты. Где-то там, в уголке стояла наша маленькая коляска, запряженная одной лошадкой.

— Вы... Вы даже не дали мне попрощаться с дядей и тетей! — воскликнула я, чувствуя, как мы спускаемся по лестнице. Я едва успевала перебирать ногами, чтобы не споткнуться и не упасть.

— Вы тоже не дали мне шанса выполнить последнюю волю моего покойного отца, — слышался голос, а я старалась успеть за ним.

— А вы бы не могли идти помедленней, — попросила я, понимая, что мы почему-то свернули туда, где почти не светили фонари. — Пожалуйста.

Мы шли мимо кустов, а я вдруг поняла, что юбка зацепилась за ветку.

— Стойте! — крикнула я, упираясь изо всех сил. — У меня юбка зацепилась!

— Сейчас сниму! — слышался голос, а я в ужасе представила, что он снимет с меня юбку прямо здесь.

В этот момент на меня накатила волна такого страха и ужаса, что я ... я... обрадовалась!

«Никогда больше так не делай! Слышишь?!», — вспомнила я дядю и тетю, которые смотрели на меня с укором. — «Это был наш последний слуга! Вот что теперь с ним делать?!»

«Я не виновата, что он напугал меня! Он ходит так тихо!», — оправдывалась я, а в закрытую дверь ломился старый дворецкий, признаваясь мне в любви!

«Ты понимаешь, что ты у нас особенная! Как видишь, милая, ты немного отличаешься от обычных людей!», — смягчилась тетя, глядя на дядю.

«Это потому что моя мама была фэйри?», — спросила я, понизив голос до шепота. О фэйри можно было разговаривать только шепотом.

«Видимо, и тебе что-то ... эм... передалось! Знаешь, некоторые фэйри, они ... Когда они очень сильно боятся, то способный влюбить в себя человека, чтобы он не мог причинить вреда», — пояснил дядя, расхаживая по комнате.

«И что же мне делать?», — спросила я, сидя на стульчике и оплетая хвостом его потертую ножку.

«Не бояться никогда», — ответил дядя, беря меня за плечи. — «Что бы не случилось, не вздумай бояться! Иначе, все поймут, что в тебе течет кровь фэйри и за тобой придет Великий Инквизитор! Не к ночи будет помянут!».

«Обещаю, что никогда не буду бояться!», — пообещала я. И с тех пор действительно ничего не боялась. До этого самого дня, когда по ошибке встретила того самого страшного человека, которым меня пугали в детстве. И не просто встретила, а по нелепой случайности вышла за него замуж!

Когда в мою сторону потянулась рука в перчатке, невидимая волна ужаса прокатилась по телу, словно вырываясь из меня наружу. Я дернулась на месте, а рука прошла мимо, отцепив подол старого платья от веток.

Все! Теперь он будет любить меня вечно! Я победила!

Меня повели помедленней, а я вглядывалась в широкую линию плеч.

— Я вас люблю, — прошептала я, чтобы проверить, подействовало или нет?

Инквизитор внезапно остановился.

Глава третья. Наперекор судьбе

Еще три часа назад, мне казалось, что это — настоящее чудо! Роскошный бал, столько гостей, и дядя с тетей, которые шепчут мне на ухо, чтобы я присматривалась повнимательней!

Опьяненная восторгом, я смотрела на огромные золотые люстры, похожие на тетушкины торты, удивлялась модным нарядам и мечтала, чтобы меня пригласили потанцевать.

Пока я вздыхала и переминалась с ноги на ногу от нетерпения, к нам подошел какой-то старик.

— О, какая красавица! — заметил старик, заставив меня на мгновение обернуться.

— Невеста вот, а это моя жена, — заметил дядя, вежливо разворачивая старикана.

— О, прямо платье, как в моей молодости! Вот только что у нее с лицом? — послышался голос старика.

— Она просто стоит к нам спиной, уважаемый лорд Баллеорн, — вежливо заметил дядя, а я почувствовала неладное. — Как здоровье вашей супруги?

— Уже не жалуется, — заметил старик, пока я высматривала красивые пары. — Померла недавно. Так вот, я тут подумал, а не жениться ли мне еще разочек? Как раз невесту себе присматриваю!

— О, да! — послышался радостный голос дяди. — Вы как мужчина еще хоть куда!

— Хоть в дверь, хоть в окно, главное, чтобы вперед ногами, — поежилась я, как вдруг я увидела, как в зал вошел красавец. Он отбросил темные волосы, обвел взглядом танцующие пары и взял с подноса бокал.

Я смотрела на него пристально, боясь потерять из виду. Изредка его заслоняли высокие прически танцующих дам.

— ... мне все говорят, что в девяносто лет жизнь только начинается! — послышался скрипучий кашель за спиной. — Ну хороша девка! Все хороша! Насколько я помню, у вас детей не было?

— О, это наша племянница, — воркующей скороговоркой вмешалась тетя. — Понимаете, беспутный брат моего мужа неудачно

женился... Нет, конечно, для себя удачно. Жена хорошая, работающая. Но для нее, бедняжечки неудачно. Жена его скончалась при родах, а сам он недолго прожил. И вот теперь мы взяли их ребенка на воспитание!

Красавец тем временем кого-то выискивал глазами, пока я тайно следила за ним. Ну до чего же он красив! Мой хвостик тайно подергивался в такт музыке, а я натягивала юбку посильнее, чтобы не выдать свой секрет.

Дядя и тетя рассказывали мне, что моя мама была из народа фэйри. Тех самых, которые жили в лесах. И мне от мамы — хульдры достался коровий хвост.

И тут снова заиграла музыка. Я разочаровано вздохнула, слыша беседу про то, какую кость на что ломит. Стоило мне поднять глаза, как я увидела, что красавец идет ко мне! Не может быть! Этого просто не может быть! У меня даже дыхание перехватило, когда он приблизился. Может, я ему тоже понравилась? Хотя, под таким слоем макияжа, понравится я могла только подслеповатому старику.

— Я решил! Я женюсь! Должен же мне кто-то подавать носочки, бегать за лекарством и кутать в плед? Тем более, что в постели холодно! А грелки остывают к утру! А я постоянно мерзну даже под тремя одеялами! Поэтому я решил, что все-таки женюсь! — послышался довольный старческий голос, а я покосилась через плечо.

Пока я отвлеклась, красавец остановился рядом, буквально в полшаге от меня, и протянул руку. Но в этот момент он смотрел не на меня, а на мою соседку. Я повернула голову, видя красавицу, которая была слегка увлечена разговором и громко хихикала.

А вдруг это мой последний шанс? Вдруг я больше никогда не потанцую с таким красивым мужчиной?

— Ну, я так не могу! — возмутился старый лорд. — Давайте спросим у красавицы, согласна ли она стать моей женой?

«Сейчас или никогда!», — выдохнула я, сжав кулаки.

Сгорая от стыда и смущения, я резко сделала шаг вперед, положила руку поверх руки незнакомца.

— О, я согласна! — прошептала я, видя удивленный взгляд. Красавец явно на такое не рассчитывал. Но правила приличия требовали танца. Когда меня вели на танец, красавице обернулась и возмущенно посмотрела на нас.

Я замирала, не веря, что его рука лежит у меня на талии, а сам красавец держит меня за руку, ведя в танце со скучающим видом.

— Вам нравится бал? — спросила я, глядя на его драгоценную брошь.

— Восхищение так и рвется из меня неудержимым потоком, — похоронным голосом произнес красавец, и умолк.

— А мне очень нравится, — улыбнулась я, глядя на узор. Так, главное не сбиться! Вспоминаем, как учила тетя!

Мы танцевали дальше, хвостик непроизвольно вилял, пока я думала над следующим вопросом, который могла задать приличная леди кавалеру.

— А как вам погода сегодня? — спросила я, подняв глаза с надеждой.

— Не знаю, как умерить мой дикий и необузданный восторг — мрачно произнес красавец. Я вздохнула, понимая, что приличные вопросы закончились. Остаток танца мы танцевали молча, и когда музыка закончилась, меня повели обратно, среди красивых пар.

Чем ближе я подходила, тем больше понимала, что сейчас мне придется выйти замуж за этого старика.

— Отпустите, — прошептала я, видя, как дядя и тетя меня обыскали, чтобы сообщить радостную новость о моей свадьбе. И меня с радостью отпустили, исчезая в толпе.

Осторожно, обходя пары, я дошла до своего места, где меня ждали неприятности.

— Одну минутку! Стойте ровно и не шевелитесь! сейчас я буду делать вам предложение! — произнес старик. «Стоим, стоим!», — проворковала тетя, глядя мои плечи.

— Августин! — позвал старик. — Согни колено!

От портьера отделился молодой слуга.

— Какое, господин? У вас одно не сгибается, а второе парализовано! — произнес слуга, поглядывая на старикана. — Нет, ну если вы настаивайте!

Он поплевал на руки, присматриваясь к дорогим штанам.

— Нет, нет, не надо! Обойдемся! — заволновались дядя и тетя. — Можно просто прижать руку к сердцу.

— Так, где у меня болит? — спросил старик, осматривая свою грудь. — О, тут... Значит, сердце тут!

— Нет, нет, нет! — заволновались, когда старик завертелся, как вдруг увидел портьеру почти один в один повторяющую рисунок на моем платье и кивнул. — Я старый моряк, и слов любви не знаю!

— Не туда, — заметил дядя, разворачивая старика в мою сторону. — Сюда, сюда, лорд...

— А! — согласился старикан. — Так... Я — старый маньяк... И слов ... Забыл... Августин!

— И слов любви не знаю, — подсказал слуга. На мгновение дед застыл, словно задумавшись.

— Толкните его, он уснул, — прошептал слуга. — Только осторожно! Он пугается...

Дядя осторожно потормошил старика и что-то прошептал ему на ухо, пока тетя умилялась, обмахиваясь веером с обтрепанным кружевом.

— Выходите за меня, — выдал старик и удовлетворенно крикнул.

Я смотрела на старого деда, на его слугу, на дядю и тетю, которые кивали мне.

— Так, ты согласна выйти замуж за достопочтенного лорда? — спросил дядя, пока я молчала, видя, как сверкает бриллиантами камзол старика.

Тетя обняла меня за плечи, извиняющейся улыбкой улыбаясь старику: «О, она просто в шоке!».

— О, артишоки не люблю. У меня от них изжога и пучит, — признался старикан.

— Он очень богат, — прошептала тетя, осматриваясь по сторонам, а мой хвост нервно дернулся. — Очень богат! Богаче него только король и инквизитор!

— И слепой, — с другой стороны прошептал дядя. — Идеальный жених! Открыла окно в комнате, он почихал и все! Ты богатая вдова! Соглашайся...

— Я не могу, — вздохнула я, видя, как тетя и дядя переглянулись. — А вдруг он узнает про хвост?

— Ась-ась? Что она там сказала? — прищурился на меня старый лорд. Играла музыка, слышались голоса, поэтому даже я с трудом разбираю слова.

— Она сказала, что это большая честь! — громко произнес дядя прямо на ухо старикану.

— Ну, большая челюсть для невесты это хорошо! — согласился старик. — Будет мне разжевывать пищу! У меня — то зубов почти не осталось!

— Ну и что, что узнает! Скажешь, что ему пора принять таблетки! И никакого хвоста нет! — почти в один голос прошипели дядя и тетя, окружив меня со всех сторон. — Подумай хорошенько... Такой шанс выпадает один раз в жизни. К тому же он слишком стар, чтобы заглядывать тебе под юбку. Мы тебе добра желаем!

— Я... я не могу, — прошептала я, глядя на тетушку, которая гладила мою руку, глазами показывая на старого лорда.

— Что? Что она там сказала? Не слышу? — громко крикнул старческим глухим голосом жених.

— Она сказала, что ... что слегка смущена!!! — громко объявил дядя, а старый лорд покивал.

— Ну, то, что она, большая челюсть, слегка смещена это не страшно! — согласился старик, успокаиваясь.

— Это почему ты не можешь? — нахмурился дядя. Он хмурился крайне редко, поэтому я поняла. Дела у меня плохи.

— Потому что... — мой голос совсем упал, а хвост под прикрытием старого платья рисовал восьмерки на полу.

— Ась? Ась? Что она там говорит? — прислушался старик, глядя на меня. — Не слышу! Громче, девонька, громче!

— Она почти согласна! — громко произнес дядя, а лорд покивал.

— Ну, прекрасна- не прекрасна, но как приедем домой, я ее с лупой рассмотрю. Пока что она для меня такое... Интригующее пятно!

— Я не могу, потому... потому что мне уже сделали предложение! — выпалила я, ужасаясь собственной лжи.

— Как? Когда? — схватилась за сердце тетя, пока дядя с удивлением осматривался по сторонам.

— Эм... Только что, — прошептала я, смущаясь от собственной лжи. Ничего страшного! Дома я все расскажу! Если нужно, то даже поплачу, зная, что дядя и тетя меня очень любят и быстро сдадутся.

Эх, была не была!

— Только что, во время танца, — уверенно произнесла я, видя, как вытягиваются лица дяди и тети.

— А с кем ты танцевала? Маргаритта, с кем она танцевала?! Ты не помнишь? Я просто обсуждал с женихом приданное! — удивился

дядя, пока старик пытался расслышать наш разговор.

— А я откуда знаю, я подслушивала про приданное! — надула губы тетя.

— Что она там сказала?! Не слышу?! — крикнул старик. — Девонька, повтори!

— Вы опоздали! Мне уже сделали предложение во время танца! — очень громко повторила я.

— О! Предложение! — слышались заинтересованные голоса гостей. Шепот пополз по залу, а все с интересом смотрели на меня. Даже музыка играла очень тихо.

— Что?! Предложение?! — слышался незнакомый пожилой голос. И все тут же притихли. Кто-то тут же громко и гнусаво объявил.

— Предложение посреди бала! Кто у нас счастливая невеста? Пусть немедленно подойдет к королю!

Глава четвертая

Что было дальше, вы уже знаете. Ах, если бы я знала, чем обернется это, то никогда бы не согласилась! И теперь нужно проверить, сработали ли мои чары на моем... муже. Если сработали, то я спасена!

— Я вас люблю, — прошептала я, чтобы проверить. Инквизитор внезапно остановился и обернулся.

Он вскинул красивую бровь, скорее удивленно.

Неужели не сработало? Как же так? Всегда ж работало! Может, это у него любовь такая!

— Как жаль, что это ненадолго, — мрачно произнес он, а у меня внутри все заледенело.

Мы шли какими-то окольными путями, и меня это пугало. Все вокруг было мрачным и очень пугающим.

— П-п-почему мы идем здесь? — робко спросила я, видя на горизонте черную карету без гербов и красивых завитушек, как у всех. Мрачный кучер сидел на козлах, спрятавшись за высокий воротник и треуголку. Одинаковые черные лошади хрипели, а из их ноздрей вырывался пар. Но они были еще далеко.

— Чтобы не смущать никого вашей неземной красотой, — послышался четкий ответ. При мысли о том, что мои чары не сработали, мне стало страшно.

Дверь кареты от души распахнулась. Внутри было темно и неуютно.

— Мне туда? — робко спросила я, пытаюсь что-то разглядеть внутри и придерживая юбку. Не успела я опомниться, как меня захихнули в карету. Я едва успела унять перепуганное сердце, отползая подальше и натягивая свою юбку. Хвостик нервничал и трясся. Иногда он выделял нервные резкие восьмерки. Все внутри пахло кожей и горькими мужскими духами. Запах был незнакомый, неуютный, как и сама карета

— Трогай, — послышался мрачный голос, когда я робко подняла глаза на фигуру, сидящую рядом..

Сейчас он привезет меня домой, бросит на кровать, задерет юбку, а там...

Я закусила губу, косясь на красивый и мрачный профиль.

«Запомни, Амелия!», — любил поучать дядя, когда я выросла. — «Мужчины любят залезать симпатичным девушкам под юбку. Но многие мужчины не рады обнаружить там любое слово на букву «х»!

«Прямо любое?», — спрашивала я, видя с каким укором смотрит на дядю тетя.

«А что я не так сказал? Хрен, хворь и хвост — ни один мужик не рад видеть под женской юбкой!», — пояснял дядя, невзирая на возмущение тети. — «Так что хвост лучше не показывать!».

Я примерно знала, что сразу после свадьбы наступает первая брачная ночь, когда невесту раздевают. При мысли, что меня сегодня будут раздевать, мне стало так страшно, что я съежилась, глядя в окно. Мы проезжали какой-то мрачный лес.

— Так, я не понял. Это что такое было? — слышался голос, а я тут же села ровно. — Вы чем-там мне по ноге бьете?

Только сейчас я поняла, что все это время нервно и не отдавая себе отчет, барабанила хвостом по сидению. И видимо, попала по его дорогому сапогу.

— Ножкой, — ответила я, пока трусливый хвост спрятался за плотно сжатые колени. Точно! Сейчас он привезет меня разденет и все! — Извините.

Плохой! Плохой хвост! Только я перестаю его контролировать, как он тут же ведет себя ... как хочет. Может, в лес? А что? Дорога здесь плохая, карета едет медленно, так почему бы и не попробовать сбежать?

Я представила себя в лесу, сооружающей шалашик, вокруг поют птички и ярко светит солнышко.

Почему бы нет? Эх! Была, ни была!

Я толкнула дверь кареты, а она распахнулась настежь, а я выпрыгнула из кареты, как когда-то выпрыгивала из нашей брички, но кое — чего не учла.

Нога поехала в грязи, и я растянулась в зловонной луже.

— Стоять! — слышался страшный голос, когда я встала видя испачканное платье и грязные руки. Теперь нужно бежать! И чем быстрее, тем лучше!

Я посмотрела на страшный дремучий лес. Деревья переплетались, кусты бузины и боярышника расползлись почти до самой дороги. Я посмотрела на жуткий лес, а жуткий лес посмотрел на меня множеством светящихся глаз.

Ой, что-то я передумала!

Медленно, хлюпая грязью, я попятилась, как вдруг столкнулась с Инквизитором. От ужаса я подскочила на месте и дернулась в сторону леса. Глаза, которые вроде бы как исчезли, вспыхнули снова.

— Я подожду, когда вы определитесь, куда бежать. Либо от меня в лес. Либо от леса ко мне, — послышался мрачный голос.

Посмотрев на бледное лицо этого страшного человека, я подобрала юбку, поджимая хвост, и бросилась в сторону зарослей колокольчиков и ближайших кустов, как вдруг оттуда выпорхнула целая стая страшных ворон.

С криками они взлетели вверх, а я с визгом бросилась обратно в карету.

Грязь текла с меня ручьем, а мне на колени опустился белоснежный чистый кружевной платок.

— Спасибо, — прошептала я, вытирая им брызги грязи на лице. И снова мне показалось, что в нем есть что-то светлое. — Мне бы переодеться.

— Вам бы переродиться, — заметил Инквизитор, демонстративно отсев от меня на противоположное сидение.

Пока кучка грязи имени меня вздыхала и вытиралась, изредка поднимая робкие взгляды на красивое лицо.

— Что там у вас шевелится под платьем? — спросил мрачный голос.

— Совесть, — кротко ответила я, снова мысленно ругая хвост и пряча его подальше. С хвостом жить не так уж и удобно!

— Главное, своевременно, — усмехнулся мой муж. Мне даже страшно было его так называть!

— Возьмите, — протянула я платочек обратно, с которого текла грязь. Вся юбка насквозь была мокрой. Зато на руках и на лице грязи стало меньше.

В этот момент карета подпрыгнула на кочке, а я очнулась только тогда, когда меня резко усадили обратно на сидение.

— Как вы? — послышался очень сдержанный голос, а я с ужасом смотрела на красивый фиолетовый костюм, покрытый грязью и отпечаток моей грязной руки на его щеке и шее.

Ой, я смутилась. Неужели ему важно знать, как я себя чувствую? Ну наконец-то!

— Хорошо, — улыбнулась я, снова робко глядя на мужа, который взял двумя пальцами грязный платок и брезгливо выбросил его из окна кареты.

— Я не спрашиваю, как вы. Я спрашиваю, как вы посмели! — сверкнул глазами красавец, а я понимала, что если раньше в карете ехала один поросенок, то сейчас их два. И если один поросенок смирился, второй негодовал.

— Простите, — прошептала я, мысленно ругая кочки и подлетая еще на одной. — Я всегда считала, что муж и жена должны вместе делить невзгоды! Поровну.

Свирепый вдох заставил меня опустить глаза, рассматривая грязь на юбке.

— Вы сильно злитесь? — спросила я, поднимая робкий взгляд и сминая юбку на коленях.

— Чудесная сегодня погода, — странным голосом произнес инквизитор, а я слышала, как барабанит дождик по крыше кареты. — А за окном такая красота!

Он приоткрыл шторку. Из окна на нас смотрел пугающий и бесконечный лес.

Глава пятая

— Прямо сердце радуется. Вот — вот из груди выскочит! — продолжал он, буравя меня взглядом. — А у меня замечательная новость! Я женился!

Инквизитор тут же изменился в голосе.

— Я не знал, куда от того брака деться. Откладывал его, как мог! А тут вы! — заметил он, ужасаясь своим грязным манжетам. Сразу видно, чистоплюй!

— Приехали! Стой! — послышался крик кучера. Карета остановилась. Вокруг было тихо — тихо. Наверное, мне это показалось после стука копыт, который казался бесконечным.

— Вылезайте, — вежливо предложили мне. Я робко открыла дверь, выставив руку. Кажется, дождик прекратился. Передо мной были старые- престарые железные ворота, поросшие диким хмелем. Виноград почти полностью прикрывал каменную кладку забора. За забором, в промозглом осеннем тумане, виднелось старинное поместье.

— Какой ужас, — случайно вырвалось у меня. Гостей особняк не любит. Хозяев, видимо, тоже.

— Согласен. Уютненько, — послышался мрачный голос, когда я открыла ворота. Они проскрипели так, словно кого-то убивают. Хмель прошелестел, когда я робко заглянула внутрь, видя заросший сад, мрачные скрюченные деревья и колючки кустов. Ветер гулял в саду и завывал в трубах.

— Ой! — перепугалась я, слыша шаги сзади. Я чуть не подскочила на месте от неожиданности.

— Не бойтесь. Это всего лишь я и мой чудесный характер, — послышался мрачный голос.

Ну все, сейчас он приведет меня в дом, разденет и... Страшно представить, что будет, когда он увидит хвост! От волнения у меня чуть не прогнулись колени и вспотели ладошки. Мурашки пробежали по коже не то от ветра, не то при мысли, что меня ждет, когда тайна раскроется.

Нет, я так просто не сдамся! Я скажу, что у меня ужасно болит голова! Или спрячусь где-нибудь! В шкаф. Да. В шкаф! Или закроюсь в комнате!

Внезапно меня дернули за подмышки вверх. Я едва успела поджать хвост.

— Посмотри, дорогая. Все, что ты видишь, теперь принадлежит тебе! Это мой тебе свадебный подарок, — послышался ядовитый голос. До чего же у него приятный голос. Но почему он говорит так гадко?

Ой, мамочки! Жуть-то какая! Серая дымка тумана заволакивала поместье. Туман расползлся по саду, приводя меня в ужас.

Меня поставили на землю и демонстративно отряхнули.

— Я тут подумал, — снова подал голос Инквизитор, а мне на плечо внезапно легла тяжелая рука. Я округлила глаза, как соенок, искоса поглядывая на руку в перчатке. — Нам будет очень тяжело жить втроем.

— П-п-почему втроем? — спросила я, все еще поглядывая на чужую руку.

— Ты, я и мой чудесный характер, — послышался голос.

«Тогда уж вчетвером. Ты, я, твой чудесный характер и мой хвост!», — подумала я, посопев обиженным хомячком.

— Так что вряд ли мы уживемся вместе. Согласись. Кто-то явно лишний, — продолжал Инквизитор.

— Может, характер? — спросила я, видя, как рука исчезает с моего плеча. Хвост нервно дернулся, но юбка была слишком просторной, чтобы это было заметно.

— Поместье я вам дарю. Деньги буду присылать. Бастардов топить вон в том озере. Деревня там! — указали мне рукой в сторону леса. — Прощайте!

Мне ссыпали в грязную ладошку золото и одарили подобием милой улыбки.

Через мгновение я увидела, как инквизитор садится в карету.

Я опомниться не успела, как дверца захлопнулась, и карета тронулась, оставив меня наедине с подарком.

Платье промокло насквозь, волосы облепили плечи, а я приподняла юбку и выжала кончик хвоста. Не люблю, когда он мокрый шлепает по ногам.

— Опять грязь собирал, да? — спросила я, вытаскивая из мокрой взъерошенной кисточки сухие листья и какие-то веточки.

— Здесь кто-нибудь живет? — спросила я, привставая на цыпочки и прислушиваясь.

Пройдя до середины холла, я обернулась, как вдруг дверь сама по себе захлопнулась.

— Мама! — подпрыгнула я, прижимая к груди хвост и кружась на месте. Мои испуганные глаза внимательно смотрели на золотые канделябры, поросшие бородой паутины, на огромную пыльную люстру и на старую зеленую софу, которая издали напоминала замшелый валун.

За окнами громыхнуло так, что я снова подпрыгнула, пятясь в сторону лестницы. Сквозь шторы сверкнула яркая вспышка молнии.

Только я успокоилась и решила ступить на первую ступеньку лестницы, как вдруг послышался странный звон. Сначала я не поняла, что это, а потом посмотрела вверх.

Огромная пыльная люстра тряслась сотнями хрусталиков.

— М-м-мама! — дернулась я, натыкаясь на перила. Я бросилась к двери, повиснув на ручке, но дверь была закрыта.

Все вокруг пришло в движение, когда я бегала глазами от одной вещи к другой. Не помня себя от ужаса, я бросилась по лестнице, слыша, как среди звона и грохота раздается детский смех.

Двери хлопали, а я металась от одной двери к другой, отскакивая и сжимаясь от страха. Я помню, как бежала, открывая все двери подряд, пытаюсь спастись от чего-то страшного. Распахнув последние двери, я во что-то врезалась и отключилась.

Очнулась я, лежа на пыльной туфле. На мне было покрывало, которое на поверку оказалось шуршащим платьем.

— Ой-е-ей, — простонала я, трясая головой. Дверца шкафа была приоткрыта, а я толкнула ее и вывалилась наружу.

В доме было тихо. За окном был ясный день, и комната выглядела вовсе не страшно. Солнечные лучи били прямо в окна сквозь порванную занавеску.

— Это только я могла от страха перепутать шкаф и комнату, — простонала я, вставая и одергивая юбку.

Тут же юбка снова поднялась, причем, сама по себе, а я снова одернула ее. Юбка стала подниматься, а я прижала ее руками.

— Покажи! — послышался голосок. — У тебя что? Хвост?!

— Да, а что? — спросила я, никого не видя. Мои глаза шарили по комнате, пока я пятилась к стене.

— Настоящий хвост? — послышался детский голосок. — Ну покажи!

— Не покажу! Ты вчера меня пугала, — прижала я юбку посильнее, пытаюсь понять, что происходит. Как вдруг я присмотрелась и увидела маленькую полупрозрачную девочку с распущенными волосами. На вид ей было лет пять. На ней была ночная рубашка, а она кралась ко мне.

— Мне просто нужен твой хвост! — заявила девочка, идя так, словно ее никто не видит. — А ты не показывала! Я думала, что если напугать тебя хорошенько, ты упадешь и покажешь хвост!

— Я тебя вижу, — произнесла я, разворачиваясь к ней. На меня посмотрели большие глаза из под кудрявой челки.

— Как ты можешь меня видеть?! — послышался изумленный голосок. Девочка остановилась и присмотрелась. — Значит, ты и правда фея! Ура!

— Эм... — замялась я, понимая, что то страшное привидение — просто маленькая девочка. — Да, нет, я просто.... Эм... Просто у меня мама была фэйри... И поэтому у меня хвост.

— Ну, покажи, — потребовала девочка, пытаюсь заглянуть мне за спину. — Хочу увидеть хвост феи! Папа говорил, что у фей есть хвосты! Или крылья! А еще феи исполняют желания!

Маленькое привидение срочно требовало хвост, а я пока не знала, что и ответить.

— Ну хорошо, — вздохнула я, глядя на девочку. — Я покажу тебе хвост, а ты не будешь больше меня пугать! Договорились?

Девочка помялась, а потом снова заглянула мне за спину.

— Нет, мы сначала договоримся, — ответила я, пряча спину в угол.

— А я так посмотрю! — послышался смех, а она вошла в стену.

Я тут же отошла в центр комнаты, как вдруг услышала плач.

— Хочу хвост! — слышался капризный голосок. — Покажи мне хвост, или я буду плакать! Слышишь, я уже почти плачу!

— Зачем тебе мой хвост? — спросила я, немного не понимая, почему она к нему прицепилась.

— Хвост! — потребовали у меня, появляясь прямо в центре комнаты.

— Хорошо! Вот тебе хвост, — сдалась я, поднимая юбку. Грязь на платье уже засохла, поэтому спереди платье почти не сгибалось.

Я обернулась, видя, как маленькое привидение рассматривает хвост и тянет к нему руки. Она зажмурилась и прикоснулась к нему. Я почувствовала лишь холодок в том месте, где были ее пальцы.

— Я хочу снова стать человеком! — послышался голосок, а я удивленно вскинула бровь. — Фея-фея, исполни мое желание!

Она крепко зажмурилась, а потом открыла глаза, осматривая свои полупрозрачные руки. Я все еще не понимала, что происходит, поэтому внимательно смотрела, как девочка оглядывает себя со всех сторон. Как вдруг ее глаза налились слезами.

— Что случилось? — спросила я, наклонившись к ней.

— Папа... папа всегда говорил... — всхлипывала девочка, растирая лицо руками. — Он говорил, что если встретишь фею, нужно прикоснуться к ее хвосту или крыльям, и тогда твое желание обязательно сбудется! Значит ты — не настоящая фея!

Глава шестая

Я смотрела на рыдающего призрака и не знала, что делать.

Она растворилась, а я осталась посреди комнаты одна. На столе стоял письменный прибор, а я представила, как волнуются дядя и тетя. Тем более, что у тети слабое сердце! Поэтому, пользуясь случаем, я решила их успокоить.

Сдув пыль с прибора, я проверила чернильницу. На доньшке еще были чернила. Они бы высохли, если бы чернильницу вовремя не закрыли. Взяв листок бумаги и, стряхнув с него пыль, я села писать письмо.

— Дорогие дядя и тетя, — написала я, видя, как стремительно портится за окном погода. — Погода у нас отличная!

На улице поднялся ветер. В комнате вдруг стало мрачно, серо и неуютно.

— Солнце светит вовсю, — написала я, видя, как сизые тучи собираются в дождь.

«У-у-у-у!», — страшно завывал ветер в каминных трубах, заставляя меня ежится. Где-то хлопала створка окна.

— Мы добрались без приключений. Мой муж ведет себя очень ласково. Он просто окружил меня заботой, — вывела я строчки.

Я стащила с кресла дырявый пыльный плед и шмыгнула носом. Плед зацепился за старую доску и порвался. Я заглянула в дырку, посопела и накинула его на себя.

— И любовью, — вывела я, подбирая озябшие ноги в хрустящее подо мной кресло. — Я пишу это письмо в роскошном поместье, которое муж подарил мне в качестве свадебного подарка.

Звучало очень солидно!

— Оно очень просторное, — написала я, слыша, как ветер хлопает дверьми и створкой. — И красивое.

Послышался такой грохот, что заставил меня подскочить.

Я бросилась к окну, видя, как завалилась маленькая декоративная башенка справа.

Без башенки оно очень красивое. Это точно.

Так, чем бы еще успокоить дядю и тетю?

— Я теперь полноправная хозяйка поместья, — заметила я, слыша грохот внизу. Видимо, призрак бушует. — У меня целый штат прислуги, которая выполняет все мои капризы.

Я встала, обошла стол вокруг и задернула шторы, чтобы сесть на место.

— В общем, — написала я, слыша, как дрожит люстра, воет ветер, а где-то вываливается ветхое окно. — Я счастлива!

Поставив точку, я сложила письмо и положила на стол. Главное, чтобы магическая почта работала!

Есть хотелось неимоверно. Я переждала непогоду, тихо всхлипывая и обнимая колени. Найдя приличное белое платье, я померяла его, обнаружив, что оно мне ужасно велико. Включив гудящий золотой кран, я осторожно проверила воду.

Вода была горячая. Все-таки магия еще работает. Выгребая из ванны сухие листья, я набрала воды и попыталась выдавить из какого-то старого пыльного флакона мыло. Кое-как domывшись, я вылезла и закуталась в полотенце.

Потом я взяла стул и решила сломать его.

— Ты что делаешь?! — послышался возмущенный голос привидения. — Ты не имеешь права! Это любимый стул моего папы!

— Хорошо, — согласилась я, поглядывая с опаской на призрачную девочку. — Я возьму другой! Я сломала старый стул, несколько раз ударила им об пол и стала разжигать камин.

Растрепав кисточку хвоста, я сушила ее вместе с волосами.

— Ничего, — вздохнула я, глядя вокруг. — Я сделаю это поместье красивым! Всем на зависть!

В этот момент отвалилась старая картина с гвоздя. Так, нужно отправить письмо и сходить в деревню, чтобы купить еды.

Я переделалась в белоснежное платье, единственное, которое подошло мне по размеру. Оно было немного великовато, явно на девушку повыше, но я решила, что и так сойдет. Как говорила тетя: «Чем длиннее юбка, тем меньше неприятностей!».

Спустившись по некогда роскошной лестнице вниз, я услышала жалобный плач призрака. Мне было ее искренне жаль, но я пока ничем помочь не могла.

Дверь открылась с таким скрипом, что у меня волосы на хвосте встали дыбом.

Впервые за все время здесь я увидела, как яркое солнышко преобразует заросший сад. Сейчас он не казался мрачным, а наоборот, напоминал дремучий и красивый лес. На листьях сирени застыли сверкающие капельки воды, а я направилась по садовой дорожке в сторону почтового ящика.

Открыв его, я засунула письмо. Оно засветилось, но не исчезло! Я еще раз вытащила его и засунула, как вдруг письмо засветилось и рассыпалось сверкающими искорками.

— Надеюсь, что они его получат, — прошептала я, похлопав когда-то красивый ящик.

Деревня, наверное, там. Я посмотрела на заросшую тропку, ведущую в глубину леса. Мне было как-то страшновато, но я медленно пошла по тропке.

Лес становился все гуще и мрачнее. Деревья нависали надо мной, пытаюсь зацепить ветками, словно шептали: «Не ходи! Не ходи!». В какой-то момент мне показалось, что за мной кто-то следит в тени деревьев. Я прямо почувствовала взгляд из чащи.

Резко обернувшись, я увидела высокий странный силуэт, который стоял и смотрел на меня чуть светящимися глазами.

Перепугавшись, я закричала и бросилась бежать, но когда обернулась, то силуэта уже не было. Неужели мне показалось?

От страха я забыла обо всем на свете. С ужасом я рассматривала огромные деревья, заросли колючего кустарника, покрытого ягодами, переплетение веток и траву, на которую уже упали желтые листья. Кажется, я сбилась с дороги!

Странное чувство заставило остановиться. Все вокруг показалось таким знакомым, хоть я раньше и не была в лесу никогда.

— Офелия... — позвал незнакомый тихий голос. Я обернулась, но там никого не было.

— Офелия, — донесся до меня голос с другой стороны, но когда я обернулась, там тоже было пусто. Только ветки шуршали.

— Офелия... — шептал лес, пока я подозрительно осматривалась по сторонам.

— Я не знаю никакой Офелию, — прошептала я, но ветер принес шепот: «Офелия...».

В лесу было мрачно, среди деревьев клубился туман. Первые звезды сверкали на ночном небе, а мне уже перехотелось идти в

деревню.

— Офелия, — шептал лес, пока я вжимала голову в плечи. Как вдруг я вышла на тропу и ужасно обрадовалась.

Бросившись по тропинке обратно, я слышала, как внутри что-то шепчет имя: «Офелия». Как будто лес кого-то зовет!

Я не заметила, как выбежала обратно к поместью, слыша, как лес никак не может уgomониться. Дойдя до почтового ящика, я увидела письмо. Наверное, это от дяди и тети!

Засунув руку по локоть, я вытащила аккуратный конверт. Брови полезли на лоб, когда я увидела незнакомый почерк. Он был ровный и четкий, буква к букве.

Сдернув печать, я открыла письмо и стала читать, осматриваясь по сторонам.

— Я так понимаю, что вас заинтересовали деньги, поэтому выбор пал на меня, — прочитала я первые строчки. — Ну что ж. Вот документы на поместье, содержание я буду отправлять вам каждую неделю, как и обещал. Взамен вы обязуетесь не покидать поместье, не появляться в столице, пока скандал не утихнет и не искать со мной встречи. Я постараюсь приложить все усилия, чтобы его величество как можно скорее забыл об этом инциденте на балу. Тогда можно будет оформить развод. Ваш супруг, — прочитала я, как вдруг снова увидела силуэт, стоящий возле дерева.

Дернувшись, я бросилась в сторону поместья и закрыла дверь. Мамочки! Какой ужас!

На всякий случай я сдвинула занавеску, чтобы посмотреть, не преследует ли кто меня. Вроде бы никого не было! Ну и жуткое здесь местечко!

Я перечитала смятое письмо, чувствуя, как внутри нарастает обида. Нет, с одной стороны все сложилось как нельзя лучше! А с другой стороны... Я снова посмотрела на письмо, шмыгнула носом и стиснула зубы.

В доме было мрачно и тихо, поэтому я решила пересидеть в доме.

Очнулась я на пыльном диванчике, как только услышала звук кареты. Сначала я подумала, что мне показалось! Но потом, я решила выглянуть в окно. И правда! Возле дома стояла черная карета. Неужели он приехал за мной?

Сердце обрадовалось и испугалось одновременно, поэтому я осторожно вышла из дома, видя мрачного кучера и ту самую карету, в которой меня сюда привезли.

— Хозяин велел передать вам еду и кое-какие вещи, — буркнул кучер. — Все в карете!

— Велел передать мне еду? — спросила я, осторожно открывая дверцу.

Глава седьмая

Я осторожно взяла сверток, а карета тут же поспешила уехать. Стоя возле ворот, я прижимала к груди посылку, и мне почему-то вспомнился поцелуй. Словно внутри этого темного человека есть что-то светлое, нежное, способное любить.

— Офелия, — услышала я голос, как вдруг увидела возле дерева тот самый страшный силуэт с едва заметно горящими глазами.

Я сделала шаг назад, как вдруг силуэт сделал шаг вперед. Передо мной стоял высокий невероятно красивый мужчина с белоснежными волосами. Незнакомец был бледный, словно никогда не видел солнца, в роскошной одежде, сверкающей драгоценными камнями и в короне, напоминающей острые осколки льда. Вид у него был какой-то утонченно — величественный. «Он фэйри!», — осенило меня, как вдруг мне стало страшно. Неужели здесь водятся фэйри?

— Вы... вы кто? — перепугалась я, чувствуя, как хвост поджимается к ноге.

— Офелия! — послышался голос, а незнакомец вдруг схватил меня и прижал к себе, заставляя выронить посылку. — Ты жива... Я думал, что люди тебя убили! Наконец-то я нашел тебя!

— Простите, вы обознались, — дернулась я, упираясь руками ему в грудь. — Я — не Офелия! Меня зовут Амелия! И ... И вы меня с кем-то путаете!

— Я не могу тебя перепутать! Я следил за тобой! — удержали меня от попытки сбежать.

— Так это были вы? — спросила я, требуя, чтобы меня отпустили. Но меня все еще держали.

— Значит, когда уничтожили столицу фэйри, ты каким-то чудом выжила, — послышался голос, а меня, словно не слышали.

— Столицу фэйри? — спросила я, понимая, что он — сумасшедший. А от сумасшедших есть отличное средство защиты. Прочная дверь.

Я сопротивлялась, как могла, и даже укусила его за руку, требуя, чтобы меня оставили в покое. Никакая я не Офелия! Я — Амелия!

— Офелия! Прекрати! Может, хватит прикидываться? — требовали у меня, пытаюсь прижать к себе. Так, он сильнее, а это значит, что...

— Вспомни мне, Офелия! — тряхнули меня за плечи. На бледных, длинных пальцах сверкнуло странное кольцо. На мгновение мне показалось, что в нем спрятана какая-то магия. — Вспоминай!

Я подозрительно всматривалась в бледное лицо незнакомца. Он был красив какой-то странной, нечеловеческой красотой. Зеленые глаза чуть светились в темноте, а вокруг них залегли зловещие темные тени. От этого глаза казались еще ярче и напоминали драгоценные камни. Белые волосы, лишённые хоть какого-нибудь оттенка красивыми волнами спускались по плечам.

Одежда незнакомца была зеленой, в тон глаз и сверкала драгоценными камнями.

— Я почувствовал твои чары там, в человеческой столице. И пытался тебя остановить, — произнес незнакомец, сощуривая красивые глаза.

И тут я вспомнила ветки, которые цеплялись за мою юбку, словно не пуская меня. Значит, это были чары! А я и не знала!

— Я... я вспомнила, — прошептала я. — Кажется, я вас знаю... Да, точно! Я вас знаю!

— Наконец-то, — выдохнул незнакомец, усмехнувшись, и ослабил хватку.

А зря!

Ловким ударом, как меня учил дядя, я заставила его согнуться пополам, а сама схватила посылку и бросилась в сторону дома. Запыхавшись, я закрыла за собой дверь.

— Фуф! — фыркнула я, ковыляя в сторону столика. — Вспомни меня! Вспомни! Может, он из кустов за мной подглядывал!

Я передразнила его и вредно засопела. Положив руки на ленту, я бережно ее развязала. Прошуршала почтовая бумага, а я увидела хлеб, вяленое мясо со специями и много чего вкусенького.

— Завтра я дойду до деревни! — решила я, уплетая еду. Призрак молчал, вещи не шевелились. Но если прислушаться, то казалось, откуда-то издалека доноситься тихий детский плач.

— Может, не надо плакать, а? — попросила я, осматривая пыльную люстру. — Ты хоть скажи, что за желание ты загадывала?

Призрак внезапно появилась прямо из пола, растирая глаза руками.

— Я хотела снова стать живой, — вздохнула она, пролетая мимо дивана. — А тебе какое дело?

— Слушай, — усмехнулась я, заворачивая еду. — Зачем тебе снова быть живой? Быть призраком это же здорово! Я бы сама хотела стать призраком! Живые не могут ходить сквозь стены, а ты можешь!

— Могу, — кивнуло привидение, расправляя свою ночную рубашку. Девочка заметно успокоилась.

— Живые не могут летать, а ты можешь! — продолжала я, видя, как она смотрит на меня большими глазами.

— Да, но я не могу выйти из дома, — слышался голосок уже сзади меня.

— Знаешь, — поджала губы я, сворачивая ленту и повязывая ею волосы. — Я бы на твоём месте не очень бы хотела выходить из дома!

Я подумала и добавила.

— Там бродить какой-то психопат!

— Тот, который заглядывает сейчас в окно? — спросил призрак, а я подпрыгнула от неожиданности, оборачиваясь. Возле окна и правда стоял силуэт, который растворился.

— Так, нам нужно тут все отмыть! А то у нас тут ужасно грязно! Прямо ужас наводит! — решительно произнесла я, все еще косясь в сторону окна. С трудом отыскав тряпку и ведра, я решила начать с холла.

Старый веник сметал сухие листья, которые, видимо, влетели с порывом ветра в разбитое окно. Я старательно оттирала пол, ползая с тряпкой.

— Я — молодец, — выдохнула я, как вдруг поняла, что оттерла всего лишь треть холла. Я переносила ведро хвостом, старательно натирая плитку, чтобы полюбоваться. — Ничего, скоро здесь будет чисто и уютно! Хоть гостей принимай!

Чтобы не выходить на улицу, я решила подняться на второй этаж, открыть окно и вытряхнуть из старого покрывала листья и прочий мусор. Отряхнув пыльное покрывало, я вдруг услышала кашель внизу.

Сначала я не поняла, а потом увидела черную карету, стоящую за воротами.

У меня глаз дернулся, когда я услышала яростный стук в дверь.

— Мамочки! — прошептала я, глянув вниз и увидев роскошный костюм, покрытый пылью. За дверью стоял мой муж, кашляя и протирая глаза.

Я мгновенно закрыла окно и заметалась по комнате. Нет, я даже не подумаю открывать! Ни за что!

Увидев шкаф, я юркнула в него и притаилась.

— Я пошла в деревню, а меня съели волки! — прошептала я, прислушиваясь к стуку.

— Здесь волки не водятся, — шмыгнул призрак. Ее головка с буклями волос прошла сквозь плотно закрытые створки.

— Хорошо, я случайно заблудилась в лесу, меня нашли ежики и усыновили! — предположила я, прислушиваясь. — Короче, меня нет дома!

— Кто это? — спросил призрак, пока дверь внизу ходила ходуном, словно ее выносили.

— Это мой муж, — прошептала я, вжимая голову в плечи.

— Тогда я ему все расскажу! — послышался коварный голос призрака. — Прямо сейчас расскажу, если ты не пообещаешь мне, что будешь играть со мной каждый день!

— Он — Великий Инквизитор, — заметила я, как вдруг призрак дернулась и просочилась ко мне.

— Я тут с тобой посижу, ладно? — странным спросила она, садясь рядом. — Меня тоже нет дома!

«Бум–бум–бум!», — послышалось внизу, а мы переглянулись.

— Если ты немедленно не откроешь, я выломаю дверь, — послышался голос снизу.

— Там возле двери стоит ведро с грязной водой, — прошептала я, а глаз дернулся. — Ну прямо возле — возле...

— Нам конец, — шмыгнуло носом привидение.

Послышался грохот, звон и плеск, а следом мрачный голос: «Я сейчас тебя найду и как выражу свое восхищение!».

Я нервно теребила хвост. Призрак сидела рядом и тряслась.

— Прелестно! Просто прелестно! — слышался мрачный голос и грохот ведра. — Я изумлен, восхищен и знаю, где вас похоронить!

Я закусила губу, содрогаясь от грохота его шагов.

— Дабы не переутомлять себя, скажу, что у меня есть отличный костюм для ваших похорон, — мрачно заметил голос мужа, а я с

облегчением обнаружила, что он прошел мимо комнаты.

— Может, ты погремишь чем-нибудь? — спросила я, глядя на привидение.

— Тебе надо, ты и греми, — отозвалась она шепотом. От нее шел холодок, поэтому рука справа покрылась мурашками.

И чего это он явился? Причем, так быстро? Он же не хотел меня видеть!

— Мадам, я мечтаю увидеть вас в следующий раз красивой, нарядной с закрытыми глазами, окруженной безутешными родственниками, — мрачный голос и шаги приближались.

Припав к тоненькой светлой щели, я с замиранием сердца следила за тем, как он отряхивает белоснежный костюм. О, как же он был красив в нем! Темные волосы казались черными, красивый профиль напоминал принцев из сказки, а свирепо раздувающиеся ноздри тонкого аристократического носа, намекали, что в ближайшее время мне предстоит согреться в лучах славы и костра.

Фух! Я мысленно утерла пот со лба, когда силуэт мужа исчез, а дверь скрипнула. Зато рядом послышался странный шорох.

— Ты что де... — начала я, видя, как призрак смотрит на меня извиняющимся взглядом. Шаги в коридоре замерли, как вдруг дверь скрипнула и хлопнула.

Привидение тут же исчезло, пройдя сквозь стенку шкафа и стену! Дверь шкафа скрипнула, а я в ужасе забилась в темный угол. Нет, привидением быть хорошо! Что бы не говорили! Оп! И ты прошел сквозь стену!

— Значит, вот вы где, — послышался мрачный голос. Меня вытащили наружу, пока я отчаянно прятала хвост под юбкой. Судя по взгляду мужа, который держал меня за плечо, я скоро сама смогу ходить сквозь стены!

Глава восьмая

В пыльном зеркале отражалась чумазая после уборки я, и почти чистый муж.

— Ты почему в шкафу пряталась? — слышался голос.

— В доме привидение, — прошептала я, решив отомстить.

— Нет здесь никакого привидения, — заметил муж, осматриваясь.

Ну конечно, когда в дом входит Великий Инквизитор привидения предпочитают сделать вид, что сдохли!

— Маленькой девочки, — продолжила я, в надежде, что пролью свет на эту историю.

Меня вели по коридору вниз, где было расплескано ведро с грязной водой. Огромная лужа на полу и брызги на белоснежном костюме намекали, что благодарностей за еду и одежду не надо.

— Вы сами говорили, что не хотите видеть меня, — вышла я на улицу. Солнечный свет заливал сад и бил в глаза, а я следила, чтобы хвост не торчал из-под юбки.

— Король настоял, чтобы свадьба состоялась немедленно! — произнес муж, ведя меня к черной карете.

Неужели?! Сам король настоял! Значит, мы едем в столицу!

Меня втащили в карету и сели сами, захлопнув двери от души.

— А правда, что в этих лесах живут... фэйри? — спросила я, глядя в окно, когда карета трусила по дороге. Мне хотелось просто поговорить, потому что я ужасно нервничала!

— Кто его знает, — произнес мрачным голосом мой муж, пытаясь вытереть грязь платком.

— А правда, что фэйри похищают людей? — спросила я, вспоминая этого сумасшедшего, который следил за мной.

— Кто его знает, — мрачно ответили мне, стряхивая с плеч листья.

— А может такое быть, что фэйри сами выйдут к людям? — спросила я, глядя на то, с какой тщательностью он вытирает пыль с сапог.

— Кто его знает, — тем же мрачным тоном ответили мне, а я вздохнула.

— Я вам сильно надоела с вопросами? — спросила я, заглядывая в лицо мужу.

— Кто тебе еще про это расскажет, — усмехнулся он, задумчиво глядя в окно.

Я решила умолкнуть, глядя в окно. Красавец сидел напротив меня и молчал, пока я гадала, куда меня везут. Видимо, меня просто отвезут и покажут королю! Так что ничего страшного!

— Ну, чего вы молчите? — внезапно произнес мой муж, а я даже удивилась. Он заговорил первым! — У меня настроение не до конца испорчено. Вы собираетесь его портить дальше?

Карета подпрыгнула, а я вздохнула. Но решила промолчать, глядя на мелькающие деревья.

— Сначала мои слуги вас отмоют и переоденут, а потом мы явимся к его величеству, — донесся до меня спокойный голос, а я вздрогнула. Что значит, отмоют и переоденут? Это что? Будут делать слуги? Тогда они точно увидят хвост и расскажут Инквизитору! Мамочки! Нужно что-то делать! Причем, немедленно!

— А я не люблю, когда меня слуги одевают, — начала я, в надежде, что мне разрешат это сделать самостоятельно.

— Я тоже много чего не люблю. Например, вас, — улыбнулись мне в ответ. — Но это необходимо перед визитом к его величеству.

Ой, мамочки! А ведь надежда была!

Я заметалась по карете, как вдруг поняла. У меня нет выбора. Только бежать! Я распахнула дверцу и выскочила из кареты, покотившись по траве в овражек.

— Стой! — слышался голос позади, а лошади заржали. Я быстро одернула задравшуюся юбку, и бросилась бежать в самую чащу. Станным было то, что ветки, словно сами расступались передо мной, давая мне дорогу. Удивительно, но там где чаща казалась непролазной, вдруг каким-то чудом образовывался проход.

Я задыхалась от быстрого бега, изредка оглядываясь, не бежит ли кто за мной. Не хватало, чтобы слуги мне под юбку лазили! Ага, щас! Я так и разрешила!

Внезапно я почувствовала, как меня ловят. От страха я завизжала, как вдруг увидела перед собой зеленые глаза того самого «Вспомни меня!». Как он здесь очутился? Он же как бы был там!

Я услышала, как позади меня раздается хруст. Обернувшись, я увидела, как сверкающий меч рубит заросли.

— Ты моя невеста, Офелия, — послышался шепот. — Ты моя невеста. Помни, что ты — моя невеста. Твой отец отдал тебя Подгорному королю!

Я попыталась дернуться, но незнакомец исчез, словно дымка. Отчаявшись, я бросилась бежать, как вдруг споткнулась об корень и упала. Открыв глаза, я встала на четвереньки и заползла за ближайшее дерево, чтобы притаиться. Коленка болела, а я сидела и прислушивалась к треску веток.

Неподалеку послышался хруст веток, тяжелые шаги, свист меча. Единственное, что пришло мне в голову, так это затаиться. Коленка болела жутко, а подоле юбки проступило кровавое пятнышко. Словно перепуганный зверек, я замерла, стараясь дышать потише.

Меч просвистел рядом, рубя ветки. Шаги были так близко, что я закусила губу: «Только бы не заметил!». Дыхание было настолько тяжелым, что я сама испугалась. Но высунуться из своего маленького ненадежного укрытия так и не рискнула.

Внезапно я увидела грязные сапоги с изысканными серебряными застежками. Мои глаза скользнули по светлым испачканным штанам, а потом поднялись выше.

Сверкающий меч в беспощадной руке ослеплял своим блеском. А по нему, словно кровь стекала дождевая вода. Вместо испачканного камзола, на муже была белая разорванная ветками сорочка с порванным кружевом. Темные волосы облепили его бледное лицо, а грудь вздымалась от тяжелого и сбившегося дыхания.

Внезапно его брови поднялись, глядя на меня, притаившейся возле дерева.

Я не нашла ничего лучше, как брякнуть: «Здравствуйте!».

— Хорошо погуляла? — послышался мрачный голос инквизитора. Меч, который муж сжимал в исцарапанной ветками руке, он вонзил с размаху в мох. В этот момент мне показалось, что он проткнет мне насквозь юбку и ногу. Но меч вошел аккуратно, даже не зацепив.

Выдохнув, он присел и резко поднял меня на руки. От ужаса, что он сейчас нащупает хвост, я чуть не лишилась сознания. Хвост каким-то чудом спрятался между ногами, и обвился вокруг колени.

— Я так счастлив, я так рад, что у меня есть ты, — слышался голос, когда меня несли в сторону дороги. — Вот мы сядем в карету, и всю дорогу я буду восторгаться вашим поступком!

Впервые в жизни я прижималась к его груди, слыша как гулко бьется его сердце.

«Сердце, сердце!», — мысленно шептала я, вслушиваясь в его стук. — «Может, однажды, ты меня полюбишь?».

Поверьте, пределы моего восторга не имеют границ, — мрачно сплунул мешающие ему волосы муж. На его скуле красовалась ссадина. Видимо, от ветки. — Я готов один раз нести вас на руках в сторону кладбища, чтобы потом дарить вам цветы.

Я вздохнула. План провалился. Обидно! Что же теперь будет? Я представила лица служанок, которые раздели меня и с криками убежали докладывать инквизитору. Представила, как я прижимаю к груди кисточку хвоста, стоя в одних панталонах с дырочкой, которую мне всегда аккуратно вырезала тетушка.

За сломанными ветками показалась наша карета, которую осматривал кучер. Он пинал ногой огромное колесо, словно проверяя, как оно держится.

Меня затолкали в карету, а через минуту залезли и сели рядом.

— Куда отодвигаетесь! Я вас уже знаю! — произнес муж, отбрасывая мокрые волосы с лица. Сорочка намокла и облепила его мощное тело. Даже сквозь белую ткань были виден рельефный пресс и широкая накачанная грудь.

Я отползла к окну, но меня тут же взяли за талию и неожиданно подтащили к себе. Его рука обняла меня, а я боялась даже вздохнуть.

— Вы — личность неблагонадежная, — усмехнулся он той самой мрачной улыбкой. — Поэтому будете сидеть так.

— Мне... мне неудобно, — прошептала я, понимая, что не привыкла к тому, чтобы меня обнимали.

— Неудобно, это когда тебе приносят труп жены, а ты понимаешь, что хотя бы волки сегодня не уйдут спать голодными, — с мрачным сарказмом ответили мне.

— А если я пообещаю, что больше так не буду? — спросила я, глядя ему в глаза.

Глава девятая

Я посмотрела на его руки, которые сплелись в замок на моей талии. Чувство было очень волнительным. «Мы уже заставили его себя обнимать!», — усмехнулась я.

— Вы меня отпустите? — робко спросила я, а меня крепче прижали к себе, намекая, что нет! .

Раскисшая осенняя дорога сменилась звонкой брусчаткой и шумом городских улиц.

— Запомните. Никаких жалоб королю. У нас все хорошо и большая любовь, — произнес мрачный голос прямо на ухо.

— У нас все хорошо и... и... большая любовь, — повторила я, глубоко вдыхая.

— Вы всецело заняты подготовкой к свадьбе! — произнес инквизитор.

— Я... всецело занята подготовкой к свадьбе, — кивнула я.

— Достаточно, — смилостивились надо мной.

Послышался окрик кучера и карета остановилась.

Ну все, мне конец! Сейчас меня будут переодевать, а там и хвост вылезет наружу! И вместе с ним огромные неприятности!

Внезапно послышался крик. К нам кто-то бежал.

Муж отогнул занавеску, а я увидела, как к нам на всех парах мчится солидный мужчина в возрасте. Больше всего мне запомнились его лакированные туфли, наступающие в лужи.

— Ваше сиятельство, — задохнулся солидный мужчина, цепляясь за окно. — Его величество срочно требует вас к себе! Прямо срочно! Он уже присылал гонца два раза!

— Значит, переодеться мы не успеваем? — спросил инквизитор, глядя на обляпанный брызгами грязи белоснежный костюм.

— Срочно, — выдохнул слуга, отстраняясь от кареты. — Он сказал, что вы и так уже опоздали!

— Во дворец! — послышался крик мужа, а кучер стеганул лошадак.

Неужели? Я прямо ... прямо не знаю, кого благодарить за такой подарок судьбы!

Наверное, все-таки мой внезапный побег! О, если бы я не сбежала, и меня не пришлось бы разыскивать по лесу, то мы бы так не опаздывали!

Карета неслась, как угорелая. А я в щелочку занавесок видела мелькающие здания и то, как почтительно и опасливо расступаются люди.

— Пропустить! — рыкнул кто-то. Снаружи что-то заскрипело и загромыхало, а карета, не успев остановиться, тут же дернулась и понеслась дальше.

— Ваше сиятельство! Вас уже ждут! — выбежал к нам слуга, спускаясь по длинной мраморной лестнице. — Его величество уже волнуется.

Меня вытащили из кареты и крепко взяли за руку, поглядывая в сторону роскошного парка.

Я едва поспевала за мужем, слыша тихий шелест приветствий. Роскошные двери громко открылись, а мы вошли в просторный гулкий зал.

— О, наконец-то! А то я уже начал волноваться, — произнес король, как вдруг ужаснулся. — Что с вами?!

— Мы решили прогуляться за городом, — мрачно произнес муж.

— И карета сломалась, — внезапно выпалила я от волнения. Я всегда в этот момент становлюсь ужасно разговорчивой. Чем иногда донимаю дядю и тетю.

— Прямо на повороте, — коротко произнес муж.

— Колесо отлетело, — я чувствовала, что не могу остановиться.

Король метался взглядом то на меня, то на мужа. Он усмехнулся, и подобрел.

— Ну, что. Со всяким бывает. У меня вон тоже сколько раз карета ломалась. Не беда, — улыбнулся король. — Ну что вы, уже со свадьбой все решили?

— Да, — произнесли мы почти хором. Муж сгреб меня, прижимая к себе, а я прижалась к испачканной грязной груди мужа и улыбнулась.

— И какого цвета будет платье? — спросил король, глядя на мужа.

— Рыжим, — произнесла я.

— Голубым, — почти одновременно произнес муж.

— Так рыжим или голубым? — спросил король, усмехнувшись.

— Голуборыжим! — произнес инквизитор.

— О, — меланхолически вздохнул король, снова глядя на портрет.
— На моей королеве было красное платье! С розами! Как же она была хороша... А свадьбу какую решили делать?

— Пышную, — улыбнулась я.

— Скромную, — почти одновременно ответил муж, скосив на меня глаза. — Пышноскромную.

— Так, пышноскромная свадьба, невеста в голуборыжем платье, — перечислял король. — Какая красота!

— Но пока что свадьбу придется отложить, — меня погладили по руке. — На пару дней. Невесте нездоровится.

— А что такое? — встревожился король, а я зыркнула на мужа. — Дитя мое, скажи, что случилось! Не скрывай. Если все серьезно — найдем лекарей. Моя покойная супруга тоже болела. Поэтому я знаю, что это такое. Так что говори, как есть!

Если я скажу, что действительно больна, то свадьбу наверняка перенесут. А свадьба — это брачная ночь. А брачная ночь — это хвост. А хвост — это тюрьма. Так, я очень и очень больна!

Сказать честно, я никогда не болела. И даже не знала, что это такое. Но все смотрели на меня, требуя ответов. А я даже и представить не могла, чем я могла заболеть.

В голове промелькнуло, как болел дядя. У дяди было много болезней. Он был просто кладезем для лекаря.

— У меня ... эм... — начала я, глядя на спокойное лицо мужа и переводя взгляд на лицо короля. — Эм... Радикулит! Спина болит... Эм... Суставы ноют на погоду... Колени хрустят... Ни сесть, ни встать...

Я вспоминала все, на что жаловался дядя, пребывая в ужасном настроении. Он всегда перечислял симптомы, пока тетя хлопотала вокруг него.

— Давление... — перечисляла я, вспоминая, как дядя лежал в кресле с компрессом на голове и рассказывал, что у него болит. — Руки немеют... Нога отказывает... Эм... Прострел в колене... В ушах звенит.... Мушки перед глазами....

Все это было для меня пустым звуком, но до чего же солидно звучало!

Король, как сидел, так и откинулся на спинку трона. В его глазах стоял ужас.

— Такая молодая, а вон сколько болячек. И радикулит, и рехвма... Не знаю, как называется, лекарь мой знает. Это по его части, — произнес король, а я подняла глаза на мужа: «Я все правильно сказала?». — Такая молодая, а как бабка старая разваливаешься.

Муж смотрел на меня странным взглядом.

— Так, вот что я вам скажу, Инкрис! — вдруг строго произнес король строго-строго. — Жену нужно беречь! Видал, какая она у тебя болезная!

— Конечно, берегу, как могу, — согласился муж, еще раз посмотрев на меня странным взглядом.

— Я вон, молодой был, глупый, не берег! И что теперь? Портретом люблюсь! — возмутился король и погрозил пальцем. — Здоровье жены — самое важное! Так, сейчас я позову своего лекаря! Пусть он ее осмотрит!

И тут мне стало страшно. Что я не так сказала?!

— Лекарь! Лекарь! — крикнул король. Портьера рядом зашевелилась, а расторопный слуга кивнул и исчез.

— Сейчас придет лекарь, и вас осмотрит. Я очень опасаюсь за ваше здоровье, — произнес король авторитетным голосом.

— Палач, — послышался тихий шепот на ухо.

Что? Какой палач? О чем это он? Неужели муж догадался?

— Плач и устраивай истерику, — шепнули мне, когда я уже перебрала в голове все возможные мысли. В основном, нехорошие!

Так, чтобы расплакаться, нужно вспомнить что-то грустное. А у меня как бы грустного и не было в жизни. Дядя и тетя меня очень любили! Мы вместе по вечерам читали книжки. Однажды, когда я расшалилась, дядя шлепнул меня по попе. Это было вовсе не больно. Скорее, обидно. Но я быстро об этом забыла.

Но дядя плакал двое суток, пока тетя хлопотала вокруг него. И пока я сама не залезла ему на колени и не сказала, что это было не больно, и я не обижаюсь, он не успокоился. Зато мне купили леденец и ленточки. Одну из них я повязала на хвост и показывала. «Ах, мартышка!», — смеялся дядя, когда я кружилась с ленточкой на хвосте.

Тетя сказала, слегка смущаясь, что это, наверное, неприлично. И хвост никто не украшает. В правилах этикета для благородной леди такого нет. На что я ответила, что не у каждой есть хвост.

Я вспомнила тот единственный момент, когда я плакала. Мне тетя рассказывала.

Я помню, как однажды разревелась, когда на ужин тетя сделала говяжий стейк. Я съела половину, спросив, что это. На что дядя ответил, что это такая коровка! Му! И сделал пальцами рога.

И тут я вспомнила, что видела стадо коров. И видела, как они обмахиваются хвостами! А тут говяжий стейк. Через два часа безутешного рева дядя и тетя узнали, что коровы — мои родственники. И я не буду есть родственников!

Дядя смеялся так, что по стенке сполз. А тетя кричала на него. Поскольку все были шумными, я решила еще немного порыдять. Чтобы внести посильную лепту в общий шум.

— Он сейчас придет, — вырвал меня из воспоминаний голос.

— Зря вы сказали ей про лекаря, — вмешался Инквизитор, резко прижав меня к себе и отвернув лицом от короля. — Она у меня очень стеснительная. И сейчас устроит целую истерику.

— Нет, нет, нет! — строго произнес король, отвернувшись. — Когда речь идет о здоровье, стеснение ни к чему.

— Мадам! Вы хоть предупредительную соплю пустите! Иначе мы отсюда никогда не уедем! — послышался голос мужа. Он говорил так тихо, что король его не слышал.

— Не могу, — едва слышно выдохнула я, решив не лукавить. — Не получается...

— А вы постарайтесь! — прошипели мне на ухо. И я очень старалась.

Единственное, что я смогла выдать, это «хы-хы-хы!».

— Вы ей это скажите! — спорил с королем муж, пока я отчаянно рылась в воспоминаниях в поисках грустного момента. — Сейчас начнется. Слезы, сопли, крики, катания по полу...

Я тоскливо посмотрела на мужа, понимая, что мне только что вручили руководство к действию!

— Ыыыы! — протянула я, пряча лицо.

— Не плач, — слышался мрачный голос мужа. — Лекарь тебя просто посмотрит... Может, он женщин никогда давно не видел.

— Ну, дитя мое! — умилительно уговаривал король. — Такая взрослая девушка. Считай, уже невеста и плачет! За здоровьем нужно

следить! А то вон как вас скрутило! Вы еще молодая! Вам еще детей рожать!

— Я требую истерику, — сквозь зубы прошептал муж. — Таковую, чтобы окна в зале дрожали.

— Я честно пытаюсь, — ответила я, пока что всхлипывая. — Вы точно уверены, что хотите истерику?

— Да, — мрачно прошипели мне, неловко глядя по голове.

— Вы точно-точно хотите истерику? — на всякий случай спросила я, кое-что вспомнив. — Вы потом не будете ругаться?

— Сомневаюсь, что вы покажете то, чего я не видел, — заметил едва слышным шепотом муж.

Ладно. Просили истерику, получайте.

Я медленно набирала обороты рыданиями. По щекам текли натуральные слезы. Однако, слишком медленно, поскольку в зал вошел старенький лекарь. За ним бежал молодой ученик с чемоданчиком.

— Ну, показывайте! — вздохнул целитель, подойдя ко мне и протянув руку.

— ИИИИИИИИ!!!! — выдала я так громко, как могла. Мой визг усилился многократным эхом.

Целитель шархнулся в сторону. Король вжался в трон, а муж подпрыгнул на месте от неожиданности.

— Не надо так к-к-кричать, — послышался голос целителя. — Я просто посмотрю. Дайте- сюда вашу руку, я просканирую ее магией...

— ИИИИИИИИ!!!! — заорала я с удвоенной силой. Стекла задрезжади, люстра покачнулась, а золотые подсвечники заходили ходуном. Я рыдала, кричала, бросалась на лекаря. Я смутно помню, что творила.

Через полчаса я слегка подустала и стала успокаиваться.

— Я же говорил, — мрачно произнес муж, а я осмотрела зал. Целитель был уже полностью седым. Его ученик выронил чемодан и тоже поседел. Король смотрел на вылетевшие стекла и на качающуюся люстру.

Я подняла глаза на мужа, и увидела, что он тоже седой.

— И так каждый раз, — крикнул муж, хотя в зале было тихо. Он отряхнул голову, посмотрел на потолок. Только сейчас я поняла, что это — не седина, а белая штукатурка, осыпавшаяся с потолка.

— Простите, ваше величество. Мне нужно ее успокоить и увести в карету, — слышался очень громкий голос мужа.

— Я пойду!!! — крикнул лекарь, стоящий возле короля. Он обернулся к ученику, который прятался за ним. — Идем!!!

— Иду!!! — заорал ему ученик, хотя стоял в полушаге от учителя.

— Вы за здоровьем следите!!! — закричал король, трясая головой.

Меня вывели из зала, а я посмотрела на мужа.

— Вы — страшная женщина, — мрачно произнес он, когда мы спускались по лестнице.

Глава десятая

Я шла и обиженно молчала, изредка бросая взгляды на мужа.

— То сами просите, то потом жалуетесь, — проворчала я, следя, чтобы хвост не показался из-под юбки, когда мы спускались по ступенькам вниз.

Меня затолкали в карету, а сами сели рядом, держа меня.

— Вы теперь всегда будете обнимать меня? — спросила я, слыша, как кони заржали, а кучер прикрикнул на них.

— Я не обнимаю, — мрачно произнес муж. — Я спасаю свои нервы.

— Понятно, — улыбнулась я. Мне вот интересно, он заступился за меня потому, что короля обманывать нехорошо, или что-то подозревает?

— Ой, а мы куда? — спросила я, видя, как мы проезжаем по мосту. Мне не ответили. Карета остановилась возле какого-то ателье, а я с ужасом поняла, что меня вытаскивают наружу.

— Мы зачем сюда приехали? — спросила я, чувствуя, как меня берут за руку. Но не так, как обычно! Пальцы, словно наручник сомкнулись вокруг моего запястья.

— Нам нужно платье. Я очень надеюсь, что оно не пригодится, — посмотрел на меня муж. Ну хоть бы раз улыбнулся. Почему он всегда такой мрачный?

— Слушайте, — заметила я робко, прижимая юбку сзади. — А почему вы всегда такой... хмурый...

— Я? Хмурый? — муж даже остановился. — Вы меня на работе не видели. Да я просто душа компании. Особенно, если дело касается пыток.

— Поняла, — кивнула я, решив больше о таких вещах не спрашивать. Интересно, а с другими он такой же? Или только со мной?

Колокольчик приветливо прозвенел, когда муж открыл дверь, заводя меня внутрь. Первое, что бросилось в глаза, так это роскошное платье с недошитой юбкой. Корсет сверкал бриллиантами, а я само платье вполне бы налезло на шкаф.

Я робко спряталась за спину мужа, осматриваясь и видя несколько законченных нарядов с кокетливыми розочками и кружевами.

— Да, да, — приветливо — уставшим голосом произнесла немолодая женщина, высунувшись из-за платья. В ее руках были ножницы, а к фартуку были приколоты иголки. — Чем я могу вам помочь? Вам нужно платье, молодой человек?

— Да, всегда мечтал о вентиляции вокруг интимных частей тела, но оставляю это на старость, — мрачно пошутил муж. — Платье нужно ей.

Меня вытащили из-за себя, пока я заметно нервничала и пыталась уgomонить свой хвост. Он всегда, когда нервничает, перекачивается туда — сюда. Тетя говорила, что это очень заметно под юбкой.

Значит, дело не во мне. Он всегда такой и со всеми... Это заставило меня едва заметно улыбнуться.

— Нам нужно голуборыжее свадебное платье, — произнес муж, пока я любовалась кружевами и вышивкой.

— И чтобы был бантик, — подняла я глаза, видя, какими глазами на нас смотрит портниха.

— Голуборозовое? — спросила она, откладывая ножницы на стол.

— Для пышноскромной свадьбы, — произнес муж мрачным тоном. Портниха, которой уже лет сорок снились кружева, рукава и корсеты, присела на стул.

— За сколько вы можете такое пошить? — спросил муж. — Нам нужно быстро.

— И бантик, — посмотрела я на мужа.

Если на платье нет бантика, то оно некрасивое.

— Ну, тогда я сниму с девушки мерки, — произнесла портниха. — Так, сначала плечи... Ага... Теперь талию! О! Ну прямо рюмочка! А теперь... Ой, а что это у вас там?

Я опомнилась слишком поздно. Кисточка хвоста, показавшаяся их-под платья заставила глаза портнихи расшириться. Все! Это конец! Она меня сдаст!

— Это... это... мышь! — закричала я, вспоминая, как тетя однажды сослепу перепутала кисточку моего хвоста с мышью и как вопила на весь дом. — Иии! Это мышь!

Портниха дернулась и отпрыгнула от меня на несколько шагов.

— Мадам! У меня не может быть мышей! — уверяла она, но голос ее при этом был неуверенным. — Иначе бы они прогрызли все ткани!

— Но я видела мышь! И вы ее тоже видели! — пищала я, вспоминая, как бегала тетушка. Тетушка до ужаса боялась мышей. Она считала, что любая мышь спит и видит, как броситься на нее и разорвать на части. Поэтому при виде мыши, она поднимала такой шум и крик, что на него чуть не сбегались соседние государства.

— Мадам, я вас умоляю, не нервничайте! — успокаивала портниха, пока я с ужасом залезала на кресло с ногами. Хвост был поджат, а я смотрела на место, где только что стояла с таким ужасом, словно там развернется геенна огненная, а оттуда появится ... мышь! Тетушка делала именно так.

— Мадам, мадам, — лепетала портниха. — Нам... нам показалось... Я уверена, что мышей у меня нет! Прошу вас, успокойтесь!

— Она меня растерзает!!! — орала я, приподнимая юбку и прыгая на кресле. — Она меня убьет!!! Помогите! Спасите! Мышь!

Инквизитор, который до этого почему-то рассматривал кисточку на шторе, резко обернулся, словно вынырнув из собственных мыслей.

— Мышь! — кричала я. — Большая, коричневая мышь!

Муж посмотрел на то место, куда я показывала пальцем, потом перевел взгляд на меня.

— Убейте это чудовище! — с придыханием, позаимствованным у тети, я тыкала дрожащим пальцем в пол.

В этот момент тете требовался доблестный рыцарь. Он должен был бросить все дела и броситься к ней на выручку. Обычно этим рыцарем был дядя. Он героически расчехлял ногу, снимал тапок и выслеживал проклятую мышь. Тетя переминалась на кресле или диванчике, рассказывая обо всех кровожадных мышлях, которые она успела прочитать в свирепых мышинных глазах. И о том, что мышь ее запомнила! И теперь не успокоится, пока не воплотит все кровожадности в жизнь.

— Мадам, слезайте, здесь нет никакой мыши! — уверяла портниха, покраснев до кончиков ушей. Голос ее звучал неуверенно. — Она уже убежала!

— Она вернется! — посмотрела я на портниху и на мужа. — Я знаю! Я видела это в ее глазах! В них всех видно!

— Не переживайте. Я отомщу ей за вашу смерть, — мрачно произнес муж с легкой улыбкой. — Если с вами что-то случится, я положу жизнь, чтобы выследить ее. Я буду выслеживать ее и день и ночь. А потом закажу ваш портрет и буду тыкать ее мордой со словами: «Кто это сделал?». Так что слезайте!

— Не слезу, — прошептала я, обнимая себя за плечи, как это делала тетя. Она была уверена, что хитрая мышь просто где-то затаилась. И как только тетя поставит ногу на пол, мышь бросится и откусит ей половину ноги.

Муж не выдержал и подошел к креслу.

Рывком он снял меня с него, а я едва успела зажать хвост между ногами.

— Извините, что так получилось, — лепетала портниха, пока меня несли в сторону двери. — Надеюсь, заказ не отменен?

— Нет, — произнес муж, ногой открывая красивую дверь. — Чтобы послезавтра платье было готово.

— Я вам еще красивую фату пошью! — слышался голос, а меня снова несли в карету.

— Сидеть! — приказали мне, когда я решила пересесть на другое сидение. Муж пролез в карету и уселся рядом. Дверца хлопнула, сиденье скрипнуло, а кучер прикрикнул на лошадей.

— А куда мы едем? — спросила я, чувствуя, как меня снова держат за талию.

— Туда, где вас не найдет ваша мышь, — усмехнулся инквизитор.

Я посмотрела на него, вспоминая, что тетя обсуждала мышь еще целый вечер. Пока дядя, словно охотник, выслеживал мышь, лежа на полу. Он загонял ее, шел по ее следу, а потом бил тапкой возле мыши с такой яростью, словно пытается сделать из нее мохнатую лепешку. Тетя, сидя на кресле с ногами восклицала: «Ты мой герой!» и что-то в этом роде.

— Т-т-точно мертва? — дрожащим голосом спрашивала тетя. — Ты проверил. Проверь! Проверь обязательно!

— Да, с такими ранами не живут, — мрачно произносил дядя, делая вид, что хочет показать тете поверженного врага. Но та начинала визжать и отворачиваться. Тетя была искренне уверена, что

раскатанная тапкой мышь и зверски забитая молотком, только прикидывается дохлой. А на самом деле она только и ждет, когда ее понесут показывать, чтобы отомстить по полной.

А когда тетя успокаивалась и уходила, дядя ловил мышь, прятал в кулаке и нес на улицу. Там он выпускал ее и закрывал двери. Один раз он дал мне ее погладить. Она была такой милой и забавно шевелила носиком.

— А вдруг она меня найдет? — дрожащим голосом спросила я. И в этот момент я почувствовала, как меня обхватили чуть сильнее, чем обычно. Это было так волнительно и странно, что я боялась даже вздохнуть лишний раз.

— Но вы же не сказали ей свой адрес, — послышался голос мужа, а в нем прочиталась легкая улыбка.

— А вдруг она меня выследит? — с тревогой спросила я, снова поднимая глаза на его красивое лицо. — А кучер не может прибавить ходу? Вдруг она прямо сейчас бежит за каретой?

— Думаете, она вас запомнила? — мрачно поинтересовался инквизитор. Но при этом он слегка улыбался. — И рассмотрела, как следует?

— Это же мышь! — ответила я, с пылом тетушки. — Я помню, как она на меня сощурилась. Я многое успела прочитать в ее глазах!

— Я так понимаю, в ее глазах читалась смерть, — согласился муж. Он крикнул кучеру прибавить ходу. — Даже если это так, то сначала она убьет всех рыжих девушек в округе. А это дело ляжет ко мне на стол.

— Почему к вам, а не жандармам? — осторожно спросила я, понимая, что инквизиция занимается только магией и прочими непонятными случаями. А мне так и не хотелось думать о том, что однажды он отправит меня на костер. Или посадить в мрачную камеру.

— Потому, что на горле жертв будут отпечатки мышинных зубов, — мрачно усмехнулся муж. — А нападение дикого зверя сначала проверяется инквизицией. Вдруг это чей-то неудавшийся фамильяр?

— А если и так? — спросила я, понимая, что мы впервые с ним разговариваем! И кто бы мог подумать! Про мышь! Мне ужасно хотелось продолжить эту беседу. Впервые в жизни, я не чувствовала страха перед мужем. Но на всякий случай, я наступила ногой на хвост, чтобы он не выдавал непроизвольную радость.

— Я постараюсь вас предупредить, — мрачно пообещали мне, переводя взгляд на меня. — Пришлю письмо о том, что по столице рыскает мышь и наводит про вас справки.

— А вдруг она все равно явится? Ночью? — спросила я, округляя глаза от ужаса, как тетя. Мне самой было смешно от того, что я говорю. Но я всячески держалась, чтобы не рассмеяться.

— Не бойтесь. Если будет реальная угроза, то я дам вам охрану, — мрачным голосом произнес муж.

У него был такой мрачный шарм, что я просто поражалась. Природа, наверное, пошутила. Она дала ему внешность прекрасного принца и характер циничного престарелого аристократа, который не без удовольствия схоронил всю родню.

— Охрану? — удивилась я. — Настоящую?

— В два ряда, — продолжил муж, поглядывая на меня. — Но я надеюсь, что она вас не выследит. У вас есть одна надежда, что пойдет дождь. И смоет наши следы. И на повороте на Бриенстоль, мышь свернет не туда.

— А если она все-таки придет? — продолжала я, понимая, что так долго мы еще никогда не разговаривали. И мне жаль было упустить этот момент.

— Разрешаю вам обороняться всеми возможными способами, — с мрачной улыбкой произнес муж. Он внезапно склонился к моей макушке и негромко добавил.

— Только, чтобы у вас не было проблем с законом, постарайтесь вложить в лапу убитой мышь нож, — негромко произнес он, а его дыхание задело мои волосы. Это было так приятно, что я у меня мурашки побежали.

— Нож? — спросила я так же полупшепотом. Карета подпрыгнула на кочке и свернула.

— Можете стул. Как вам будет угодно, — серьезно произнес муж. — И тогда у вас точно не будет проблем с законом. Закон умрет от смеха. А вы сможете бежать в другую страну. Только не забудьте поменять внешность и имя, потому что у мыши могут оказаться родственники.

— Хорошо, — кивнула я, понимая, что этот шуточный разговор вызывает у меня желание рассмеяться. Но я тщательно стягивала губы трубочкой.

Глава одиннадцатая

Никогда не думала, что мы приедем так быстро! Но вот уже раскисшая осенняя дорога уткнулась в мрачноватое поместье. Интересно, кто-нибудь вообще знает, что оно здесь есть.

Я вышла из кареты, тщательно одергивая юбку. На губах была улыбка. Я ничего не могла с ней сделать. При виде мрачного фасада, я немного погрустнела.

— Всего хорошего, — послышался голос мужа. Он вышел меня проводить, чтобы убедиться наверняка, что я не буду выслеживать его. И не спрячусь в вагу.

Я обернулась, видя, как он направляется в сторону кареты. На пару мгновений он замешкался, а потом произнес в полоборота.

— Если что-то будет вам нужно, то пишите список.

Мой недоуменный взгляд застыл на его широкой спине.

— Нет, спасибо, — вздохнула я. — Деньги вы уже дали. Спасибо.

На эти слова инквизитор обернулся, глядя на меня хмурым взглядом. Он все еще не уехал. А я не могла понять, что его здесь держит.

— Их хватит? — внезапно после недолгого раздумья спросил муж. Он с сомнением посмотрел на меня.

— Да, мне многого не надо, — вздохнула я, направляясь в сторону скрипучих врат. Капельки дождя, словно бриллианты, застыли на мрачной решетке.

— Ну хорошо! — внезапно произнес он, так словно разозлился. Через минуту, я видела, как карета исчезает среди еще не облетевших деревьев.

Запах сырости и листьев стоял в старом саду. Я уже собиралась пройти к крыльцу, как вдруг услышала страшный шорох в кустах.

— Опять ты? — спросила я, вспоминая того преследователя. — Ты снова за старое?

Кусты зашевелились, а я стала осторожно отходить в сторонку, пока не уперлась спиной в дерево.

— Пфе! — послышался голос, а я с удивлением увидела, как из кустов вывалился маленький кролик с рогами.

— Вы кто? — спросила я, видя, что это вовсе не тот, на кого я подумала. — С вами все в порядке?

Вид у него был жалкий. Сам он выглядел весьма потрепанным и грязным.

Осторожно, словно боясь спугнуть его, я подошла и присела рядом. Вблизи он был таким милашкой, что мне захотелось его погладить.

Я осторожно протянула руку, проведя по шерстке.

— Мы с тобой не сильно знакомы, чтобы ты гладила меня по попке! — внезапным басом выдал кролик.

— Ой, — отпрянула я, отдернув руку.

— Где принцесса? — спросил кролик, кашляя, как старый прокуренный матрос.

— Какая? — спросила я, не веря своим глазам. Как такая маленькая зверюшка может разговаривать таким голосом. На меня смотрели милые глазки — бусинки, но до тех пор, пока он не открыл рот.

— Вы кто? — повторила я свой вопрос.

— Вольпентингер в манто, — произнес кролик. А его смешной носик потянул воздух. — Мне нужно убежище!

— За вами гонятся? — спросила я, видя, как он отряхивается. Только сейчас я заметила, что один рог у него был обломан.

— Да, инквизиция, — заметил кролик. Он уже пришел в себя, осматриваясь.

— А с чего вы взяли, что я ... Впрочем, — начала было я, как вдруг почувствовала морось дождя. — Давайте в дом. Можно я вас подниму?

— Только пузо не трогать! — произнес Вольпентингер. — Мы с тобой не так сильно знакомы, чтобы настолько сближаться. У меня, между прочим, жена и дети. Это так, на будущее.

Я открыла двери, не слыша призрака.

— Принцесса где? — спросил Вольпентингер. — Я слышал, что она здесь. Веди меня к ней!

— Эм... Здесь нет никого, кроме меня и привидения. Девочки, маленькой, — начала я, видя, как она выплывает прямо из портрета родителей. — О какой принцессе вы говорите?

— Принцесса фэйри Офелия! — заметил Вольпентингер.

— Ну, здесь такой точно нет, — пожалала я плечами, видя, разочарование.

— О, нет, она есть! Вы ее просто прячете! — гордо заявил заяц. И смешно повел носом. — Принцесса Офелия!

Призрак подплыла поближе. Она выглядела как обычно. Взъерошенная, босая в одной рубахе.

— А кого он зовет? — спросила она негромко.

— Какую-то принцессу, — пожалала я плечами, видя свое перевернутое ведро.

— Офелия!!! — крикнул Вольпентингер, осматриваясь по сторонам. Он уже понял, что никто не отзывается, поэтому прижал уши.

— Может, мы сможем вам помочь? — спросила я, понимая, что к кроликам еще не обращалась на «вы». — Мы можем вас спрятать! От инквизиции!

— Моего хозяина арестовали. Его обвинили в колдовстве. Ну, да. Было дело. Убил человек пять. Но он же не нарочно! Когда пришла инквизиция, я успел сбежать. Я — просто фамилляр, который вдруг остался без дома, без хозяина, без ничего. Я какое-то время жил в лесу. Прикидывался обычным зайцем. Зайцы — тупые. Это я вам сразу говорю. Знаете, как это выглядело: «А давайте погрызем кору?», «А давайте!». Но меня уважали в стае.

Я присела на диван, слушая рассказ. Вольпентингер забавно почесался.

— Рога по весне поменяю. А чешутся, будто уже пора, — пробурчал он. — Так вот, я успешно продвинулся в стаде зайцев. На моем счету было три сердечных приступа среди охотников. Я любил подкрадываться к ним и делать вот так...

Он набрал воздуха в грудь и страшным басом с рычанием выдал:

— Умр-р-р-ри, смер-р-ртный!

— По весне я бодался с зайцами за невесту. Нескольким я выколол глаза. Но все хорошее заканчивается. Политические интриги в заячьей стае сделали свое дело. Меня сместили. А потом, когда я удирал от охотника, то наткнулся на одного человека. Точнее, не совсем человека. И он сказал, чтобы я шел сюда. К принцессе Офелии.

У меня в голове промелькнуло, что это тот самый Король, который убеждал меня в том, что он мой жених.

— Так что податься мне некуда, — заметил Вольпентингер и посмотрел на нас глазками — бусинками. — А кругом рыскает инквизиция. Меня ищут.

— Неужели? — спросила я, подбегая к окну и выглядывая. — Ну, оставайся здесь. Здесь тебя точно инквизиция не найдет.

— Правда? — спросил Вольпентингер.

— Да, — радостно подтвердил призрак. — Тебя здесь никто не найдет! Ее муж — Великий Инквизитор!

На мгновенье Вольпентингер застыл, а потом шлепнулся на пол.

— Он умер? — спросила призрак, подлетая. — Эй, шапочка, ты живой? Или я уже могу с тобой играть!

— Великий Инквизитор? — слабым голосом произнес Вольпентингер и дрыгнул задней лапкой. — Seriously... Мамочки... Развоплотите меня... Магия, роди меня обратно! Учтите, мадам, меня даже на шапочку не хватит! Про муфточку я вообще молчу!

— Да не бойся, — вздохнула я, вставая и присаживаясь на корточки рядом. — Я тебя не сдам!

— У нее самой хвост! — радостно сдала меня призрак, летая вокруг.

— Хвост? — произнес Вольпентингер, глядя на меня. Я чуть-чуть приподняла юбку, показывая кончик хвоста.

— Значит, ты — фэйри, — оживился рогатый кролик. — Ну и дела! А муж в курсе?

Я отрицательно покачала головой.

— Он милый, давай его оставим, — шепнула мне на ухо призрак. — Я буду с ним играть.

— Я не против, — ответила я, видя, как гость приходит в чувство. — За тобой никто не следил?

— Ха! Я был хитер и бдителен! И петлял следы! — гордо отозвался Вольпентингер, и тут же вздрогнул. В дверь отчетливо постучали. Стук был настойчивым и требовательным.

— Откройте, инквизиция, — послышался голос, а Вольпентингер затрясся и заметался по холлу.

— Ой, — заметила призрак и нырнула в портрет. Я осталась стоять, не решаясь подойти к дверям.

Осторожно, чтобы не было слышно скрипа половиц, я бросилась наверх. В окне было видно, как по саду рыщет отряд, пока двое

инквизиторов в черных плащах стучатся в двери.

Взяв себя в руки, я спустилась вниз, понимая, что так просто они не уйдут.

— Спрячь его, — прошептала я призраку, а та, посмотрела на дрожащего кролика.

— Или вы открываете, или мы ломаем двери! — слышался неприятный голос.

Опомниться я не успела, как дверь вынесли.

— Где он? — произнес пожилой инквизитор, бегая глазами туда — сюда.

— Да как вы посмели! — возмутилась я, глядя на незнакомые лица. Они заполнили весь холл, рыская глазами туда — сюда.

— Приказ, — коротко ответили мне. — Отвечайте! Где преступник!

— Какой преступник? — удивилась я, отходя к дивану.

— Такой!!! — крикнули мне в лицо, заставив сесть. — Ищите его! Везде смотрите!

— Да кто вам давал такие полномочия! — возмутилась я, упирая руки в боки. 0 Вламываться в чужой дом!

— Мы постучались, — произнес немолодой инквизитор. Этот фанатичный блеск в его круглых темных глазах мне ужасно не нравился. — А вы, дамочка, можете пойти, как соучастница, если мы выясним, что преступник здесь!

— Какой преступник? — снова спросила я, видя, как рыщет инквизиция, сбрасывая вещи со столиков. Их шаги гремели по лестнице, а я лишь краем глаза могла отследить, куда они двинулись.

— Страшный преступник, — ответил инквизитор, сощурившись. — Это — прислужник темного чародея! Чародея — убийцы!

— Не может быть, — сглотнула я, слыша, как на втором этаже хлопают дверьми.

— Да, — снова подозрительно сощурился инквизитор на портрет. — Это — пособник зла. Мы еле вышли на след этого проклятого колдуна. На его счету десятки жертв. И фамилляр ему помогал.

Я вспомнила глазки — бусинки и милую мордашку.

— Так что если ты укрываешь его, то подумай хорошенько! Он ведь тебя растерзает! — произнес негромко инквизитор, расхаживая передо мной. — Набрасывался из темноты на невинную жертву.

Кролик дернул носиком и забавно почесался.

— Так что если ты что-то знаешь, то говори, — внезапно произнес инквизитор, который мне совсем не нравился. Однажды, когда дядя рассказывал про инквизицию, он говорил, что самое страшное — это фанатики. Те, которые одержимы идеей. И мне казалось, что сейчас я имею дело именно с таким.

— Ну, что? Будем сознаваться? — рывкнули на меня, а я чувствовала себя неуютно. Особенно, когда наверху послышался грохот. Неужели нашли?

— Вы проникли в мой дом, — произнесла я, глядя на инквизитора. — И теперь что-то требуете от меня. А кто вам... эм... давал такие полномочия?

— Великий Инквизитор дал нам их, — произнес гордо незванный гость.

— Мой муж? — спросила я, видя, как тот смотрит на меня, как на умалишенную.

— Да ты с ума сошла! — смерил меня взглядом этот тип. И крикнул кому-то наверху. — Переверните весь дом, но фамильяра достаньте. Ему некуда было бежать! А магический след привел сюда.

— Какой магический след? — спросила я, понимая, что мне не верят.

— Вот какой! — мне под нос ткнули какой-то кристалл. — Он выслеживает магию. Только здесь он почему-то барахлит. Даже странно! Не иначе тут какая-то магия. А ты, случайно, не ведьма? А? А то живешь тут одна. Подозрительно!

— Нет, — ответила я, слыша, как инквизиция переворачивает дом вверх дном. — С чего вы взяли?

— Живешь далеко от столицы. Одна. В глуши, — с каждым словом голос инквизитора становился подозрительней. — Обычно ведьмы так и поступают!

— Я не ведьма! — бросила я, вставая с дивана. — А теперь вон из моего дома. Достаточно вы тут обыскались!

— Да ты что?! — возмутился инквизитор, вырастая передо мной. — Ты кто такая, чтобы нам указывать! Эй, ребята! Проверьте ее! Вдруг она ведьма!

— Нет! Пустите! — закричала я, как вдруг послышался звук подъезжающей кареты. — Пустите! Я кому говорю!

Меня держали за руки, а инквизитор водил кристаллом перед моим носом. Тот вспыхивал и тут же гас.

— Странно, — прищурился он, как вдруг дверь открылась, и вошел мой муж. Он был в белом, словно принц. За ним шел слуга и что-то нес. Это что-то было похоже на платье, которое мы заказывали. Неужели? Так быстро его пошили?

— Это что такое?! — произнес муж мрачным голосом. Инквизиторы тут же встали в по стойке смирно.

— Ведьму поймали! — гордо отрапортовал фанатик, сжимая кристалл в руке.

— Это чьи золотые ручки перевернули тут все вверх дном? — мрачно произнес муж. — Я что? Давал вам разрешение вламываться в чужие дома?

Инквизиция молчала. Белая высокая фигура двигалась мимо застывших черных фигур по черно-белой плитке пола. Это мне напоминало шахматы, в которые любил играть сам с собой дядя. Он ставил шахматы на столик и пересаживался с кресла на кресло со словами: «Хм... Даже так? Ну ты меня зажал! Ничего!».

— Еще раз спрашиваю, — произнес мой мрачный муж, глядя на тех, кто спускался по лестнице.

— Мы поймали ведьму! Есть подозрение, что она укрывает фамильяра, на счету у которого десятки жертв, — гордо отрапортовал инквизитор. Меня рывком вытащили вперед, гордо предъявив в качестве добычи.

— Единственный, кого имеет право укрывать эта девушка одеялом, — начал мой муж, резко глянув в сторону подчиненных. От его взгляда все резко выпрямились. — Это я. Поскольку я — ее законный муж.

О, как! Я боялась даже вздохнуть. Все мои мысли были сосредоточены вокруг бедного хвоста, который я вынуждена была поджимать со страшной силой. Не хватало, чтобы сейчас его заметили. Слуга с платьем вздыхал и рассматривал паутину.

— Да, но ее бы не мешало проверить, — настаивал тот самый противный фанатик. — Кристалл при ней ведет себя странно! Она может оказаться ведьмой или... или фэйри...

Мой муж посмотрел на инквизитора, который выдержал его пристальный взгляд.

— Я всего лишь служу короне! — гордо бросил фанатик. — И вам советую проверить вашу жену!

Я чуть не вздрогнула, видя, как он демонстрирует кристалл в руке. Тот мерцал странным светом, а потом внезапно вспыхивал.

— Артон, — мрачно произнес муж, смерив взглядом подчиненного.

— Я вам настоятельно рекомендую проверить вашу жену, — прищурился инквизитор. — Что-то с ней не так! Она может оказаться фэйри! К тому же она рыжая! А это уже подозрительно! Я бы проверил ее досконально!

— Не переживайте. Я досконально проверяю ее каждый вечер. Пока что ничего волшебного не заметил, — мрачно заметил муж.

— С ней что-то не так! — гундявил этот противный тип. И я понимала, что он — прав.

— Все со мной так! — дернулась я из цепких лап и тут же одернула юбку. На всякий случай я отошла подальше.

Инквизицию, как ветром сдуло. Они даже дверь на место поставили. Я смотрела на следы на полу и на мужа, который внимательно следил за лестницей.

— Опоздавшему инквизитору зарплата в последнюю очередь, — заметил он мрачным голосом. А сверху спускался пыльный и грязный мужик в порванной робе. Видимо, он решил куда-то залезть! Может, на чердак?

Дверь закрылась, а муж взял из рук слуги платье и встряхнул его. Платье было очень красивым, но еще не законченным. Розовый цвет плавно переходил в голубой.

— Примерьте, — произнес муж, делая глубокий вдох. — Я не стал дергать вас в столицу для примерки.

— А можно я поднимусь наверх? — спросила я, прижимая к груди свадебное платье. Оно приятно шуршало и пахло чужими дорогими духами.

— Сразу предупредите, к чему мне готовится? — послышался голос, который был неизменно мрачен. — К реву и крикам, что я — толстая. Или к плачу, что в корсете пусто? Вы одевайтесь, а я пока поищу приличные комплименты, если вы не против.

Я поднялась по лестнице и вошла в первую попавшуюся комнату. Там стояла пыльная софа и затянутое паутиной зеркало.

Прикрыв дверь, я сняла с себя старое платье, осторожно надевая новое. Рюши и украшения были приколоты иголочками, поэтому пришлось мерять его осторожно. Никогда в жизни у меня не было такого красивого платья. Пусть даже оно недошитое, но оно все равно прекрасно!

Несколько взмахов подола, и я закружилась в центре комнаты. Прильнув к зеркалу, я увидела свое пыльное лицо и спутанные волосы. Осторожно толкнув соседнюю дверь, которая со скрипом отворилась, я вошла в ванную. Казалось, она высохла полностью. Даже на дне роскошной раковины виднелась паутина. Кран загудел и выдал тонкую струйку воды, которой я умылась. Расчесав волосы чужой расческой, предварительно согнав с нее паука, я посмотрела на себя в зеркало. В новом платье я была похожа на принцессу.

— Ой, — дернулась я, видя, как из зеркала выплывает призрак с почти седым Вольпентингером на руках. — Все в порядке? Смотрите, какое красивое платье!

— Ага, — с завистью произнесла призрак. И тут же гордо добавила. — Если бы я выросла, я бы носила такие платья каждый день!

— Нет, все, конечно, хорошо, — заметил Вольпентингер, присматриваясь к корсету. — Только кто-то пришел к нему кристалл распознавания магии.

— Где? — ужаснулась я, глядя на расшитый корсет.

— Видишь? — прищурился кролик. И смешно дернул носом. — Вон та бусина. Она светится.

Глава двенадцатая

И правда! Бусина немного отличалась от остальных. И она светилась странным светом, если присмотреться. Но если не присматриваться, то можно было подумать, что это просто отблеск.

— Мамочка, — прошептала я, прижимая к губам кисточку хвоста. Мой взгляд уперся в дверь, а потом я посмотрела на себя в зеркало и отпустила хвост. — Нужно ее отодрать, но так, чтобы никто не заметил! Наверняка у мужа есть подозрения. Или... или...

— А я слышала, что все свадебные платья делаются с такой бусинкой, — заметила полушепотом призрак. — Это традиция такая! Я просила служанку пришить такую бусину к платью своей куклы. Но она сказала, что это — не игрушки!

— А зачем? — спросила я, притрагиваясь к бусинке.

— Это чтобы все видели, что невеста — человек. Ни ведьма, ни феяри, ни проклятая! — гордо сообщила призрак, пока я смотрела сквозь нее на свое отражение. — Раньше так проверяли проклятых невест. Мне няня рассказывала! Никому же неохота выходить замуж за проклятую? Поэтому это тщательно скрывалось.

— Значит, это традиция такая, — выдохнула я, радуясь, что это не попытка меня проверить. — Может, ее оторвать?

— Тогда точно будет заметно! — послышался приглушенный голос Вольпентингера.

— А ты вообще молчи, — проворчала я. — Инквизиция говорила, что ты убил десять человек!

— Сколько? — ужаснулся рогатый кролик. — Ты посмотри на меня... Внимательно посмотри... Неужели я похож на того, кто убил десять человек?

Я присмотрелась, теребя бусину. И правда, передо мной был милый кролик с грустными глазками и розовыми ушками. Маленький и пушистый настолько, что его хотелось обнять.

— Сорок восемь, — усмехнулся Вольпентингер. — Если быть точнее. Только вот это были не самые лучшие люди, поверь. Без них мир стал намного лучше. Так что делаем с бусинкой.

— У меня, кажется, есть похожая, — произнесла призрак. И тут же забубнила. — А не то тебя повяжут, ты уедешь, а мне снова будет скучно и одиноко. С тобой хоть весело!

— Неси, — скомандовал Вольпентингер, а призрак исчезла в зеркале. Через пару минут она появилась с иголкой, коротенькой ниткой и бусинкой. Конечно, это бусинка была чуть крупнее. Совсем чуть-чуть, но если не присматриваться, ее не заметят. Я сорвала с волшебную бусину и положила ее на раковину. А потом стала пришивать обычную, как учила тетя.

— Не шей на себе, — мрачно буркнул Вольпентингер. — Счастья в брак не будет.

— Мой муж — великий инквизитор, а у меня — хвост, — заметила я, затягивая узелок. Нитка пошла гармошкой, а я оторвала ее и скрутила пальцами так, чтобы было незаметно.

— Дорогая для моих нервов женщина, — послышался голос. — Вы там скоро, или умерли от восторга?

— Эм... — замялась я, слыша в комнате шаги.

— Давайте быстрее, а то я уже подготовил парочку комплиментов перед тем, как скажу все, что я думаю на самом деле, — произнес мой муж.

Я осторожно открыла двери и вышла, нервно перебирая собранные на одной стороне волосы. Инквизитор стоял молча. Он смотрел на меня, а я смотрела на него, удивленно поднимая брови.

— Что-то не так? — спросила я, осторожно прикрывая двери. — Вы обещали парочку комплиментов...

Но муж стоял и смотрел на меня, чуть склонив голову на бок. Казалось, он меня не слышит. Через мгновение муж внезапно очнулся, слегка дернул головой и нахмурился.

— Сойдет, — кратко и мрачно ответил он. — Снимайте. Повезу его обратно.

— Хорошо! — согласилась я, пожав плечами. Значит, ему не понравилось. Жаль, конечно.

Я спешно пыталась расстегнуть застёжки, как вдруг поняла, что одна зацепилась за другую. Стоять с руками за спиной было ужасно неудобно, но я, закусив губу и нервно вставая на цыпочки, пыталась расстегнуть ее. Половина корсета была расстегнута, но эта застёжка никак не хотела раскрываться.

— Вы так скоро? — мрачный голос сопровождал короткий отрывистый стук. — А то ваши звуки наводят меня на мысль о том, что я постепенно вдовею.

— Одну минуточку! — с нажимом ответила я, злясь на себя и на застежку. Она упорно за что-то цеплялась. И при этом умудрялась тянуть меня за волосы!

— Я вот думаю. Дела разгробутся сами собой, но что делать с преступниками? Как вы думаете, будет корректно написать им всем письма, что я немного опаздываю. И попросить их подождать на месте? — послышался голос мужа, пока я сдувала со вспотевшего лица прилипшие волосы. Вот пакость! Да что ж такое! У меня уже руки устали.

— Еще минутку, — попросила я, посасывая исколотые пальцы и снова заводя руки за спину.

— Я обычно не объявляю о таких вещах, ни женщинам, ни преступникам, но еще немного и я войду, — послышался мрачный голос возле двери.

Все! Я сдаюсь! Сил моих больше нет!

— Я не могу расстегнуть корсет, — вздохнула я, как вдруг вспомнила про хвост. Нужно его спрятать в панталоны. Подобрав юбку до самых подмышек, я стала трамбовать хвост внутрь. От того, что он, бедненький был свернут в три погибели, мне было ужасно неприятно.

— Можно, — позвала я, глядя на свое отражение в зеркале. В зеркале появился высокий силуэт в белом.

— Вот! — наощупь провела рукой я. — Здесь не расстегивается. Только аккуратно. Платье жалко...

— Я — сама аккуратность, — произнес муж, резким, захватывающим дух движением, разорвав корсет на две части. Меня покачнуло на месте, но я вовремя прикрыла грудь руками.

— Что вы... — начала я, глядя с возмущением на порванное платье. — Оно же красивое! Было!

— Хорошо, раз оно вам так понравилось, то я прикажу его починить. И вам будет в чем и чем мыть полы, — коротко произнес муж. — Но для свадьбы оно не подходит! Снимайте, я отвезу его обратно.

— А обычно не объявляю о таких вещах ни утренним газетам, ни мужчинам, но вы не могли бы вы выйти? — спросила я в тон ему.

— Не поверите, я уже видел обнаженных женщин, — мрачно усмехнулся муж, а я чувствовала, как его взгляд внимательно изучает меня.

От этого я еще надежней спрятала руками грудь и надвинула на нее волосы. Зажатый между ног хвост назойливо ныл. Так ноет рука или нога, лежащая в неудобном положении. И чем дольше хвост мучился, тем невыносимей было.

— И вряд ли вы сможете меня удивить чем-то новым и оригинальным. Того, чего я не видел, — мрачно улыбнулся муж. Он красивым отточенным движением закинул себе на предплечье мое платье, а сам почему-то не спешил покинуть мою примерочную.

А вот мне кажется, что кое-что его весьма удивит! И это «весьма удивит» заставляет меня нервно сглатывать.

— Я вас стесняюсь, — заметила я сдавленным голосом. К глазам подступали слезы. В носу щипало.

— Женскими слезами меня не проймешь, — заметил инквизитор, приближаясь и глядя на мое отражение в зеркале. — Я вот тут подумал.

Его взгляд скользнул по моим плечам, а я искоса посмотрела на него, вздыхая.

— В первый раз, при первой нашей встрече вы накрались так, что я уже всерьез подумывал водить вас по камерам и показывать вас тем, кто отказывается признаваться. В качестве акта устрашения, — произнес муж, глядя на мои плечи. От его взгляда я чувствовала себя неловко. Он словно присматривался ко мне.

«Он что-то заподозрил!», — пронеслась в голове перепуганная мысль. По спине побежал холодок. Вероятно, слова того инквизитора навели его на мысли меня проверить.

Он уже собирался выйти, когда вздохнула с облегчением. Хвост, предчувствуя свободу, зашевелился, как вдруг инквизитор обернулся. Прямо возле двери.

— Не надо плакать. Я отдал приказ, и вас больше не побеспокоят, — произнес супруг. — Только в случае, если будут реальные подозрения, но тогда я приду сюда лично.

Он вышел, а я выдохнула, закрывая дверь на защелку и натягивая платье и вытаскивая хвост. Выглядело платье так себе. Теперь оно было серым, а я честно пообещала поискать что-нибудь еще из приличной одежды. Хвост, радуясь свободе, тут же распрямился.

— О, да-а-а, — просто

— Уехал, — слышался голос призрака. Она просунулась сквозь дверь, а я спокойной вышла, видя Вольпентингера, сидящего на диване.

— О, если бы вы знали, как я вам благодарен! — слышался голос кролика. — Думал, все! Мне крышка! Но не тут-то было! Я не знаю, как выразить вам благодарность! Но, поскольку хозяина больше нет, то я могу остаться здесь! Думаю, что смогу быть полезным!

— И чем? — спросила я, раздвигая шторы и глядя на заросший сад.

— Как чем? — удивился Вольпентингер. — Я могу добывать еду! И так, по мелочи! Помыть, почистить! Так что теперь я буду служить верой и правдой. Исключительно потому, что инквизиция не будет меня здесь искать!

— Завтра утром нужно сходить в деревню, — вздохнула я, глядя на осенний лес.

Усталость довела меня до кровати, а я легла и уснула, свернувшись под одеялом. Снилось мне мышь, которая тащит по грязи размытой дороги огромный нож. В какой-то момент мышь подняла глаза, посмотрела на меня и сказала голосом мужа с его непередаваемыми интонациями: «Спешу выразить вам свое восхищение!». Потом снилось, что у меня полный дом гномов. Я никогда раньше не видела гномов, но помнила, как однажды дядя показывал рукой в сторону заросшего камня: «Видишь?». Я ничего не видела, от чего было ужасно обидно. Лишь в один миг промелькнуло что-то непонятное, а потом скрылось в зарослях.

Проснулась я, от того, что рядом вкусно пахнет. Я открыла глаза и увидела завтрак. Три яйца, бекон, зелень и свежий хлеб. Протерев глаза, я не поверила.

— Я же говорил, — слышался голос Вольпентингера. — Что могу быть полезным!

Я посмотрела на комнату и увидела, что она стала чистой. Исчезла паутина и слой пыли.

— Это мне? — спросила я, осматриваясь по сторонам.

— Тебе, тебе, — усмехнулся рогатый кролик, сидя на столе. — Теперь ты как бы моя хозяйка.

— Я тебе платье нашла, мамино, — послышался голос призрака. — Красивое. Мама у меня тоже рыжей была. И папа ее очень любил. Призрак вынырнула из пола и показала на платье, которое висело на спинке стула.

— Спасибо, — удивилась я. — А мама не обидится, что я надену ее платье?

— Мама меня бросила. Она умерла, — засопела девочка. — И папа меня бросил. Он умер. А мачеха продала дом.

— Ну, если так, то, я примерю, — улыбнулась я, чувствуя, что жизнь начинает налаживаться. Я едва не забыла про свое обещание сходить в деревню. Тем более, что идти через лес, где живет этот странный тип, который считает меня своей невестой, мне тоже было страшно! Но что поделаешь!

— А откуда ты берешь еду? — спросила я, просто из любопытства. Видимо, потому что моя мать — фэйри, меня и тянет ко всему волшебному.

— Как откуда? Из деревни! — фыркнул Вольпентингер. — Тут деревенька есть неподалеку! Так вот, пока я в лесу жил, я постоянно там еду брал!

— Погоди, ты ее что? Воруешь? — спросила я, с ужасом глядя на яйца и недоеденный бекон.

— А что? Покупать? — ужаснулся Вольпентингер. — Да я ни в жизнь ничего не покупал! Когда мы с хозяином жили, я у соседей и в лавке неподалеку по ночам продукты воровал. Он сам меня этому научил!

— Это же неправильно! — возмутилась я. — Я запрещаю тебе так делать! А вдруг тебя поймут? А вдруг людям есть нечего будет? У нас ведь деньги есть! Мы купить можем!

Кролик обиделся и исчез, а я решительно надела новое платье и решила дойти до деревни.

— Нужно будет купить бричку, — перечисляла я, рассматривая золотые монеты. — Лошадку, корзинку... И что у них там есть! Надеюсь, денег хватит!

Глава тринадцатая

Найдя плащ, я спрятала деньги и стала спрашивать дорогу.

— Мы, когда я была маленькая, два раза туда ездили, — заметила призрак. А я все хотела спросить, как ее зовут. Но как-то стеснялась. — Но я плохо помню. Там были свинки и очень плохо пахло! Кажется, мы ехали туда!

Она махнула прозрачной рукой вправо. Я посмотрела на старенькие обои и запомнила.

— А я там был совсем недавно, поэтому нужно ехать влево! — спорил Вольпентингер.

— Может, ты пойдешь со мной? — спросила я, глядя на зайца с рогами.

— Эм... Я там персона нон — грата, — замялся рогатый кролик. — Меня там видеть как бы не желают... Это еще мягко сказано!

— А тебя никто не увидит, — задумалась я, видя, как призрак тащит старую корзину. Я сорвала плед с дивана.

— Это унижительно, — задергал носом Вольпентингер, глядя в корзину.

— Но без тебя я заблужусь, — попросила я, видя, как нехотя он переезжает в корзину. Я накинула плед, чтобы торчала только мордочка.

— Ладно, ты меня не бросила, я тебя не брошу, — зевнул Вольпентингер, пока я спускалась по лестнице. Старинные двери открылись со скрипом, а потом закрылись с грохотом. На пожелтевших листьях появился узор изморози. Дорожка, ведущая к воротам была скользкой от первой наледи.

— Туда, — послышался голос Вольпентингера. Из пледа показалась лапка, показывая направление. Замерзшие кусты выглядели красиво, словно стеклянные. Тоненькая тропка вела меня в чащу осенне — зимнего леса.

— А ты слышал что-то про .. эм.... Подгорного Короля? — спросила я, вспоминая дорогу, которой уже один раз ходила.

— Да ты что?! Он не подгорный. Он Горный! — изумился Вольпентингер. — Это же — Последний Король Фейри! Короля Ольх

разбила инквизиция, взяв штурмом его дворец. А Горный Король успел выставить войско, и инквизиция его не тронула. Оставшиеся в живых защитники Ольх бросились бежать к нему. А кто-то разбрелся по лесам. Просто Король Ольх и Горный Король тоже не всегда были союзниками.

Он помолчал, а у меня под ногой хрустнула ветка. Я обернулась, но никого не увидела. Значит, тот, кто меня ловил и правда Подгорный Король?

— А как он выглядит? — спросила я, видя, как мелькают деревья. — Просто ко мне приставал какой-то мужчина... Белый такой. И говорил, что он король...

— У него белые, как горный снег волосы, зеленые глаза и сам он такой... Видать, перепутал тебя с принцессой Офелией. Ну ты и правда чуток на нее смахиваешь. Может, родственница? Принцесса погибла вместе с отцом. Вот, видать Подгорный все успокоится не может! — начал Вольпентингер. — Жаль, что два государства так и не успели породниться! Вот выдал бы Король Ольх свою дочь Офелию за Горного Короля, того и глядишь, инквизицию бы и отбили. И наше положение не было бы столь плачевным. Кстати, я тут заметил, что у тебя... этот... хвост...

— Неужели? — испугалась я.

— Да ладно тебе, у меня тоже хвост есть, — послышался смешок. — И я его не стесняюсь. Так вот, ты, я так понимаю сама фэйри?

— Ну да, немного. Понимаешь, моя мама была фэйри, — начала я пересказывать то, о чем мне рассказывали дядя и тетя. — А когда родилась я, она отдала меня...

— Значит, ты хульдра? — спросил Вольпентингер, высовываясь из корзины.

— Я вас не обзывала! — обиделась я. — А то «хульдра» звучит, как «лохудра».

— Нет, это редкий народ фэйри. Поговаривают, что одной из последней из хульдр была принцесса Офелия, — усмехнулся Вольпентингер. — Дочь Короля Ольх. Но еще раз повторяю, она погибла вместе с отцом при штурме дворца.

Он помолчал, а потому вздохнул.

— Запомнила? — спросил кролик, а я уставилась на него. И он туда же?

— Я не... — начала я, терпеливо объясняя всем и каждому, что никакая я не Офелия! И принцессой никогда не была! Может, хватит! Может, я просто на нее похожа!

— Ну, хватит, так хватит, — проворчал Вольпентингер. Он очень напоминал моего дядю. Такой же старый, вредный и ворчливый.

Тропинка свернула в чащу, поэтому я на всякий случай осмотрелась. Мало ли, вдруг опять этот ненормальный. Если честно, то я его побаиваюсь. Но теперь мне его жаль. Он потерял свою возлюбленную, а теперь бросается на похожих девушек. Его пожалеть нужно...

— Так, смотри, — заметил Вольпентингер, когда вместо ожидаемой чащи, я увидела просвет. — Деревня там. Небольшая. По последней переписи населения здесь живет пятьдесят идиотов и староста. Люди здесь злющие! Так что ты там сильно на теплый прием не рассчитывай!

— Ну еще бы, — заметила я, пряча кролика пледом. Нет, все-таки хорошо, что я его с собой взяла. Иначе бы я заблудилась бы! — Ты же у них воровал. С чего это им радоваться? Люди не любят, когда у них воруют! Люди тратят много времени, сил, чтобы что-то создать, а ты просто отнимаешь это у них!

— Фе! А ты тратишь много времени и смекалки, чтобы отнять это незаметно, — парировал Вольпентингер.

Деревня приближалась. Я уже видела, как среди деревьев вырастают аккуратные домики. Интересно, какого им жить здесь, в лесах, где водятся фэйри?

— Ерунда! — обиделась я, на всякий случай проверяя, не виден ли под юбкой хвост. — Это нельзя сравнивать!

— Ха! Сама фэйри, и мне тут такое про воровство! — рассмеялся Вольпентингер. — Фэйри всегда берут то, что им нравится. И это не зазорно. Люди отняли у нас земли, так что мы имеем полное право отбирать у них все, что нам нравится! Понравилась вещь — возьми! Захотелось — утащи! Ты же сама фэйри! Неужели у тебя никогда руки не чесались?

— Нет! — возмутилась я, вспоминая, как дядя рассказывал про всяких воришек, про которых писали в газетах. — Никогда! Я всегда спрашивала разрешения!

— Ты точно фэйри? К тебе хвост не приклеили? — спросил недовольный Вольпентингер. — А то ты говоришь, как человек! Ну прямо слово в слово! Неужели ни разу ты не видела что-то такое невероятное, что тебе тут же хотелось присвоить? Сделать своим любой ценой? Хотя это изначально было чужим? Ну? Рассказывай!

Я видела много красивых украшений, но ни разу ничего не взяла без спроса. Когда мы ездили в магазины, я тоже никогда ничего не брала без спроса. Хотя иногда и хотелось. Особенно, когда была маленькой! И тут я вспомнила, сколько украшений было на балу. Сверкающие, изысканные, красивые, но я ведь... Бал! О, нет! «Это мой жених!» — кричала плачущая невеста.

Получается, я его украла? Не может быть! Я все-таки украла!

— Чего покраснела? — ехидно спросил Вольпентингер. — Вспомнилось чего?

— Я украла человека, — созналась я. — Он мне очень понравился. И я решила его украсть. Но ведь это не считается?

— Ха! Считается! Если фэйри понравился человек, то он или она украдет и его! И младенцев воруют! Они же миленькие! — продолжал рогатый кролик, бодая одеяло. — Все-таки в тебе есть фэйри! И кого же ты украла, если не секрет?

— Великого Инквизитора, моего мужа. У него была невеста, — сглотнула я, понимая, что действительно украла его.

— Кхе-е-е! — послышалось обалдевшее из корзинки. — Я был о тебе лучшего мнения! Нашла кого украсть! Великого Инквизитора!

— Все! Прекрати! — возмутилась я, входя в деревню. Из окон стали высовываться люди. Кто-то останавливал работы на огороде. И все смотрели на меня как-то странно и неприветливо. Но самое странное, все почему-то молчали.

Внезапно послышался крик: «Держите ее! Это фэйри!».

Я перепугалась, не понимая, почему они так на меня набросились. У меня даже хвоста видно не было!

— Лови ее! — орали крестьяне, выбегая на улицу. Люди хватили вилы, палки, и мне это уже не понравилось. Старики и старухи с искаженными злобой лицами, здоровые парни, угрожавшие мне расправой, визгливые женщины и верещащие дети.

— Это она воровала у нас еду! Я сразу говорил, что в округе завелась фэйри! Смотрите, какая чистенькая! Из леса вышла! — кричали

люди.

— Я пришла купить еду, корзины и бричку! — крикнула я, показывая деньги. — Я ничего не собираюсь воровать! Я хочу купить!

Мою руку подбили снизу, а несколько золотых взлетело в воздух.

— Нам не нужно твое волшебное золото! — прошипела беззубая старуха в рваном плаще, тыча узловатым пальцем на лес. — Хватит обманывать простых людей! Знаем мы вас! Сейчас зубы заговорите, а золотишко ваше исчезнет! Вон сколько раз такое было!

— А я говорил! — послышался голос Вольпентингера. — Беги! Они что-то не в настроении!

— Золото настоящее! — твердо заявила я, но пятилась под натиском собравшейся толпы. Они собирались, семейками выбегая из покосившихся серых домиков, пускавших сизые струйки печного дыма.

— Беги! — боднули меня, а я поняла, что их не разубедить. И побежала. Толпа бросилась за мной, а я устремилась в лес.

— Брось меня! Я их отвлеку! — послышался голос из корзинки, пока я бежала и задыхалась по шуршащей опавшей листве. «Лови ее!», — слышались крики, а я металась между деревьями. Лес казался голым. И спрятаться было негде.

— Ты уверен? — спросила я, видя, как Вольпентингер сам выбирается из — под пледа. — С тобой...

— До встречи дома! — крикнул он, шурша листвой. — Затаись где-нибудь, а я тут устрою переполох! Не оторвусь, так загоняю!

Я прижалась к дереву, видя, как кролик бросился к толпе. Пока что я ничего не видела, но слышала крики: «Оборотень! Она обернулась проклятым кролем! Лови его!».

— Вы туда, а мы сюда! — кричали люди, треща ветками и сучьями.

Я подобрала юбку и бросилась бежать, как вдруг столкнулась с кем-то и отпрянула назад.

— Слышишь, Офелия? Люди не любят фэйри. Зачем ты с ними связалась? Твое место среди нас! — спросил голос, а я подняла взгляд и увидела в закатных лучах осеннего солнца роскошные одеяния, расшитые самоцветами. Драгоценная корона, собранная из сияющих друз, переливалась магией.

— Горный король? — спросила я, задыхаясь от каждого крика: «Вот она! Сюда! Быстрее!». Мне хотелось вжаться в него и умолять, чтобы он спас меня.

— Вспомнила, значит? — спросил он, а на красивом лице появилась горделивая улыбка. Он резко схватил меня за руку и привлек к себе. Его лицо было так близко, но ближе всего были крики: «На вилы ее! На вилы!».

— Возвращайся, Офелия... Ты согласна вернуться?

Я смотрела на его руку, оборачивалась на погоню, которая мчалась за мной и вот-вот, как мне казалось, выбежит на поляну.

— Офелия!!! — дернули меня к себе, а я уперлась. — Ты согласна?

— Я... — замялась я, понимая, что либо меня утащат в страну фэйри. Где не будет ни дяди, ни тети, ни кого, кого я знаю...

— Быстрее, Офелия! — настаивал Горный Король, а его белые волосы, подсвеченные закатным солнцем казались розовыми. — Решай. Ты с нами, или с ними? Обещаю, ты забудешь обо всем. И вспомнишь, кто ты!

Люди, которые попадают в страну фэйри, действительно забывают обо всем на свете. Забывают о родных, близких, о прошлой жизни! А я не хочу забывать! Я очень люблю дядю и тетю! И не хочу их забывать! Не хочу забывать старинное поместье, призрака, Вольпентигера и... улыбку, с которой мы разговаривали про мышь. У меня есть столько чудесных воспоминаний, о которых я не хочу забывать.

— Отпустите, — прошептала я, видя изумленный взгляд зеленых глаз. Они были похожи на изумруды. — Я не хочу в страну фэйри! Я... я человек! И никакая не Офелия! Мне очень жаль, что такое случилось с вашей невестой. Но я — не она! И вам придется мне поверить! Поэтому отпустите!

— То есть, ты отказываешься? — послышался голос, а мое лицо подняли, сжав мои руки в одной руке. — Ты отказываешься от своего народа, принцесса?

— Прекратите называть меня принцессой! — не выдержала я. — Если бы вы хотели мне помочь, то вы бы спрятали меня!

— Я и хочу тебя спрятать! Спрятать там, где тебя никто не найдет! — послышался резковатый голос, а зеленые глаза сверкнули гневом.

— Я — твой жених, Офелия! Ты — моя невеста! И я готов простить тебе твоего инквизитора только потому, что ты мне нужна!

Я попыталась дернуться, с мольбой глядя на деревья. Люди были уже близко. И если я сейчас замешкаюсь, то меня посадят на вилы.

— Неужели твой инквизитор тебе дороже, чем я? Он же для тебя ничего не сделал! Он спрятал тебя подальше от людских глаз, — дернул меня к себе Горный Король.

— Вы тоже хотите меня спрятать! Вы ничем не лучше! — ответила я, пытаюсь разжать его пальцы. Драгоценный секунды терялись, а я не знала, что мне делать! Они же вот-вот появятся здесь.

— Думаешь, — Горный Король был спокоен. Он поднял глаза туда, где раздавался шум. — Твоя магия сможет справиться с таким количеством людей, и они влюбятся в тебя? Даже для тебя, принцесса, это невозможно...

— Помогите, — прошептала я, глядя в сторону деревьев, как вдруг они зашевелились, заколыхались, а их ветки потянулись к нам. Не может быть? Это я так сделала?

Казалось, лес вокруг ожил. Там, где слышались крики, кусты и деревья переплетались в живую стену.

— И после этого, ты утверждаешь, что ты — не принцесса? — спросил Горный Король. — Гляди, как лес подчиняется одному твоему слову! Твое место среди нас! Твое место рядом со мной!

Я отпрянула, когда ветки устремились к нам. Они лезли отовсюду, а я почувствовала, как меня отпустили.

— Значит, решила применить магию против меня? — спросил Горный Король, а на его бледной скуле, рассеченной веткой, выступила кровь. Он промакнул пальцы и посмотрел на них, чтобы резко поднять глаза на меня. — Хорошо, я прощаю тебя. На первый раз. Или это уже второй?

Он исчез, а следом стихли крики. Я изумленно смотрела на свои руки, а потом на ветки. Я ведь ничего не делала! Как так получилось? Неужели я принцесса? Тогда почему я ничего не помню?

Я шла, а деревья расступались передо мной.

— Мне нужно домой, — прошептала я, положив руку на шершавую и влажную кору дерева. Не знаю, получится, или нет. Как вдруг дерево зашумело. Следом зашумели другие деревья, а ветки с треском стали расступаться, образуя проход.

— Невероятно, — задохнулась я. Нет, кому сказать, не поверят!

— Офелия... — шептал лес. Он шлепал и шелестел оставшейся листвой. — Офелия...

Этот голос доносился отовсюду. Значит, я и правда та самая Офелия? И Горный Король ничего не перепутал? Хотя, может быть, лес шепчет «Амелия»?

Я прислушалась, и мне показалось, что действительно слышится: «Амелия!».

— Бывает, — согласилась я, перешагивая через поваленное дерево. В лесу почему-то было так спокойно, так уютно и так... безопасно. Особенно сейчас.

— Не может быть! — удивилась я, видя, как чаща расступается, а среди деревьев виднеется поместье.

— Спасибо, — улыбнулась я, погладив дерево. От счастья я готова была прыгать и скакать! Неужели я и правда, фэйри? Настоящая?

Я посмотрела на свою руку, пожалала плечом и бросилась в сторону особняка, мрачной глыбой, возвышавшимся над разросшимся садом.

— Я дома, — выдохнула я, скрипнув дверьми. — А Вольпентигер вернулся?

— Тут такое дело, — внезапно появилась из семейного портрета призрак. Она не знала, как сказать. — Он вернулся, но...

— О, Амелия! — послышался голос Вольпентингера, а он появился прямо передо мной. — Ты как? Оторвалась? Ну я смотрю, что ты цела! Это хорошо! Я же говорил, что они здесь не шибко дружелюбные! Везде им фэйри мерещатся! Да, я цел! Ну я и дал им жару! Сначала направо, потом налево, потом снова направо! Трое в овраг скатились! Одного я еще в задницу боднул! Ух!

Он довольно тряхнул головой. И тут я услышала странный звук. Словно кто-то шелестел по холлу.

— Тут такое дело, — внезапно тон Вольпентингера стал таким грустным. — Я встретил своих знакомых... Ребята, вылезайте!

Я отпустила ручку двери, видя, как отовсюду вылезают маленькие гномы. Они были настоящими.

— Знаешь, у них тоже проблемы с законом, — начал Волпентингер, пока гномики собирались в центре комнаты. Все они выглядели, как маленькие старички. Отличались они только длиной бороды и цветом колпачка. Вид у них был жалостливый. Многие из

них стянули с головы шапочки, обнажая лысины или смешные ежики волос. Они робко мяли шапочки в руках, переглядываясь, и жались друг к дружке.

Глаза у них были грустные, а вид очень жалкий. Рваная одежда, тусклые застежки, заплатки на колпаках и узелки на палочках, свидетельствовали о том, что времена они переживают не из лучших.

— И им некуда пойти, — закончил Вольпентингер. А я половину прослушала, рассматривая гномов и пытаюсь их пересчитать. Пока что их было больше двадцати. Примерно двадцать пять — тридцать. Но из-за того, что цвета повторялись, я постоянно сбивалась со счета.

— Они не объедят, — продолжал Вольпентингер. — Тихие, спокойные. Они как раз искали угол комнаты. Или половину угла комнаты. А я вспомнил, что особняк тут ого-го! Почему бы и нет? Ты только посмотри на них.

— Они такие милые, как куколки! Я буду их наряжать в платьица! — умоляла призрак.

Гномы жалобно посмотрели на меня, а я вздохнула.

— Знаешь, как они от людей пострадались! — дожимал меня Вольпентингер, хотя я еще ни слова не произнесла от изумления. — Так, им можно остаться?

— Да, да, конечно, — согласилась я, а гномы, услышав мои слова бросились обниматься и тискать друг друга. Один из гномов наступил на бороду товарища и ему погрозили пальцем.

— Пусть остаются, — продолжила я. — Только при условии, что когда приедет мой муж, они вели себя очень тихо!

— Да! — закричали гномы, ликуя и пританцовывая. — Сейчас как нажремся! Наконец-то! У нас есть дом!

Не успела я опомниться, как гномы подбросили вверх колпаки.

— Нет! — твердо сказала я, глядя на то, как гномы снова сбились в жалобную кучку.

— Ну мы же пошутили, — переглянулись бородатые карлики. — Мы тихие...

— Много не съедим, — еще более жалобным голосом произнес гном в желтой жилетке.

— Мы как мышки, — добавил его сосед, приглаживая маленькой морщинистой ручкой хохолок.

— Вы нас даже не заметите, — произнес кто-то с задних рядом. И гномы стали разбредаться.

— Мотай на ус! Гномы — ребята мастеровые, — намекнул Вольпентингер. — Они могут, что угодно сделать или починить. Полезные ребята.

Я присела на диванчик, понимая, что в деревню теперь не скоро явлюсь. И как же теперь быть?

— Чего пригорюнилась? Добро пожаловать в мир фэйри! — усмехнулся Вольпентингер, влезая на диван и садясь рядом. — Сейчас я в деревеньку сховаюсь, обнесу ее, как следует, и дальше заживем! Нет, а что не так? Считай, что ты заплатила наперед! Деньги-то ты там оставила!

— погоди, там может быть... — начала я, а он растворился в воздухе.

Я вздохнула и решила проверить почту. Вдруг там письмо от дяди и тети? Накинув плащ, я направилась за дверь, вышла в сад и быстро добежала до почтового ящика. Там и правда было письмо, которое я вытаскала.

— Ура! — обрадовалась я, запрыгав с письмом в руках. На мгновение я прижала его к груди, рассмеялась, а потом бросилась в дом.

Конверт был разорван, а я увидела старомодную бумагу с линиями и голубками, так любимую тетушкой.

— Дорогая Офелия... Ой... , — прочитала я, дернув головой. Мне эта Офелия уже везде мерещится.

— Дорогая Амелия! — прочитала я, улыбаясь. — Мы с дядей очень рады, что твой внезапный брак оказался таким счастливым. А то мы хотели идти к королю и разбираться, чтобы он вернул нам нашу племянницу. Дядя был весьма удивлен тому, что у вас все так сложилось. И твой маленький сюрприз не стал помехой к счастью.

И тут мне прямо на бумагу посыпалась штукатурка, а сверху кто-то пробежал с таким гроханьем, что я перепугалась. Казалось, бежит стражник в кованых сапогах и несет на руках дракона.

Я бросила письмо, вскочила и взбежала по лестнице, распахивая дверь покоев, которые находились аккуратно над холлом.

— Что случилось? — спросила я, осматривая комнату.

— Это я, — послышался голосочек, а из-за старинной скатерти высунулся маленький гномик. — Извините.

Я выдохнула, закрыла двери, и спустилась к письму. Стоило мне усесться поудобней, как вдруг послышался еще один грохот. Да такой, что задрожали стекла. Я бросилась наверх, а грохот повторился. Даже пол затрясло.

— Эй! — возмутилась я, распахивая еще одну дверь. Маленький гномик стоял и смотрел на меня жалобными глазками. — Это ты так гремишь?

— Ой, нет! Я на цыпочках! — ковырнул старый ковер гномий сапожок.

Никогда не думала, что такой маленький гном может издавать такой страшный звук. Кажется, я начинаю понимать, почему их не очень любят.

Вернувшись к письму, я уселась и решила во что бы то ни стало его дочитать. Грохот на втором этаже стоял такой, что, казалось, дом развалится. Я сплевывала штукатурку и стряхивала ее с красивого почерка тети.

— Теперь мы с нетерпением ждем, когда по вашему поместью будут бегать маленькие ножки... — прочитала я, поднимая глаза вверх. — Это такое счастье!

— Бум-бум-бум! — пронеслось над головой, а старая пыльная ваза с невнятным рисунком упала со столика и разбилась.

Любви у нас с мужем еще не было, а вот десяток ножек уже бегают!

Глава четырнадцатая

«Мы очень скучаем и хотим убедиться, что с тобой все в порядке. До нас дошли слухи, что вы с мужем живете отдельно. И он отвез тебя в какое-то поместье, запер там и изредка вывозит в столицу. Но ведь это же не так? Однако, дядя очень волнуется. Если что не так, дай нам знать, дорогая!», — дочитала я письмо под стук ножек гномов.

Я поднялась наверх, нашла чернильницу, бумагу и села писать ответ. Несколько раз я пощекотала себе нос пером, пытаюсь придумать, чего бы такого ответить.

— Дорогие дядя и тетя, — написала я, как вдруг услышала, что за мной с визгом бежит гном. — У нас все тихо.

Я обернулась, видя, как за ним летит призрак. Гном исчезает, а призрак проходит сквозь стену. Немного посидев и написав, что сплетням не стоит верить, я задумала, что бы еще такого написать. И решила про свадебное платье.

В соседней комнате раздалось возмущение и крики ужаса.

Бросив перо, я устремила туда. Распахнув дверь, я увидела картину. Призрак стояла перед гномами, а те жались друг к дружке. В руках призрака был гном в розовом платье. Борода его была заплетена косичкой, а на конце ее красовался розовый бантик.

— Это — моя Мирабэлла! — ткнули в меня разукрашенным гномом. — А это ее дочка Марисобэль!

В меня ткнули гномьим свертком, напоминающим конвертик для младенцев.

— Может, не надо? Они как бы наши гости, — начала я, глядя на младенца с бородой.

— Ладно, не буду! Но платьице ему очень идет! — заметила призрак, отпуская гнома обратно.

Я вернулась и дописала письмо, расписывая красоту свадебного платья и любовь мужа. Найдя старинный конверт, я положила письмо и понесла его в сторону ящика.

Пошевелив письмо, я убедилась, что оно исчезло, и только собралась домой, как увидела на дорожке Вольпентингера.

— Инквизиция! — выдохнул он.

— Что?! — осмотрелась я, в ужас замирая. Из дома слышались крики, топот и вопли.

— Деревня вызывала инквизицию, — прошептал Вольпентингер. — Они рассказывают про девушку — фэйри, которая вышла из леса и пыталась их околдовать. Сейчас в деревне огромный отряд. Прочесывают лес!

— Не может быть! — ахнула я, глядя на дорогу, ведущую в деревню. — Но муж обещал, что здесь искать не будут!

— Кто его знает, — прошептал перепуганный Вольпентингер. — Они сначала допрашивали всех жителей. По одному. Они как начали рассказывать, что фэйри совсем обнаглели. И что они чуть тебя не поймали! И про золото, которое якобы исчезло в их руках. И как тебя на чистую воду вывели.

— Мамочки, — прошептала я, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Но, будем надеяться, что они поищут в лесу и сюда не придут.

— Будем надеяться, — послышался голос Вольпентингера. — Нет, ну такой отряд огромный. Там просто все кишмя ими кишит!

Я взяла его на руки, донесла до дома и закрыла дверь за засов.

— Пока будем сидеть и ждать, — заметила я, выглядывая в окно. — Может, все обойдется? Нужно предупредить всех, чтобы не шумели. Сможешь?

Время шло, вокруг было тихо. Даже гномы притаились, а я робко отодвигала штору и смотрела в темноту.

— Кажется, пронесло, — усмехнулся Вольпентингер. — Небось, лес прочесывают! Ложись — ка ты спать!

Я действительно уже зевала, поэтому полезла под одеяло, свернувшись уютным клубочком.

Проснулась я от того, что кто-то пел. Пел заунывно, хрипло. И при этом икал. Пел про рудники, самоцветы и бородатых красавиц.

Я вскочила с кровати, направляясь в сторону пения. Пустой коридор встретил меня иканием.

— ... и груди скрытые под бородой, твой взгляд горит, как два алмаза... ик! — послышалось за одной дверью.

К ней я и направилась. Уже возле самой двери я услышала еще куплет.

— Пощекочи меня щетинкой, красавица моя! Пусть наши бороды сплетутся... Ик! — вторил второй голос.

— ... позади осталась лава... Время гному отдыхать! Поработали на славу, а теперь пора бухать! — послышался резвый хор голосов. — Ик!

Я отворила дверь, видя пьяных гномов, которые перевернули вверх дном всю комнату.

— Выпей с нами красотка, пусть растет твоя бородка! Ик! — спели мне, а я от запаха чуть не окосела. — Эй, красотка! Хорошая бородка!

— Это что такое?! — возмутилась я. — Вы же обещали сидеть тихо!

Гномы продолжали кутить, не обращая на меня внимания. Послышался грохот, а некоторые из гномов пустились в пляс.

— Я буду помнить всегда и везде... Твои дивные косы на бороде.... — завывали гномы, чокаясь деревянными кружками. Один из них икнул и расплескал половину на товарища. Завязалась драка.

— А где это вы выпивку раздобыли? — спросила я, чувствуя ужасный запах.

— Гном, на то и гном! — вышел гном в красном колпаке. — Выпивку всегда найдем! Не хочешь с нами, а? Мы тут новоселье празднуем! А выпивка? Так мы ее сами сварили! Долго ли?!

— Там, в лесу инквизиция водится! — возмутилась я, видя, как мне протягивают кружку. Я хотела сказать: «рыщет», но получилось, что получилось.

— Пусть приходит! — внезапно оживились гномы. — Мы им как устроим! Да, ребята?!

— Да!!! — ответили все хором, осушая кружки.

Так, мне только пьяных гномов не хватало!

— Вольпентингер! — позвала я, видя, как сонный кролик смотрит на гномов во все глаза. — Что делать? А вдруг к нам сейчас придут, а нас тут пьяные гномы?!

— Да пусть приходят! Я всей инквизиции как навалю! — дернулся гном в желтом. С него слетел колпак, а его удержали друзья.

— Беда, — вздохнул кролик, глядя на меня виновато. — Я знаю их уже достаточно. И никогда не видел пьяными!

— Ха, просто в лесу шишки кончились! — переглянулись гномы, которые выполнили обещание нажраться.

— Будем надеяться, что к нам не заявятся, — вздохнул кролик, как вдруг послышался стук в дверь.

Сначала я не поняла, кто может стучаться, потом подскочила. Стук повторился, а я робко кутаясь в одеяло, стала спускаться вниз по лестнице. С каждым шагом я надеялась, что стук не повторится. Но он раздавался все сильнее и раздражительней.

Дверь осторожно приоткрылась, и я увидела на пороге своего мужа. Тот выглядел вовсе не так, как знатный господин в идеальном белоснежном костюме.

На нем был черный плащ, который трепал ветер, черная одежда и широкий пояс.

— Вы? — спросила я, глядя на то, как муж спокойно заходит в дом. — Вы что здесь делаете? В такое время?

— Согласен, — мрачно усмехнулся он. — Время беспокойное.

Волосы мужа было собраны в хвост, от чего лицо приобрело хищные черты. Вся эта подчеркнутая мягкость куда — то делась. Движения стали резкими и точными. Он напоминал охотника, который вышел на след.

— П-п-проходите, — предложила я, растерявшись окончательно. — Р-р-располагаетесь... Одну минутку! Я приготовлю вам что-нибудь... Посидите пока здесь!

Я бросилась по лестнице наверх, чувствуя, как внутри сердце отбивает барабанную дробь.

— Прячьте гномов, — прошептала я, открывая дверь. — Муж пришел!

— Один? — прошептал призрак.

— Двух таких мужей наша Амелия не потянет! Раньше любовников прятали, а теперь гномов, — вздохнул Вольпентингер. — Дожили, да? И как мы их спрячем? Они же только разошлись!

— И правда, — закусил я палец. — Может, их переловить и связать? Кстати, отчего они притихли?

— Это сейчас они бородами меряются, но как узнают инквизитор, им подраться захочется, — шептал кролик, пока мы выглядывали в комнату, где сидели гномы.

— Можно, если гномы будут плохо себя вести, я поиграю ими в куклы? — спросила счастливая призрак, доставая несколько пыльных пестрых платиц. Ее улыбка стала хищной, и она хихикнула.

— Утром, — прошептала я, чувствуя, как трясутся руки. — Все утром!

— Нужно что-то делать! — прошептал Вольпентингер.

— Что же делать, — простонала я, кусая палец. — Может, связать их и кляпы им в рот?

— Отличная идея! — обрадовался Вольпентингер. — Сейчас организуем. А то они сейчас воинственные, подраться захотят.

— А где они сейчас? — спросила я. — Все там же?

— Нет, они перебрались на кухню! Они там пойло варят! Где-то нашли котелок! — заметил Вольпентингер.

Я сдернула со штор веревку, намотав себе на руку.

— Кухня здесь, — показала призрак. — На втором этаже. Так захотела мачеха. На первом она хотела большой холл и бальную залу. И папа ни в чем не мог ей отказать...

— Странная она у тебя была, — заметил Вольпентингер.

— Она была моей гувернанткой, когда умерла мама. Пока она была гувернанткой, она была доброй и заботливой, но как только папа женился на ней, то все изменилось, — вздохнула девочка.

— А как тебя зовут? — спросила я, краснея от стыда. Мы дошли до кухни, откуда слышалось сопение и бульканье.

— Не помню, — честно призналась призрак. — Я не помню, как меня зовут. Глупо, да?

Стоило мне открыть дверь кухни, как я увидела огромный котел и гномов.

— Вот правду говорят, что гном может сварить эль из подошвы башмака, — заметил Вольпентингер.

— Неправда! Ик! — обиделся гном в красном колпаке. — Самый лучший эль получается из потного куса матраса!

Я хотела что-то ответить, как вдруг услышала шаги по лестнице.

— Одну минутку, — крикнула я. — Еще не готово!

Инквизитор стоял в коридоре совсем неподалеку.

— Я смотрю на веревку и боюсь поинтересоваться, что у нас на ужин? — поинтересовался он.

Я растерялась, как вдруг вспомнила тетушку. Тетушка не держала прислугу, которая готовила бы нам. Поэтому тетушка готовила самостоятельно. Изредка, дядя потянув воздух и учуяв что-то вкусное,

робко интересовался у тети, а что, собственно, она готовит. На что тетя отвечала:

— То, что не успеет убежать! — с улыбкой заметила я, точь в точь как тетя. — А вы не мешайте!

В этот момент муж рассмеялся. Он спустился вниз, а я проверила, ушел он или нет?

Я зашла на кухню и закрыла дверь на засов.

— Лови их, — прошептала я призраку, которая уже высматривала себе Саманту или Дюльфеону.

Гномы были слишком пьяны и слишком заняты, чтобы подозревать худшее.

Поэтому я схватила сразу троих, упустив четвертого. Он чуть не перевернул котел. Призрак схватила двоих, а Вольпентингер уронил тяжелую крышку и придавил троих. Они смешно барахтались и осыпали пьяными ругательствами.

Услышав шаги в коридоре, я бросилась к двери.

— Мадам, что у вас случилось? — заметил мрачный голос мужа, пока я изо всех сил затыкала гномов. — Мне показалось, что отбивная только что узнала, что ее будут отбивать. И отбивалась изо всех сил.

— Эм... Отбивная просто хочет отбить вам аппетит. А еще меня слегка подгорело. Вот я и ... эм.. немного ругалась... — проворковала я, как это делала тетя, когда у нее на кухне начинался пожар.

— Это у меня слегка подгорело, когда я услышал то, как вы ругаетесь. Подскажите, в каком светском обществе вы выучили такие слова? Я сам туда схожу, чтобы в будущем расширить знания моих подчиненных о допущенных ими ошибках, — слышался мрачноватый голос мужа.

— Эм... Я уже не помню. Извините, у меня тут ужин ... эм... выкипает, — громко ответила я, пока Вольпентингер тряс крышкой, чтобы заглушить возмущенные крики гномов.

— Судя по запаху, вы там варите сапоги, — заметил муж, пока я смотрела на гномье варево.

— Кто вы такой, чтобы судить о приправах! — обиженным голосом тети заявила я. — А если вам не понравится, то я на вас обижусь и буду готовить это каждый день.

Не все эксперименты тети были удачными. Не все слова дяди были цензурными.

— Как вы смеете угрожать инквизитору? — послышался мрачно-насмешливый голос. — Который в любой момент может взять ваше блюдо на заметку и добавить его в список пыток.

Шаги удалились, а я сгребла своих гномов одной рукой и потянулась за веревкой.

Веревка приматывала гномов друг к другу. Саманата и Дюльфеона орали громче всех.

— Нужно им чем-то заткнуть рты, — предложил Вольпентингер, когда я пыталась объяснить гномам, что это ради спасения их жизни.

— Сейчас, — призрак вошла в стену, а через минуту принесла коробку с разноцветными детскими чулками.

Гномы плевались. Из рта у них торчало слюнявое кружево. Они жевали чулки с такой яростью, что у них даже глаза покраснели.

— Фух! Справились! — выдохнул Вольпентингер, сползая по старой бочке. — Однако, это ненадолго. Знаешь, какие они хитрые! Гномы! Они найдут способ, как выбраться! Вопрос времени.

— А что если муж захочет остаться здесь на ночь? — спросила я. Нарезая хлеб, бекон и яйца. Приготовить что-то я просто не успевала.

— Моя мачеха пила одно зелье, я посмотрю, осталось ли оно у нас, или нет, — заметила призрак, летая над гномами и заглядывая в котел. — Когда ее мучила бессонница, приходил целитель и принес его. Я поищу! Ты пока иди! Я догоню!

Глава пятнадцатая

Осторожно взяв поднос, я понесла его по коридору. Не сказать что тут прямо роскошный стол. Но хлеб, бекон и яйца были.

— Вот, — слышался шепот, а из стены высунулась рука и плеснула в еду что-то сверкающее. — Он походит, походит, а потом скажет, что устал. И ляжет спать.

— Спасибо, — прошептала я, спускаясь по лестнице вниз. Старинные тарелки из чужого сервиза дребезжали, а я смотрела, куда ставлю ногу.

Поставив дрожащими руками поднос на столик, я отошла в сторонку.

— Моя же ты хозяйюшка, — усмехнулся мрачным голосом муж, глядя на меня не то с удивлением, не то с подозрением. — Я как раз думал о чем-то похожем, когда слышал звуки на кухне. Сначала, я так понимаю, был грохот. Это вы гонялись за беконом.

— Да, — кивнула я, надеясь, что гномы не развяжутся до того, как подействует снотворное.

— А потом раздались крики, и я понял, что вы готовите яйца. Предварительно оторвав их от кого-то... — мрачно закончил муж.

— А что привело вас сюда? — осторожно спросила я, присаживаясь на ручку дивана.

— Дорога из деревни. Я ненадолго. Решил заодно проверить, не нашла ли вас ваша мышь. А то она уже наводила справки по городу, — улыбнулся муж.

— Неужели? — осмотрелась я по сторонам, скрывая улыбку. — Вот теперь мне точно страшно.

— Вы берегитесь, — усмехнулся инквизитор. — Я видел, как она ползает по городу с чьей-то саблей. Видимо, она ищет учителя, у которого собирается брать уроки фехтования. Так что я бы на вашем месте никому незнакомому дверь не открывал бы.

Я понимала, что он шутит, и улыбнулась. Мышь, которая берет уроки фехтования, показалась мне забавной. Муж тоже слегка улыбнулся. Я опомнилась и посмотрела вверх. Гномы пока что вели себя тихо...

— Местные жаловались, что в деревню зачастили фэйри, — усмехнулся муж, решившись на ужин.

Я смотрела, как он подносит кусочек ко рту и замирала.

— Я ... я недавно была в деревне... Я хотела купить у них повозку и лошадку, чтобы не ходить пешком через лес. Но они набросились на меня. Мне пришлось бежать через лес, — прошептала я, видя, как муж поднимает на меня красивые глаза. — Они отобрали все деньги и сказали, что золото — волшебное. Видимо, они приняли меня за фэйри... Я даже сама не знаю, почему. Я ведь им ничего плохого не сделала.

— Многие люди находят фэйри красивыми, — произнес муж, глядя на меня.

— А вы? — спросила я, понимая, что только что инквизитор признался в том, что считает меня красивой. Сердце заволновалось и застучало так громко, что мне показалось, его сейчас услышит весь дом. — Вы тоже находите фэйри...

— Да, я тоже нахожу фэйри, — улыбнулись мне. — Нахожу и истребляю.

— И вы ни разу не отпустили ни одну фэйри? — нервно спросила я, чувствуя, как нервно подрагивает под юбкой мой хвост.

— Куда я их отпущу? На улице ведь холодно. Они могут простудиться. А на костре тепло, — с мрачной улыбкой ответил муж. — Видимо, они просто испугались, увидев, как из леса выходит красивая девушка...

— Вы раньше говорили, что я фу! — улыбнулась я, как вдруг муж стал приближаться ко мне.

«Неужели поцелует?», — пронеслось у меня в голове. Сердце екнуло несколько раз, как вдруг...

Я поняла. Муж целовать меня не собирался. Он просто завалился на меня, а потом скатился на пол. Его черный плащ разметался по полу, а я в ужасе смотрела на него.

— Что с вами, — прошептала я, тряся его. — Вам плохо?

— Ой, чуток переборщила, — послышался голосок из стены. — Я же не знала, сколько мачеха пила его...

Я присела рядом, видя, как голова мужа скатилась на бок. На минуту мне показалось, что я уже вдова.

— Очнитесь, — прошептала я, как вдруг поняла, что муж просто спит.

— Нельзя оставлять его так, — прошептала я, осматриваясь по сторонам.

— Я бы добил, — проворчал Вольпентингер, но я бросила на него гневный взгляд.

— Ему же холодно и неудобно, — прошептала я, осматриваясь по сторонам.

— А нам будет холодно и неудобно, когда сюда завалятся другие инквизиторы. Они же будут его искать, — шмыгнул носом Вольпентингер. — Так вот, тюрьме нам будет очень холодно и неудобно. Зато потом будет вах как горячо!

— Нужно его перетащить в постель, — выдохнула я, беря мужа за ноги. Он скользнул по полу, а его плащ собрался гармошкой. Волосы тянулись хвостиком, пока я осторожно тащила его к лестнице.

Пару минут мне понадобилось, чтобы отдышаться и перехватиться поудобней.

— Ать, — прошептала я, осторожно затаскивая мужа на ступени. Ну и тяжелый же он!

— Почувствуй себя женой алкоголика, — усмехнулся Вольпентингер.

— Вместо того, чтобы смеяться, помог бы, — с укором произнесла я, осторожно втаскивая мужа на следующую ступеньку.

— Могу боднуть, — зловредно заметил Вольпентингер. — Я как бы не питаю любви к инквизиции. В особенности к твоему мужу! Хотя, я бы привязал подушку к его голове.

— И все-таки есть в тебе капелька жалости, — улыбнулась я, осторожно опуская ноги мужа и боясь, что он съедет головой вниз.

— Нет, про он может проснуться, и тогда у меня появится капелька жалости к себе, — заметил рогатый кролик.

— Может, ты его за плечи возьмешь? — спросила призрак, виновато появляясь из стены.

Я попробовала обойти его и взять за плечи, но за плечи было неудобно. За ноги было намного удобней.

— Крепче вяжи! — переживал Вольпентингер, прыгая рядом, пока я привязывала клетчатую подушку к затылку мужа веревкой. На лбу у него красовался веревочный бантик.

— Эть, эть, — выдыхала я, пока подушка вместе с головой считали ступеньки. Вольпентингер толкал подушку лапами, бурча, что мы об этом еще пожалеем.

Половина лестницы осталась позади. Я передыхала, привалившись к перилам и держа мужа за ноги.

— Ты там смотри, чтобы остальные инквизиторы не пришли, — кивнула я в сторону окна, а сама стала мужественно его затаскивать выше и выше.

— Еще немножечко, — прошептала я, видя, как призрак помогает мне. Голова мужа считала ступеньки, а я обернулась, понимая, что осталось всего–ничего.

— Ура! — обрадовалась призрак, а я потащила мужа и подушку по коридору.

— Вы там потише радуйтесь! — буркнул Вольпентингер, что–то высматривая в окне. — На улице темно, ничего не видно...

— Ура! — шепотом повторил призрак, а я тащила мужа в сторону открытой двери. Подушка осталась где–то в конце лестницы, а веревка в начале ковровой дорожки.

— Осторожней! — послышался голос призрака. — Тут гномы что–то разлили, когда бегали...

Я увидела, как голова мужа мотнулась, а его щека, на которой он скользил по полу, была чернильно–черной. Кисточка хвоста утирала пот, который градом катился со лба. Ну еще бы! Он тяжелый!

— Потом вытрем, — прошептала я, открывая хвостом двери и спиной заходя в комнату. Сейчас мы его на кровать затащим!

Я залезла с ногами на кровать и уцепилась хвостом за балясину. Так, ноги на кровати, теперь осталось голова и все остальное.

Спрыгнув на ковер, я взяла мужа за подмышки и втащила на кровать.

— Уф, — отдышалась я, видя, что его лицо теперь наполовину темно — фиолетовое.

— Это что такое? — спросила я, пытаясь подолом оттереть грязь. Но она не оттиралась! Даже следов на юбке не осталось!

— Не знаю, — пожалала плечами призрак, прикасаясь холодным пальцем к испачканной щеке мужа. — Похоже на чернила, но это не чернила! Это какая–то магия?

— Этого еще не хватало! — проворчала я, беря платочек со столика, стряхивая с него пыль и бросаясь в ванну. Вода зашумела, а выбежала обратно, растирая мокрым платком лицо.

— Чуть-чуть, — показала я легкий фиолетовый отпечаток на платке.

— Караул, — осмотрелась призрак.

— Караул, — подтвердила я.

— Может, сапоги с него снимем? — спросила призрак, а я полезла снимать сапоги. Они упали на пол, а я увидела, что фиолетово-чернильный след растекается по шее и груди.

Когда я расстегнула камзол, на моих щеках появился румянец. Мне было как-то неловко, смотреть на красивое мужское тело.

— Так, что у нас тут? — спросил Вольпентингер. — Ой, это что? Где вы его так приложили?

— Это гномы что-то разлили! И оно не оттирается! — прошептала я, пытаюсь вытереть красивое лицо, но все тщетно.

— Так, если я не ошибаюсь, — заметил Вольпентингер. — Это специальная гномья краска. Гномья метка... Нашел самоцвет, пометил своей краской. Дескать, мой! Чтобы другие гномы к нему ручки не тянули. Они частенько метят вещи, а если их кто чужой коснется, то вовек не отмоется. Это чтобы не воровали. У каждого гнома она своя. Бывало, пропадет камень драгоценный, так все гномы ладошки показывают. Она отпечатается даже, если сквозь рукав брать. И, видать, у нас кто-то ее разлил в коридоре...

— И что теперь делать? — прошептала я, все еще пытаюсь оттереть влажным платком красивую скулу. — Думаешь, он знает про гномью краску?

— Конечно, к ним люди и не с таким приходят. А еще гномы любят этой краской невест метить. Дескать, упирается девица, замуж не хочет, говорит, что борода у нее еще короткая. Или каждому глазки строит, никак выбрать не может... Так рассерженный жених может ее краской полить. Дескать, моя! А у нее выбора нет. Только за него замуж теперь. Кому ты такая с чужой меткой нужна?

— А перекрасить? — спросил призрак, пока я терла платком щеку. Платок слегка красился, а я утешала себя мыслью, что если красится, то оттирается.

— А никак, — усмехнулся Вольпентингер. — И золото так же гномы метят. Чтобы никто руки к нему не тянул! Вот поэтому зажиточные гномы своих дочерей взаперти держат. Никому не показывают. Поэтому про гномов так мало слышно. Не выпускают их никуда. Особенно до замужества. А то мало ли, вдруг какой-нибудь простой землекоп возьмет девку да и пометит! И что тогда? А после замужества и ближе к старости, их вообще от гнома — мужика не отличишь. Как там у гномов на свадьбе говорится? Чтобы бороды разом поседели!

— Получается, у нас тут гномья невеста и гномье сокровище? — спросила призрак, а я осмотрелась.

— И как это все выводится? — спросила я, понимая, что если это — магия, нам конец! Если муж увидит гномью краску, то сразу поймет, что где-то рядом гномы. А это будет повод обыскать поместье.

— Нужно тащить сюда гномов. Пусть краску свою опознают, — послышался голос Вольпентингера, а я бросилась на кухню. Связка гномов сидела и жевала кружево. Один из них почти прожевал, а остальные были на середине процесса.

— Ну, у нас товар, у вас купец, — заметил Вольпентингер. — Невесту вам нашли. Осталось выяснить, чья красавица!

При слова «невеста» пьяные гномы оживились.

— Это чья краска? — спросила я, показывая платочек.

Гномы что-то замычали, переглядываясь. И все дружно закивали, мол, моя!

— Отлично! — усмехнулся Вольпентингер. — У нас тут мужской гарем! Ничего, невеста большая, на всех хватит! Гномами еще не целованная! Считай, гномья девственница!

Я подняла вязанку пьяных и очень воодушевившихся гномов и понесла их в комнату.

— Ну, вот! — произнес Вольпентингер, когда я поднесла связку к мужу. — Прямо как от сердца отрываем красоту нашу!

Глава шестнадцатая

Гномам стало плохо. Они задергали ногами, видимо, пытаясь убежать.

— Ну, невеста у нас одна, на всех не хватит, — заметил Вольпентингер, пока я держала вязанку гномов. — Так что нужно определиться, кто у нас тут жениться вознамерился! У кого женилка выросла аж до самого инквизитора! Кому тут инквизитор приглянулся! Глядите какая невеста! Хороша, слов нет! Брыльянтик!

Повисла тишина. Гномы присмотрелись, подслеповато щураясь. И поняли, что кто-то из них влип. Причем, по самые самоцветы. Переглянувшись, они попытались выяснить, кто этот счастливчик.

— Нет, а что? Невеста завидная! Гляди, какая большая! У вас же это ценится! — издевался Вольпентингер. — Чья же эта ягодка? Кому такой кусок инквизитины перепал? А? Ну, признавайтесь, кто у нас тут на инквизитора глазик положил?

Гномы переглянулись, каждый ощупывал свой мешочек на поясе. Потом взгляды встретились на гномике в желтом. Тот взял и попытался упасть в обморок.

— Ты куда?! — возмутился Вольпентингер, пока мы все толклись на старинной кровати. — Куда же ты от своей любви!

— А он же женат! — не выдержал один гном, а колпак съехал ему на бровь. От его слов по комнате пополз такой перегар, что в глазах защипало. — На ней!

— Ничего, — согласился Вольпентингер, а я не понимала, что он делает. — Вас будет трое! Им же нужен маленький! А тут вот подвернулся!

— Что ты делаешь? — прошептала я, видя, как гномы нервно совещаются.

— Торгуюсь. Гномы — они хитрые сволочи, — вздохнул Вольпентингер. — Они даже своих обмануть могут. А сейчас я их пугну, как следует, и будут они вспоминать, чем выводится их краска. Они ведь по — любому знают! Только другим не говорят. Особенно, если не гном. Бояться, что как только секрет узнаешь, так все. Пойдешь их сокровищницы разворовывать!

— Ну, — злорадненько обратился к гномам кролик. — Решили, кого на свадьбу зовете? А невеста — то страсть, как хороша! Главное, чтобы в пещере поместилась! Будет она стирать.... Тебя в порошок. Готовить... к тому свету, убирать... всеми возможными способами.

— Развяжите нас, — икнул жених, трогая маленькой рукой свой порванный мешочек, из которого уже все высыпалось. — Сейчас оттереть попробую!

— Эх, раньше красавиц отдирали, а теперь оттирают. Дожили, — заметил Вольпен, пока я пыталась развязать гномов.

— Не, не, не, — предупредил кролик. — Ты не развязывай. Знаем мы их. Сейчас как разбегутся в разные стороны, и ищи — свищи. Фу, не дышите на меня...

— Может, одеколоном? — спросила призрак, пока гномы держали совет и жениха, оседавшего при каждом упоминании невесты. — Одеколон все оттирает. Даже пятнышки от чернил!

— Так чего ты еще здесь?! — возмутился Вольпен, сидя на подушке у инквизитора. — Неси сюда одеколон!

Внезапно мой муж зашевелился...

Я спряталась за присобраным балдахинном, призрак вошла в стену, Вольпентингер нырнул за подушки. Мы все стояли в тишине, а я робко подалась вперед, видя, как рука мужа шарит по одеялу.

— Офелия, — прошептал муж, не открывая глаз. — Офелия...

Что?! И здесь Офелия? Они что? С ума сошли по какой-то Офелии? Или женские имена кончились?

— Апчху! — послышался басистый чих одного из связки гномов. А потом басистый шмыг: «Проклятые рудники!».

— Это что было? — послышался сонны голос мужа, а я испуганно посмотрела на Вольпентингера. Глаза у него были как два блюдца. Призрак робко появилась из стены, грызя ногти.

— Это я. Случайно чихнула, — произнесла я ласковым голосом и несколько раз для убедительности шмыгнула носом. Осторожно положив гномов на пол и пихнув их ногой под кровать, я подошла к мужу, который щурил на меня глаза. Вид у него был взъерошенный и сонный.

— Мадам, будьте здоровы, — послышался вздох. — И здоровья тем, кто слышал, как вы чихаете...

Я присела на кровать, понимая, что если он сейчас встанет, нам конец.

— Я что? Уснул? — спросил сонный голос, пока я нервно перебирала одеяло.

— Да, — кивнула я, пытаюсь улыбнуться. — Вы очень устали... Поспите еще...

— Мне нужно обратно в деревню, — произнес муж, пытаюсь встать. Я мельком увидела огромное зеркало в стертой позолоченной раме.

— Не надо, — прошептала я, тут же ложась ему на грудь. — Отдохните еще немного. Я вас никуда не пушу...

Осторожно поправив ногой юбку, я придавила его, слыша, как колотится мое перепуганное сердце. Мне почему-то казалось, что он сейчас меня сбросит с себя, встанет и уйдет. Но он замер, подняв руки вверх, пока я лежала у него на груди.

— Мадам, какие нежности при нашей вредности, — послышался изумленный голос мужа, а ветерок его дыхания обдул мою макушку.

Но руки вдруг опустились мне на плечи. И это было намного страшнее и неожиданней, чем если бы он меня оттолкнул.

— Спите, — прошептала я, глядя испуганными глазами на свое отражение в окне.

Внезапно я увидела сверкающую пыльцу, которая обдула меня, а я звонко чихнула.

Руки мужа расслабились, а я услышала дыхание.

— Все, — произнес Вольпентингер. — Можешь вставать...

Я встала, видя, как золотинки сверкают на подушке и на одеяле.

— Это что? — спросила я, мазнув пальцем и видя, как он светится.

— Пыльца фей, — произнес Вольпентингер. — Феи так усыпляют тех, кто внезапно увидел их.

— Ничего себе... — прошептала я, так много не зная про мир фэйри.

— Времени мало! Где этот пучок — лучок? — спросил кролик, прыгая на грудь мужа. — Сейчас будем тереть!

— Я одеколон принесла, — протянула мне призраком старый пыльный флакон, на доньшке которого что-то плескалось. Я открыла хрустальную крышку, а в нос ударил резкий запах цветов.

Платочек, вымоченный в одеколоне, оттирал намного лучше. Пятно слегка посветлело, а платочек окрасился. Призрак принесла еще платков, а я брызнула на них последнюю каплю.

— А больше нет? — спросила я, глядя на платок и на синюшную щеку мужа.

— Нет, это все, — развела прозрачными руками призрак.

В комнате царил удушающий запах цветов, от которого даже в глазах щипало!

— Хфру–у–у! — послышалось рядом, а я увидела, как крайний гном сморкается в платочек.

— Ну, что решили? — спросил Вольпентингер. Я посмотрела на гномов, которые упорно не хотели выдавать свои секреты чужакам.

— Никак, — мрачно произнесли гномы, поглядывая на «жениха». Тот тихо плакал от свалившегося на его голову счастья.

— Это потому, что мы вовремя вытащить не смог, поэтому жениться придется, — бурчали на него гномы.

— Не успел, — всхлипывал «жених». — Я просто хотел вытащить склянку, как только увидел дырку в кошеле... Но потом подумал, что не выпадет...

Я уже не знала, чем тереть. Призрак приносила какие-то баночки, а я отчаянно пыталась стереть чуть побледневшее пятно. Грязные платки валялись на одеяле и на полу. Это я еще к шее и груди не приступала!

— Вот! — принесли мне старый-старый флакон «Блескус». Призрак протянула его мне, а я попыталась прочитать, что это вообще такое.

— Этим служанка вытирала раковины и унитазы, чтобы блестели, — пожалала плечами призрак, пока я с трудом открывала флакон. Крышка, считай, выросла в него.

Осторожно промакнув платочек, я потерла щеку мужа. Все подлезли смотреть, столпившись вокруг спящего.

— Иду — блестит, подхожу — блестит, хватать, а это инквизитор! — мрачно заметил Вольпентингер, глядя на меня. Теперь мой муж еще и блестел, как эмалированный чайник из лавки миссис Пуф.

— Блестящая карьера, — заметил Вольпен, пока я пыталась оттереть блеск. — Блестит, пахнет... Ну просто золото, а не мужик!

— Знаешь, это как в сказке про одну девочку. Мне ее тетя читала!
— вздохнула я. — Одна девочка заблудилась в лесу и проснулась, а вокруг нее гномики.

— Белоснежка... — в ужасе переглянулись гномы. И задрожали.

— Сомневаюсь, что наша Белоснежка проснется и будет рада гномам вокруг. Но если мимо будет проезжать принц, мы можем ему подарить нашу белоснежку! — усмехнулся Вольпен.

Я терла, с тревогой глядя на старинные часы. Они пробили уже шесть вечера.

— Который час? — спросил Вольпен, не отрываясь от процессе.

— Шесть вечера, — ответила я, пытаюсь вытряхнуть остатки одеколona на платок. Была у меня надежда, что там что-то осталось!

— Жесть вечера? Согласен, — повел носом Вольпентингер, а призрак подала еще один флакон с заскорузлой пробкой.

— Вот, еще нашла в кладовочке, — протянула она старую, с прилипшей пылью полупустую склянку. Название я не смогла разобрать, поскольку кто-то содрал бумажку. Но осталась картинка — счастливая дама с флаконом в руках: «Ваш пол, как новый!».

— Укрепим мужественность, лей! — скомандовал Вольпен, а я плеснула на платочек и попыталась потереть.

— Там пол как новый? Или еще нет? — спросил Вольпен, пока я терла и понимала, что безуспешно.

— Ничего не получается, — устало выдохнула я, беря не глядя платочек, как вдруг...

— Что это?! — спросила я, видя, как стирается краска, оставляя порозовевшую от трения кожу.

— Не знаю, а ты понюхай. Если пахнет ландышем, то это крем мачехи, а если пахнет сиренью, то это штука от моли... А если пахнет свежестью... — перечислял Вольпен, нюхая флаконы на полу.

— Пахнет чем-то странным, — скривилась я, разворачивая тряпку. — И липкое, как... как... сопли!

Я повернулась к гномам, жених высморкал красный, распухший нос в платок и посмотрел на меня красными глазами.

— Гномьи сопли? — спросил Вольпен, приподнимаясь и глядя на платок. — А ну! Три!

Я осторожно взяла платок, потерла и ... о, чудо!

— Так, гномы! Разобрали платки и сморкаемся! Плачем и сморкаемся! — скомандовал Вольпен, а потом повернулся ко мне. — Сейчас я тут открою гномью соплемануфактура.

Краска с лица стиралась, а я протягивала руку за очередным платком. Где-то за спиной зловеший голос Вольпентингера страдал гномов, который даже икали от страха.

Шея была почти чистой, а я взяла новый платочек, осторожно положив его на мощную, вздымающуюся грудь. От прикосновения к его груди, я разучилась дышать. Сердце забило так, что задрожали пальцы. Я осторожно, постоянно поглядывая на спящего, вела рукой по его груди и чувствовала, как краснею до кончиков ушей. Это было какое-то невероятное наслаждение, от которого внизу живота что-то теплело и порхало.

Никогда не думала, что обычное прикосновение будет вызвать у меня такое волнение и такое смущение.

— У нас тут забастовка рабочих сопельной мануфактуры! Говорят, что носы уже стерли! — заметил Вольпентингер. — А ну, пошли, родимые! План, перевыполнение плана! Дашь ведро соплей за пятидневку!

Закусив губу, я провела по груди еще раз, как вдруг увидела, что пятно ползет вниз в штаны, перетянутые красивым ремнем.

Я осторожно, краснея от каждого движения, вытирала плоский живот, чувствуя пальцами твердые мышцы. В тот момент, когда нужно было вытереть вокруг пряжки, я смущенно закусывала губу и отводила взгляд.

— А можно я там вытереть не буду? — спросила я, глядя на Вольпентингера.

— Ну да, проснется мужик, приспичит ему, а там баклажан! Вот радости-то! — усмехнулся рогатый кролик. — А потом скажет, что у жены ночевал! И будет он ходить со своим баклажаном!

Я засомневалась, слыша, как под рукой сморкаются гномы.

— Так, дети и несовершеннолетние есть? — спросил Вольпентингер, поглядывая на призрака. — Я к кому обращаюсь, а?

— Мне уже сто лет как восемь! — произнесла призрак, слегка обидевшись. — Это считается?

— Эм... Да, считается! Поэтому отвернулась и не смотришь! — заметил рогатый кролик.

Осторожно, боясь побеспокоить спящего, я стала расстегивать ремень. Пряжка звякнула, ремень расползся по сторонам. Я снова замерла в нерешительности, закусив губу. Золотые пуговицы заставляли меня дышать с утроенной силой.

— Хфру–у–у! — трубно высморкался гном, а я зажмурилась, расстегивая пуговичку.

— Нет, я представляю его лицо, когда он узнает, что его пометил гном. А потом узнает, что конкретно пометил гном, как свою собственность. Сомневаюсь, что он будет спрашивать у гнома разрешения ею воспользоваться! — ехидно заметил Вольпентингер, когда я принялась за вторую пуговицу.

Три пуговицы было расстегнуто, а я отвернулась и поднесла платок, пытаюсь не глядя вытереть там все.

— Левее! Правее! — командовал Вольпен, а я была ему очень благодарна.

Как вдруг я услышала странный звук. Вольпен молниеносно спрыгнул, гномы скатились с кровати вниз и гномьей многоножкой побежали под кровать.

— Мадам, — послышался чуть хриловатый заспанный голос. Я попыталась отдернуть руку, но кружево рукава зацепилось за пуговицу. — Я так понимаю, вы проводите ревизию?

— Эф... Эм... Оф... — растерялась я, чувствуя, как жар приливает к щекам удушающей волной.

— Или вы решили проверить, умер я или нет? — спросил муж, пока я отчаянно пыталась порвать кружево. Но платье было очень добротным, и кружево не отпускало.

— Это не то, что вы подумали, — пролепетала я, глядя на платочек в своей руке.

— Мадам, только не говорите, что там все плохо, и вы пытались привести его в чувство цветочной эссенцией для обморочных дам, а теперь утираете ему слезы платочком, чтобы он не расстраивался? — усмехнулся инквизитор, пока я сгорала от стыда.

— Мне... мне ... тетя говорила, что... — задохнулась я. — Чтобы я перед тем как... эм... с мужем... Протерла его цветочной водой и платочком! А то мало ли, где он был до меня!

— До вас он был на работе. , — с мрачным сарказмом заметил муж, глядя на меня странным взглядом. — Кстати, как успехи? Я могу

им воспользоваться? Или пока рано?

Эти слова вогнали меня в такую краску, что воздуха не хватило.

— Все, я закончила, — произнесла я, осторожно пряча платок. Я уже встала, нервно сжимая собственные пальцы. Мне казалось, что от моего стыда сейчас воспламенятся занавески и начнется пожар.

— А чему еще учила вас ваша тетушка? — мрачно спросил муж, на которого я старалась не смотреть. — Погодите, откуда здесь столько платков?

— Эм... — начала я, бросаясь к кровати и сгребая платки. — Просто... просто я плакала!

— Мадам, — заметил муж, а его красивая бровь приподнялась. — Вы расстегнули мне штаны и плакали?

— Да. Просто мне вдруг... эм... стало грустно! — ответила я, чувствуя, что мне не хватает воздуха. Уши не горели, нет! Они просто полыхали огнем. Мне казалось, что я никогда не забуду этот позор.

Для убедительности я высморкалась в платок с одеколоном. От неловкого движения несколько платочков выпало комочками на пол.

— Я боюсь связать два события. Снятые штаны и ваше «грустно», — голос мужа был очень странным. Жаль, что я не видела его выражения лица. Пока что по голосу я не могла понять, к чему он клонит.

Внезапно под кроватью послышался шорох.

— Так, а это у нас кто? — спросил муж, а я вздрогнула, резко обернувшись. Муж свесил ноги с кровати, стал приподнимать покрывало, а я поняла. Гномов нужно спасать! Они связанные, далеко убежать не смогут.

— Это мышь!!! — заорала я дурным голосом бросаясь на мужа и валя его на кровать. — Она нашла меня. Мышь меня нашла! Та самая! Страшная и ужасная мышь!

Я кричала, в надежде, что гномы что-нибудь предпримут и спрячутся, пока я тут изо всех сил пытаюсь отвлечь мужа.

— Думаете, это она? Не слышу бряцанья оружия. Если это мышь, то она явно решила убить вас голыми руками, — муж посмотрел на меня, а я почувствовала руку на своей спине. Хвост! Куда бы его деть! Вниз нельзя, вверх нельзя! Его сейчас найдут!

Я соскочила с мужа, как вдруг он встал, обнял меня и прижал к стене.

— Готова ли ты покаяться в прегрешениях? — спросил инквизитор шепотом.

— В каких? — спросила я едва слышно. Я чувствовала, как вздымается грудь, как руки ищут опоры на стене.

— Которые сейчас будут, — усмехнулся Инкрис, а я стояла, словно оцепенев. Хвост был пока в безопасности. Он прижимался к стене, а я не знала, что на такое ответить! За громким стуком сердца я не слышала даже собственные мысли.

— Ка-каюсь, — кивнула я, набирая воздуха в грудь. — Но до свадьбы не разрешаю!

Муж рассмеялся, а его рука прошла между моей талией и спиной.

— Вы что? — спросила я, глядя на него. — Уже не жалеете, что женились на мне?

— Еще не знаю, — поднял брови муж, а его рука начала скользить вниз, как вдруг внизу послышался отчетливый и громкий стук в дверь.

— Ой! — дернулась я, вырываясь из объятий. — Там кто-то стучится! Может, это инквизиторы? Вас ищут?

— Возможно, — ответил муж, а я воспользовалась заминкой и бросилась вниз. Муж, одеваясь, шел следом. Я открыла дверь, но за дверью никого не было!

— Интересно, кто это мог быть? — спросил муж, выходя на улицу и осматриваясь.

Не знаю, что меня дернуло, но я резко закрыла дверь и заперла ее на засов.

— Мадам, вы так долго прощались со мной, что я едва не расплакался, — усмехнулся муж.

Я взбежала по ступеням, видя, как он идет по дорожке по направлению к черной карете. Его камзол был наброшен на одно плечо. Моя рука смяла пыльную штору.

— Это я постучала! — послышался голос призрака, на который я обернулась. — Надо же было тебя спасти!

Глава семнадцатая

— Прости, конечно, — я чувствовала себя ужасно неловко, глядя с благодарностью на спасительницу. — А как тебя зовут?

— Меня? Зовут? — спросила призрак и задумалась. Я видела, как она морщит лоб, словно пытаюсь что-то вспомнить. — Эм... Я не помню!

— Как это ты не помнишь? — спросила я, видя, как призрак расстроилась. — Извини, что спросила. Не надо было...

— Я и правда не помню своего имени, — произнесла призрак. Я слышала, как на кухне гремит посуда и слышатся пьяные песни гномов. Они пели про какую-то красавицу с нежной щетинкой усов.

— погоди, ты не помнишь имени? — спросил Вольпентингер.

— Да не помню!!! — закричала призрак так, что зазвенели даже люстры. Он взвилась вверх и исчезла в полочке.

— Знаешь, — произнес рогатый кролик, почесывая рога о кровать. — А она точно умерла?

— В смысле? — спросила я, собирая платочки с пола.

— В прямом. Это похоже на проклятие. И девочка на самом деле ... жива, — заметил Вольпентингер. — Я просто у предыдущего хозяина много читал, и вот наткнулся на историю одной девушки в башне. И она тоже была призраком. И когда ее пришли изгонять, то нужно было узнать ее имя... А она его не помнит. Обычно призраки помнят имена... Говорят, что если узнать ее имя, то есть шанс снять проклятие. Но я был ей пока не говорил. Потому что не уверен, что это проклятие.

— Ну на портретах должны были остаться имена? — спросила я, вспоминая портрет внизу. Кажется, там была изображена она на руках у женщины.

Я никогда не всматривалась в семейные портреты, но тайна щекотала изнутри. Поэтому я бросилась вниз по лестнице, добежала до портрета, стерла пыль с таблички и...

— Имен нет, — прошептала я, глядя на семейный портрет.

— Кто-то стер имена? — спросил кролик, подозрительно шурясь. Гномы уже запевали песню про горняка, который нашел самородок и

огреб за это мотыгой.

Я хотела подняться вверх, как вдруг в дверь постучали.

— Ой, — сжалась я, глядя на зашторенные окна. — Нужно успокоить гномов!

Я бросилась на кухню. На этот раз гномы варили старые ботинки и морщились от запаха. Деревянные кружки наполнялись варевом, а они уже спорили, кто какой самоцвет находил в жизни. Один из них запел фальшиво и отвратно про мужское одиночество, про то, что его кирку да не в чьи самоцветы не вонзить, про гномиху, красоты неопикуемой. Такой, что ее борода прикрывала ее грудь и ниже.

— Тише! — прошептала я, заглядывая в дверь. — Там кто-то пришел!

Гномы тут же притихли, чокнувшись деревянными кружками. Часть варева из кружек вылилась на пол и прожгла старенький коврик.

Я уже мчалась вниз, слыша, как в дверь стучат еще настойчивей.

— Кто там? — спросила я, открывая двери. На пороге стоял муж. Неподалеку, возле кареты, инквизиция грузила огромную клетку. Но из-за мужа было плохо видно, кого там грузят. Клетка светилась, но никак не могла поместиться в карету.

— Снова вы? — удивленно спросила я, а взгляд впивался в клетку.

— Да, меня приманило ваше чудесное пение, — заметил муж. — Не думал, что у вас такой мощный баритон.

Какое пение? А! Это же гномы!

— Ах, вы просто меня не знаете. У меня много талантов, — улыбнулась я, как можно более легкомысленно. — Я всегда пою, когда убираю!

— Простите, когда вы убираете трупы, оставшиеся после вашего сладкогоголосого пения? — спросил муж, норовя пройти внутрь. Но я встала у него на пути. Кажется, на этот раз гномы спалились окончательно!

— А чем это пахнет? — спросил муж, подозрительно принюхиваясь. Запах гномьей браги был настолько силен, что провонял весь дом.

— А, это я готовлю, — заметила я, стараясь улыбаться и не пропуская мужа внутрь. Пришлось расставить руки и вцепиться в дверной косяк. — Я всегда пою, когда готовлю!

— Я вы своей чудесной песней готовите людей к худшим временам, — вежливо произнес муж, пытаясь войти внутрь. Моя рука немного съехала по дверному косяку.

— Трепыхаются! — послышался крик инквизиторов. Клетка ходила ходуном, но из-за мужа и кареты видно было плохо, кто в ней. — Надо бы их чем-нибудь накрыть... Чтобы успокоились!

Кто же в клетке?

— А кто там? — спросила я, видя, как муж с подозрением смотрит внутрь.

— Мы еще не договорили про ваш чудесный голосок, а тут же новые вопросы. Извините, моя вежливость не успевает. Она сейчас может немного запаздывать, — с вежливой угрозой заметил муж, решительно собираясь пройти внутрь.

— Может, вам спеть? — спросила я, видя, как муж заинтересованно посмотрел на меня.

Я прокашлялась, понизила голос, как это делала в детстве, чтобы дядя и тетя улыбнулись и...

— В старой шахте пахнет хвойной тишиной! — басом спела я, а муж посмотрел на меня с недоверием. — Бьет киркой шахтер упрямый молодой...

Клетка чуть не выпала из рук инквизиторов, а они уставились на меня. Гномы будут мне должны!

— Скажите, мадам, — прищурился муж. — А почему именно про рудники?

— А вы когда-нибудь пробовали отковырять накипь от чайника? — спросила я, прищурившись.

— А почему мне показалось, что пело очень много голосов? — спросил муж.

— Так это эхо! Знаете, я не люблю петь в комнатах, где нет эха, — ответила я, стоя, как на сковородке.

— А икали вы почему? — спросил очень подозрительный муж.

— А вы разве меня не вспоминали? — спросила я, пожимая плечами.

— Вопросов нет, — поднял брови муж, а мне ужасно хотелось кашлять. — Не могли бы вы принести покрывало. Нам нужно довести кое-кого до столицы. Мы обещали, что подвезем их.

— Покрывало? — спросила я. — Одну минутку.

Я вошла в дом, закрыла двери и поднялась повыше, как вдруг увидела Вольпентингера, смотрящего на клетку. Я тоже выглянула, видя как инквизиторы поставили клетку на землю. Мой муж стоял неподалеку и беседовал с одним из них, показывая рукой в сторону леса.

Стянув с дивана покрывало, я услышала, как гномы что-то тихо воют. Прижав покрывало к груди, я сбежала по ступенькам и вышла на улицу, закрыв дверь.

Я шла с покрывалом, видя, как вокруг мужа собрался целый отряд. Они горячо обсуждали, что деревенские несколько раз видели неподалеку Горного Короля.

— И что он здесь забыл? — спросил муж, а в голосе прозвучал металл. — Его владения находятся там, в горах. Значит, у него здесь есть какое-то дело. Быть может, он собирает фэйри, которые остались в лесу после того, как мы разнесли их столицу.

Я осторожно подошла к клетке, как вдруг увидела маленьких фей. Они были и с ладошку и горели, как болотные огоньки на картинке в старинной книге. На вид они выглядели как красивые девушки с длинными волосами. Их юбки напоминали сухие листья, а вот ноги были как у кузнечиков и заканчивались птичьими лапками.

— Бедные, — прошептала я, поглядывая на спины инквизиторов. Их рваные плащи стелились по земле и напоминали крылья ворон, слетевшихся на добычу.

— Выпусти нас, — отчаянно прошептали феи. Одна из них припала к прутьям, но ее тут же отмело. Она дула на свои руки, а подруга прижимала ее к себе.

— Я... — растерялась я, чувствуя, как дрожат руки.

— ... думаешь, что повадился к какой-нибудь деревенской красавице? — спросил муж, обращаясь к низкорослому инквизитору, который растирал пальцем усища.

— Прощу тебя, — заплакали феи, и мое сердце тут же сжалось.

— Простите, я не могу, — прошептала я, сама чуть не плача.

— ... они стряхнут пыльцу с наших крылышек, будут пытаться и мучать. А потом сожгут, — причитали феи. Глаза у них были темные. И в них стоял слезы.

— Ой, как я пожалею об этом, — сглотнула я, глядя на крючок. Мои пальцы потянулись к нему, пока я безотрывно смотрела на

инквизиторов.

Ай!

Я сдернула крючок, чувствуя, как магия клетки обожгла мои пальцы. Представляю, как больно этим крохам.

В одно мгновение они выпорхнули, а я в голос ойкнула.

— А тут что? Невидимка сидит, да? — спросила я, приглядываясь к клетке. Инквизиторы обернулись все, как один, а муж нахмурился.

Его дорогие сапоги скрипнули, а пока я мяла покрывало в руках, путаясь пальцами в облезлой бахrome.

— Невидимка? Да? — спросила я, присаживаясь к клетке.

— Кто плохо закрыл клетку? — спросил муж, пока я удивленно смотрела на инквизиторов, которые кивали: «Здравствуйте, мадам!».

— Хорошо, спрошу вас по — другому. Я ведь говорил, что вежливость у меня сегодня запаздывает, — мрачно заметил муж, вставая и резко оборачиваясь к подчиненным. Внезапно он выпрямился, а инквизиторы замолчали. — Какой ...

Муж посмотрел на меня, пока я обнимала покрывало, как родное.

— ... милый цветочек...

В его голосе слышалась такая угроза, что даже мне стало страшно.

— ... своими корявыми корешками закрывал клетку... маму вашу ... укрыть пледом!!! — произнес мой муж, надвигаясь на подчиненных.

Сейчас они напоминали гномиков, которые решали, кому суждено жениться. Сбившись в кучу, инквизиторы, называли имена тех, кто последний ходил возле клетки. В итоге один из инквизиторов, с лицом в неприятных рытвинах, сделал шаг вперед.

— Золотой мой, если это ты, то, после того, что я сейчас с тобой сделаю, на твоих похоронах мне придется плакать громче всех, чтобы отвести от себя подозрения, — произнес муж, положив руку на наплечник. Одним резким движением он развернул беднягу в сторону клетки.

— А мадам не могла открыть клетку? — послышался голос позади них. Я даже не знала, кто это мог сказать, но внутренне сжалась.

— Ну, знаете ли, феи они на деток похожи... — произнес усатый, пытаясь спасти товарища. — Многие женщины видят в них маленьких

деток...

Муж поднял на меня глаза, а я сжала одеяло, и ... и... кивнула. Мне не хотелось, чтобы за меня пострадал бедный инквизитор.

— Так, мадам, — произнес муж, беря меня под локоть. Он отвел меня за карету, пока я смотрела на него со слезами.

— Они были похожи на маленьких деток, — произнесла я, глядя ему в глаза.

Мне казалось, что меня сейчас убьют. Я ничего не видела кроме красивых глаз, которые смотрели на меня.

— Такие маленькие, милые, — продолжила я, сжимая кулаки. — И мне стало их ужасно жалко.

В этот момент брови инквизитора поднялись вверх, а взгляд изменился.

— Мадам, — произнес он, сощурившись, а меня развернули в сторону леса. — Разрешите пригласить вас на ваше убийство?

Мне галантно подали руку, словно приглашают на прогулку.

Я выдохнула и положила руку поверх его руки. Брови удивленно поднялись наверх.

— Вы очень любезны, — вздохнула я, а меня действительно повели в сторону леса. Инквизиторы молчали, переглядываясь. Один из них попытался что-то сказать, но его остановил взгляд мужа.

— Дорогая, сегодня вы прекрасны, блистательны, великолепны и дура, — вежливо улыбнулись мне, положив руки на мои плечи. — У вас красивые глаза, очаровательная прическа и еще пара секунд жизни.

Я не знала, шутит он или нет. Но встревоженные взгляды инквизиторов, стоявших возле кареты, подсказывали, что он может и не шутить.

Как говорила мне тетя: «В любой непонятной ситуации с мужчиной — начинай раздеваться и плакать». Я тогда очень удивилась. Но тетя улыбнулась и потрепала меня по щеке: «Просто делай, как я сказала!».

— Они такие маленькие, беззащитные, — всхлипнула я, чувствуя, как катится слеза по щеке, а рука тербит пуговицу. — И мне действительно стало их ужасно жаль... Я знаю, что вы с ними сделаете... И ...

Муж посмотрел на меня, а его брови поднялись, чтобы тут же опуститься.

— Бедная мышь, — вздохнула я. — Вы отнимаете у нее смысл жизни...

— Я передам мыши, что она опоздала, — ответил муж, не сводя с взгляда с моей руки.

Взгляд упал на две расстегнутые пуговицы. Если честно, то я не могла понять, почему это должно сработать? Мне казалось это ужасно глупым.

— Вы зачем снимаете платье? — удивленно спросил муж, видя, как я тянусь к третьей пуговице.

— Чтобы вы, когда меня убивали, не испачкали его кровью, — вздохнула я, вспоминая, что говорила мне тетя.

— Так, уже вижу, что вы достаточно раскаялись, — послышался тихий голос мужа, а он придвинулся ко мне поближе, чтобы стянуть обратно лиф платья. — А теперь послушайте меня.

Меня развернули в сторону леса, держа за плечи сзади.

— Фэйри вредят людям. Причем, делают это нарочно. Они обманывают, воруют детей из колыбели, воруют еду, которые крестьяне зарабатывают тяжким трудом. Они сводят с ума юношей. Обманывают и соблазняют девушек. Фэйри играют с людьми, словно с игрушками. Им ничего не стоит обмануть доверчивого человека. И лишит его последнего. Дома, еды, урожая, сердца и жизни, — произнес спокойный и ровный голос за спиной.

— Но, разве все фэйри такие? — спросила я, а мои плечи сжали.

— Увы, да, — усмехнулся муж. — Все без исключения. Эти милые «детки», которых вы сегодня выпустили, погубили весь урожай. И теперь крестьяне будут голодать.

— Вы это решили со слов крестьян? — спросила я, глядя на лес. Теперь он не казался мне чужим и страшным.

— Не только, — произнес муж. — Мы собрали доказательства магического вмешательства.

— Но, быть может, люди сами виноваты? — спросила я, глядя на руку, которая лежала у меня на плече. — Может, они первыми обидели фэйри.

— Знаете, однажды в детстве, я так же как и вы, пожалел одну фэйри. Так рассказывал мне мой отец, — произнес муж, а мои плечи сжали. — Я был совсем ребенком. Фэйри находилась в подземельях

нашего поместья, как особо опасная. Ее нельзя было держать в подземельях инквизиции из-за ее дара. И сжечь ее было нельзя.

— Это почему? — спросила я полушепотом.

— Она могла показать путь во столицу лесных фэйри, — ответил муж, а в голосе его прозвенел металл. — Я был глуп и поддался ее чарам. Она околдовала меня, и я ее выпустил. Я поверил ее обещаниям, а вместо этого она сожгла мой дом, едва не убила меня и отца. А в страшном пожаре погибло очень много слуг. Вот такая вот благодарность от фэйри за чудесное спасение.

— Не может быть, — прошептала я, представляя маленького мальчика, который доверился фэйри. — Какая ужасная фэйри!

— К счастью, я помню это со слов отца. Он сказал, что я был в таком ужасе, что пришлось дать мне зелье забвения, — слышался голос мужа. — Но после того, как отец рассказал мне о ней, я пообещал себе, что однажды найду ее. Найду, чтобы убить. И на мое милосердие эта хульдра может не рассчитывать.

— Хульдра? — спросила я, чувствуя, как под юбкой дернулся хвост.

— Да, хульдр почти не осталось. И это хорошо. Из всех фэйри они самые опасные. Как только видишь хвостатую фэйри нужно убивать сразу. Не раздумывая, — голосом, полным ярости произнес муж, а его рука скользнула по моему плечу.

Глава восемнадцатая

Меня отпустили, а я опустила голову, краем взгляда отслеживая, как муж направляется к карете.

Быстрым шагом, я бросилась в сторону дома и влетела в него, словно пущенная стрела. Сердце все еще билось!

— Нужно будет поговорить с королем, — прошептала я, осторожно отодвигая занавеску. Карета отъезжала от дома, а я облокотилась на подоконник. Нельзя допустить свадьбу!

— Я видел твое бледное лицо, но не вижу инквизитора, целующего твой след, — заметил Вольпен. — Насколько я знаю, он должен был влюбиться в тебя до безумия и нежно тереться щетиной о нашу дверь. Не слышу скрежета щетины.

— Не говори глупостей, — отмахнулась я, устало бредя в комнату. Гномы где-то горланили песни, а я упала на кровать лицом в подушку.

— У нее глаза, — задумчиво пели гномы нестройным хором. — Два брильянта в полкарата... Борода ее... Я схожу с ума, ребята. У нее усы, всех сокровищ мира стоят...

Я перевернулась на бок и накрылась покрывалом, из которого выпал платочек. Я просто отбросила его в сторону.

— Шумела мышь, и кирки гнулись, — затянули гномы песню. — И штольня темная была. Одна возлюбленная пара на счастье бороды сплела...

Я перевернулась на другой бок, накрываясь одеялом с головой.

— ... принесла в подоле, а отец взял топор и ей по бороде хрясь! Сказал, что опозорила она его! — донеслось до меня икание.

Но веки тяжелели, а я медленно засыпала.

— ... позор какой. Мать мне говорила. Если у девки борода расплетена, значит, гуляющая она!

На этом я и уснула. Проснулась я от стука. Сначала я перепугалась и подскочила, но потом поняла. Стучали не в дверь, а где-то сверху и ... сбоку... И снизу, и ... везде?

Как говорила тетя, если рядом стучат, то нужно громко спросить:

— Туктушка, туктушка, как ты думаешь, сколько тебе жить осталось?

Дядя всегда смеялся, вспоминая, как они жили на съемных комнатах в столице.

Осторожно нашарив стоптанную туфельку, я пригладила волосы и осторожно направилась в коридор. Стоило мне выйти, как я ахнула. Коридор выглядел, как новенький. Я протерла глаза, будучи уверенной, что это сон. Не было дыр в стенах, сломанных рам, подсвечников. Только пыльная дорожка напоминала о том, что дом все-таки старинный и не новый.

— Тук-тук! — послышалось сверху, а я посмотрела на потолок. Не было ни трещин, ни паутины.

— А что они делают? — спросила я, выходя в холл. Старый стол, который валялся на боку в углу стоял как новенький. Холл выглядел намного лучше, чем у дяди и тети в их старинном поместье.

И тут я увидела красный колпачок и огромный молоток, который чинил пол. Молоток в маленьких руках прыгал так ловко, что я даже изумилась.

— Так, спокойствие, — слышался тихий голос Вольпентингера. — Сейчас я все объясню. Мне нужна будет твоя помощь.

Я обернулась, видя довольного кролика, который сидел на перилах.

— Так, закончил с полом? Переходи на фасад! — скомандовал он, пока я смотрела, подняв брови от изумления, как гном с молотком направляется на улицу.

— Я не поняла, — прошептала я, слыша удары молотка снаружи.

— Цыц, — заметил Вольпен. И сурово рявкнул. — Резче! Работаем! Не отлынивать! Как ломать значит, так вы первые. А как чинить...

Он спрыгнул и направился на улицу. Я бросилась за ним, как вдруг увидела гномов, которые чинили фасад. Не было больше пустых и заколоченных окон. Все окна выглядели красиво и одинаково. По подоконнику одного окна бегал гном в желтом, а остальные подавали ему стекло.

— Я дождался, когда они протрезвеют, сказал, что это они сломали весь дом. И теперь обязаны починить его. Гномы в упор не помнят, что вчера было, так как были в камень пьяные, — негромко пояснил Вольпен, пока я не уставала изумляться переменам. Теперь

это было не мрачное поместье, которое вот-вот развалится. Это было вполне добротные дом!

— Но ведь это же неправда, — прошептала я.

— Радуйся, что они ничего не помнят, — усмехнулся Вольпен. Он почесался рогами об деревце. — Эх, слезать будут. Пора бы уже!

— А крышу тоже чинить? — спросил гном в синем, вылезая из старого слухового окна. — Крышу тоже мы?

— А кто? Я? — рявкнул Вольпен. — Или она? Нет, ну ты слышала? Как вчера по крыше бегать, так давайте, а как чинить, так нет, не я! Вы вчера на желтом... Вон на нем, кажется, с крыши съезжали! И в дымоход дышали перегаром!

Желтый осмотрелся, чуть не выронив молоток на нас.

— А тут кирпичи раскрошились, — донеслось обескураженное сверху.

— Так это ты ими на спор закусывал! Не помнишь? — усмехнулся Вольпен, пока ремонт вокруг шел полным ходом.

— Я? — спросил синий. И даже отсюда было видно, как он покраснел.

— Тебе еще вон те, сбоку понравились больше! Ты за всеми бегал и требовал, чтобы попробовали!

— Понятно, — вздохнул синий и принялся что-то чинить.

— Стекла вставили? — спросил Вольпен, поглядывая на ряд окон. — А то стекла им наши, видите ли, не понравились! Решили заколотить!

— А тут гвозди старые, — послышался голос гнома. Он внизу рассматривал ржавые гвозди.

— Так ты на них вчера перегаром дышал! — крикнул Вольпен, командуя работами.

— Но ведь это же неправда, — прошептала я.

— Ну должна же быть от гномов польза? — усмехнулся Вольпен, почесавшись. — Так, они что-то работают плохо... Давай, плачь!

— Зачем? — спросила я, поглядывая на кролика. А с виду безобидный.

— Затем, чтоб такой красивый домик был... Считаю, ты от шока отошла, а теперь в слезы, — произнес Вольпен.

— Но они же обидятся, если узнают правду, — смутилась я, видя, как меняется фасад. Теперь дом напоминал не жуткого покойника, а

выглядел вполне гостеприимно.

— Ха! Сразу видно, что ты жила у людей. У фэйри, если ты смогла их обмануть, сразу включается: «Ага! Уважаю!», — пояснил Вольпен. И тут же громко начал кричать. — Довели хозяйку до слез! Бессовестные! Она вас от инквизиции прятала, а вы... У! Куда только Горный Король смотрит!

При словах «Горный Король», я вздрогнула. Давненько я его не видела.

— А почему гномы не с ним? Они же горные? — спросила я, глядя на очертания гор в тумане. — Им бы по- хорошему в горах жить!

— Много будешь знать, больше запишет писарь инквизиции, — усмехнулся Вольпен. — Считай, что их выгнали.

Я делала вид, что плачу, а гномы начинали стучать молотками еще усердней.

— Вот! — усмехнулся Вольпен, прыгая в сторону открытой двери. — Гномы еще те мастера. Они такие украшения делают, что люди за них душу готовы отдать.

— А они что? Уходить собрались? — спросила я, понимая, что меня куда-то ведут. Но я не знала куда.

— Вряд ли. Гномам вообще тяжело под открытым небом. Вот они и трезвые там почти не ходят. От свежего воздуха голова кружится. Это они в шахтах у себя наглые и искусные. А под открытым небом они маленькие и трусливые. Бегают только ночью. Днем им вообще не выносимо. Им потолок нужен. Так что вряд ли они уйдут.

Мы поднялись на второй этаж, а я не уставала любоваться красотой дома. На самом деле поместье было очень красивым. Деревянная резьба, старинные портреты, много позолоты и...

Я увидела, как маленький гномик сидит верхом на подсвечнике и натирает его так, чтобы он блестел.

— Пошли, че покажу! — потянул меня кролик и боднул дверь. В этой комнате я еще не была. Но здесь было много вещей, сваленных и сложенных в стопочки.

— Комната была закрыта, пока гномы замок не сломали.

— Ой, — прошептала я, видя игрушечную лошадку, которая стояла возле стопки книг. Здесь вообще было много игрушек.

— Это была ее комната, — полушепотом произнес Вольпен.

— Девочки? — спросила я, удивляясь, что еще не видела ее с утра.

— Да, только тише... Слышишь, — одернул меня Вольпен. Я прислушалась и услышала тихий плач.

Прокравшись, я увидела призрака, которая сидит на полу. От нее шло холодное сияние, а рядом лежала круглая рамка портрета.

— Это ты? — спросила я, видя старинный портрет на который что-то плеснули. На меня смотрела милая девчушка с кукольными локонами, круглыми щечкам и вздернутым носиком. Ее муслиновое платье было отделано дорогим кружевом, а в волосах сверкали драгоценные заколки. Обычно художники подписывают такие портреты, но здесь кто-то старательно стер надпись.

— А что? Не похоже? — спросила призрак. Вид у нее был совсем другой.

Я посмотрела на открытку, которая лежала на полу. Там тоже не было имени.

— А что здесь делают все эти игрушки? — спросила я.

— Мачеха, которая была моей горничной, — послышался голос, пока я перебирала вещи. С одного портрета на нас смотрела семья. Солидный отец, высокий стульчик, на котором сидела девочка. Рядом стояла милая и красивая женщина. Она улыбалась и поддерживала девочку.

— Это мама? — спросила я, как вдруг призрак выхватила у меня портрет и посмотрела на него.

— Нет, это проклятая мачеха! — произнесла она с ненавистью. — Это она еще горничная! Это потом у нее появятся наряды, карета и балы... Я не знала маму, поэтому очень любила ее. И мне казалось, что она очень добрая... Она рассказывала мне сказки про фэйри... Я любила их слушать перед сном... А потом она приказала собрать все мои вещи и принести сюда... Она говорила папе, что нужно уехать отсюда. Так доктор сказал. Потому что здесь все напоминает обо мне... И вещи мои не должны попадаться... Потому что папа очень переживает. И начинает плакать...

Я молчала, а у меня перед глазами стояла картина, где красивая женщина утешает безутешного мужчину: «Жизнь продолжается, нужно жить дальше!».

— Она сказала, что в доме завелся призрак. И она его видела. И именно он утащил меня, — произнесла девочка, глядя пальцами некогда красивую рамку с жемчужинками. — Отец хотел сообщить инквизиции, но мачеха убедила его просто уехать и продать поместье.

Девочка умолкла, глядя на пыльных кукол, сваленных в кучу.

— Я однажды застала няню за тем, что она скребет мой портрет. Я подошла и спросила ее, что она делает, а мачеха ответила, что пытается почисть его. Она тогда обняла меня и дала конфету, — пожалала плечами девочка. Она подняла на нас глаза. — Когда вы спросили про имя, я вспомнила. Я искала его, но не нашла!

— Не переживай, — присела я рядом. Вольпен вздохнул и закатил глаза: «Я же говорил!». — Просто мачеха не хотела, чтобы тебя расколдовали... Ты не умерла. Ты просто заколдована...

— Да? — опомнилась девочка. Я смотрела на ее волосы и рубашку. — Я живая? Ты не шутишь?

— Скорее всего, мачеха тебя заколдовала. Возможно, она была фэйри, — заметил Вольпен. — А еще наша дорогая Амелия сходит в деревню и попробует выяснить, кто здесь жил. И спросит у мужа...

— Муж, — прошептала я. — Что же мы наделали!

Я подскочила, выбегая из комнаты.

— Дом, — прошептала я, глядя на красоту. Теперь она показалась мне ужасной. — А что будет, если муж приедет завтра и увидит красивый дом? Как мы его все это объясним? Он же заподозрит, что здесь вмещалась магия?!

— Вот об этом я и не подумал, — услышался голос Вольпена. — Ладно, будем надеяться, что он не приедет! А я пока сметаюсь в деревню. Гномы после работы жрут, как не в себя! Тем более с похмелья! У нас хоть шаром покати!

Кролик исчез, а вышла из комнаты, пытаюсь придумать, как объяснить мужу внезапные перемены.

Внезапно перед глазами пролетел светлячок, а я отпрянула. В полумраке коридора было видно, как следом за ним промелькнул второй и третий.

— Что это? — прошептала я, прижавшись к стене.

— Феи! Настоящие феи!!! — услышался восторженный голос призрака. Огоньки вертелись перед глазами, как вдруг я увидела красивых маленьких девушек с веночками. Из-под нежных

причудливых платиц торчали птичьи ножки. Глаза у них были смешливые, а сами они казались беззаботными. Они облепили подсвечник, усевшись на него, как на ветке. Одна из них качала птичьей ножкой.

— Ты нас спасла! — тоненьким голоском пропела милая блондиночка, у которой на голове был венок из маленьких колокольчиков. От них пахло чем-то лесным и сладким.

— Без тебя мы бы погибли, — тоненьким голосом пропищала вторая, осматривая старинный узор. — Нас бы убили!

— Но нам некуда идти, — всхлипнула третья. Несколько огоньков летали по комнатам. — Можно, мы останемся здесь!

— Они красивые, как куколки! — задыхалась от восторга призрак. — А у меня есть домик и красивые кукольные платья! Мне папа их много подарил!

— Мы тут решили, — переглянулись феи. — Наградить тебя за твою доброту! И исполнить три желания!

— Я ... я ... — заметила я, но мне в глаза бросили сверкающую пыльцу.

— Ура! Мы все исполнили! — рассмеялись феи. — Правда, здорово!

— Погодите, я же не загадывала ничего! — крикнула я, пытаюсь проморгаться. Пока за ослепительным сиянием ничего не было видно.

— А мы тут посмотрели и сами догадались, что тебе нужно! — рассмеялись феи.

Глава девятнадцатая

Первое, что я увидела, были красивые обои, сверкающие люстры и дорогая обивка.

— Хи-хи! — послышались голоса фей, пока я осматривала преобразившийся дом. Все вокруг выглядела уютно и дорого.

— Нравится? — спросили феи, хихикая в ладошки. — Ты еще сад не видела!

Я обреченно понимала, что мужу это все не объяснить. Теперь уже точно!

Стоя возле окна, я смотрела на убранный сад, который напоминал дворцовый. О, нет!

— Да, очень красиво, — отозвалась я дрогнувшим голосом. Все! Если я переживу этот разговор, при следующем визите к королю, я попрошу его отменить наш брак! Рано или поздно, он увидит мой хвост, и закончу свою жизнь в казематах инквизиции. При мысли о холодных казематах, мне стало зябко.

— Я так понимаю, это были три желания? — спросила я, задергивая штору.

— Нет! Это даже не желание! — звонко ответила мне фея. Она слетела с подсвечника и облетела комнату. — Мы, как феи не хотим жить в некрасивом доме!

— А можете вернуть, все как было? — спросила я, глядя на золотистые кисточки штор, которые напоминали мой хвостик.

— Ей не понравилось?! — переглянулись феи, оседлав спинку кресла.

— Нет, это очень красиво, — начала я, чувствуя зябкий холод и вспоминая саблю в руках мужа.

Я тронула ткань штор, которая мягкими складками обрамляла высокое окно. Обои, которые выцвели и слезли, теперь выглядели, как новенькие и сверкали золотом.

Все было действительно очень красиво. И я с надеждой посмотрела на бархатный диван.

«А вдруг гномы сегодня опять напьются и разнесут все? Может, я зря боюсь?», — успокаивала я себя.

— Пусть посмотрит, какая красотища! — пищали феи, пока я вышла в коридор и не узнала его. Однажды мы с тетей и дядей были в гостях. Правда, ненадолго. Это был богатый дом, который поразил меня красотой. Я еще долго вспоминала его, а теперь вижу, что живу в таком же точно!

— Ей нравится!!! — ликовали феи, кружась сверкающим хороводом.

А что если просто поговорить с мужем, чтобы он дал мне развод? Точнее, чтобы отменить свадьбу. Он ведь может найти другую девушку? Намного красивее меня! И быть с нею счастливым?

Эта мысль заставила меня успокоиться. Да! Именно так я и сделаю! Думаю, раз он был против брака, то он меня поймет!

Я задумчиво рассматривала красивые картины, думая о своем.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Теперь здесь очень красиво!

— О, это еще не все! — возликовали феи, пока я заходила в комнату. Все было так дорого и непривычно, что мне показалось, я попала к кому-то в гости.

— Мы подумали, что ты бедная девушка, и решили, чтобы ты стала очень богатой! — воскликнули феи, порхая в воздухе. — А поскольку ты живешь одна, то решили, что тебя нужно сделать тебя настоящей красавицей, чтобы ты поскорее вышла замуж! И это твое первое желание!

Что?! Я обернулась к зеркалу, как вдруг увидела изумительную красавицу с роскошными рыжими волосами. Кожа была у меня белой-белой, с легким румянцем, волосы стали длинными, почти прикрывающими попу.

— О, нет, — выдохнула я, видя, как красавица тоже пугается, прижимая руку ко рту.

— Ты помнишь ее тусклые волосы? — переглядывались феи, усевшись на зеркале. — Она была как мышка! А теперь любой влюбится в нее, только увидев! Красота для женщины — самое важное! Мужчины смотрят на красоту!

Если он меня увидит такой, то даже представить не могу, что будет! Я вспомнила, как он меня приобнял, как смотрел на примерку платья, а теперь? Что будет теперь? Что будет, если он решит, что я очень красивая и женится на мне?! Что будет тогда?!

Так хоть у меня был аргумент, а сейчас...

— Я знала, что она увидит себя и не поверит! — рассмеялась одна фея, пока ее подружки радовались.

— Мы подумали, что раз ты живешь одна, то тебе нужен хороший муж! — рассмеялась счастливая фея, пролетая между мной и зеркалом, в которое я смотрела с ужасом.

— Я уже замужем, — сказала я, опираясь на трюмо.

— Ну тогда еще лучше! — уверяли меня феи. — А то живешь здесь одна! Видимо, муж забыл о тебе и отослал подальше! А как увидит, так снова влюбится!

— Мой муж — Великий Инквизитор, — произнесла я, а феи переглянулись. — И когда он увидит, то нам всем будет крышка!

— Ой, — переглянулись феи.

— Так что сделайте меня прежней! — взмолилась я, глядя на сказочную красавицу в дорогом платье.

— Мы не можем, — прошептали феи. — Желание обратной силы не имеет! Значит, третье желание ей точно не понравится!

Я насторожилась.

— А что это за желание? — спросила я, осматриваясь по сторонам.

— Нет, а что бы ты загадала? — коварно спросили феи, перелетая с подсвечника на люстру.

Я бы... Я... В какой — то момент я вспомнила, как близко к моим губам были его губы, как сердце тревожно забило, когда я впервые увидела Инкриса, как внутри все переворачивалось, когда он посмотрел на меня... И, быть может, если бы у меня не было бы хвоста, то у нас все было бы по-другому...

И, конечно же, расколдовать девочку! Вот два моих желания.

— Я бы... Я бы пожелала, чтобы вы сняли проклятие с моей ... моей... девочки, — заметила я. — И... И убрали бы мой хвост!

Я отогнула платье, как вдруг одна фея просто упала с люстры.

— Хвост?! — переглянулись они. — погоди, так ты тоже фэйри?

— Наполовину, — ответила я, вытаскивая из кисточки соринки.

— Она фэйри, — слышались удивленные и взволнованные голоса фей. — Ты же знаешь пророчество?

— Какое? — спросила я, отпуская хвост и пряча его под юбкой.

— Принцесса в тот день не погибла. Принцессу внезапно спасли! И так, чтобы было не видно, тайком к себе в дом унесли! — начала

одна фея. — Но скоро принцесса вернется, вернется, не помня себя. И станет обратно принцессой, а так же женой короля!

— Что?! — спросила я. — Я не принцесса. Вы ошиблись. Может быть, похожа немного... Но я не она! И о каком короле идет речь? Наш король очень стар!

— Да причем здесь ваш король! Речь идет явно о Горном Короле! — заметила одна фея.

— А зачем ему принцесса? — спросила я, присаживаясь на ручку кресла.

— Как зачем? Понимаешь, после того, как Лесная Столица была разрушена лесные фэйри остались в лесу. Некоторые перешли на сторону Горного Короля. Но большая часть отказалась уходить из леса, ведь старая Вельва дала пророчество про принцессу! И теперь лесные фэйри ждут ее! — вздохнула крохотная фея на зеркале.

— И Горный Король ничего не может поделать! Он думал, что фэйри побегут к нему, но он ошибся. И теперь ему нужна принцесса, чтобы объединить всех фэйри и пойти войной на людей! — пискнула еще одна фея.

— Я не верю в глупые пророчества, — заметила я, не зная, что делать со своей красотой!

— Но Старая Вельва никогда не ошибалась! — стали спорить фэйри. — Так что мы ждем принцессу! Все ждем! И как она скажет, так и будет!

— Так вы не могли бы выполнить еще два желания? — спросила я.

— Мы вряд ли сможем снять проклятие. Силы не те. Мы и так силами скидывались, чтобы порадовать тебя! — переглянулись фэйри.

— А хвост? — спросила я, глядя на них с надеждой.

— И хвост убрать не можем! — переглянулись феи. — Но зато третий подарок тебе понравится! Только это сюрприз!

Я посмотрела на часы, которые показывали шесть вечера. Вольпена не было, и я начинала беспокоиться.

— Я пойду в деревню, — вздохнула я, понимая, что нельзя вот так вот бросить кролика. А вдруг с ним что-то случилось!

— Не ходи! Там очень злые люди! — закричали феи.

— Придется! — вздохнула я, надевая старую шаль и пряча волосы под старенькой сеточкой. Пряди выбились из нее, а сеточка тут же

упала на пол.

— Не ходи, — убеждали феи, но я настроилась решительно.

Я вышла на улицу, глядя на красивый сад, который теперь напоминал дворцовый парк, прошла по дорожке и дошла до почтового ящика. Может, есть письмо от тети и дяди?

Засунув руку поглубже, я вытащила не письмо, а целый мешочек золота и маленькую записку: «Это вам на месяц».

Я попыталась его спрятать, но он никуда не помещался, поэтому я решила нести его в руках.

Если раньше лес казался страшным и неизведанным, то сейчас он выглядел приветливо. Деревья сами расступились, убирая колючие ветки с моего пути. Даже кустарники, которые выросли на тропочку, отклонялись в сторону.

Лес шелестел, словно пытаясь мне что-то сказать. Как вдруг я почувствовала, что почти на подходе в деревню, в меня вцепилась ветка!

— Мне нужно туда, — произнесла я, а ветка нехотя отползла. — Я понимаю, но я должна узнать, что случилось?

А заодно и спрошу, может, они помнят семью, которая жила здесь. Наверняка кто-то ее помнит!

Я прошла мимо первых домишек, но людей поблизости не видела, как вдруг я услышала крики и поспешила на них. Прямо посреди площади, круглой, как тарелка, собрались все, и дети, и старики, и молодые. Они жадно высматривали глазами что-то, что я пока не видела.

— Пропустите, — попросила я, орудуя локтями.

— И так будет со всеми фэйри, которых мы поймаем! — донесся до меня зычный голос. — Пусть лес видит, что бывает с теми, кто ворует у нас нажитое!

— Господа, давайте договоримся, — послышался знакомый голос.

— Молчать! — закричал кто-то. — Знаем мы ваше «договоримся». Околдуешь, обманешь и был таков! Но на этот раз нет! Хвала инквизиции, которая поставила на каждый амбар ловушку, на каждый сундук печать! Иначе бы мы никогда не изловили его!

— Пустите, — пробивалась я, как вдруг толпа поредела, а я увидела огромную кучу хвороста, обложенную вокруг столба. К столбу был привязан Вольпен. На его груди горела странная печать.

Сердце панически забилося. Нужно что-то делать! Пока что на меня не обращали внимания. Все жадно следили за тем, как опускается коптящий факел прямо на сухой хворост. Может, попросить помощи у леса? Или...

И тут я вспомнила, что у меня есть целый мешок золота. Дядя всегда говорил, что за деньги можно купить все! Может, мне удастся его выкупить? Я вспомнила записку про то, что эти деньги на месяц, и вздохнула. Ничего, как — nibудь проживем!

— А вы не могли бы продать мне этого кролика? — спросила я, видя, как все оборачиваются на меня.

— О, вы та самая дама, о которой нам сказала инквизиция? — послышался голос неприятного мужчины с факелом. На нем была старая шляпа, похожая на дохлую ворону, а на серой одежде красовался какой-то знак.

— Да, я супруга Великого Инквизитора, — произнесла я, вспоминая, что я дама очень благородная. — Думаю, что вам об этом тоже сообщили? А вы кто такой?

— Я — староста деревни Морриган! Нам сказали, что рядом поселилась красивая женщина, — заметил он, глядя на меня и не узнавая. Ну еще бы, вряд ли тогда у них было время рассмотреть меня получше. — Благородная!

— Да, это я, — ответила я, вспоминая одну даму, которую видела в гостях у тетушки. — Вот, пришла к вам в деревню купить продукты и тележку.

Хорошо хоть на мне было дорогое платье. Дети любовались им, а девушки перешептывались. По сравнению с их бедными нарядами, платье, подаренное призраком выглядело очень роскошно.

— А почему вы пешком? — спросил подозрительный староста Морриган.

— А как тут проедешь? — удивилась я. — Мы пытались проехать на карете, но она застряла! Тропка сильно узкая!

— Но тут же есть и другая дорога, вон там! — показали мне, а я увидела колею.

— А я не знала! Я скажу кучеру! — ответила я, представляя, что у меня под домом стоит роскошная карета.

— А почему вы не послали слуг? — спросил староста, присматриваясь ко мне.

— Мои слуги бояться фэйри! — возмутилась я, вспоминая ту чопорную и противную даму, которая любила приезжать к тетушке на чай. Дядя сказал, что дама была не совсем аристократического происхождения, и ее не принимали в обществе. А тетя была аристократкой, поэтому даме нужно было, чтобы ее кто-то протезировал.

— Эти мерзкие фэйри! — продолжила я, поражаясь, как ловко у меня получается этот спектакль. — Они мне все уши прожужжали! Фэйри, фэйри! Я поувольняла почти всех, и теперь жду, когда муж пришлет новых!

— А вы что? Разве не боитесь? — спросил староста, а народ притих.

— Я — жена инквизитора, — усмехнулась я. — Как вы думаете, а боюсь проклятых фэйри? Или нет?

— Понятно, — кивнул староста. А я надеялась, что мне поверили. Селяне перешептывались и зыркали на меня. Я старалась не обращать внимание.

— Ой, а можно я куплю себе вон того кролика? Вам все равно его жечь, а мне он очень нужен! — спросила я, глядя на Вольпена, который притих и слушал. — Я сделаю из него роскошный воротник! Даже рожки оставлю! Пусть все знают, что это был настоящий фэйри! Знаете, в Столице сейчас это последний писк моды!

— О, нет! — заорал Вольпен. — Лучше сожгите! Я вас умоляю! Только не на воротник к этой инквизиторше! Эй, чего стоишь, жги, давай!

— Что-то это подозрительно, — заметил староста Морриган, бегая глазами.

— Подумайте сами. Вы его сожжете, останетесь без денег, а без воротника. И все расстроятся, — спорила я. — А если вы мне его продадите, то у вас появятся деньги, а я сейчас же отвезу его в Столицу, с него там снимут шкурку и сделают мне воротничок. И оторочку для перчаток! И все будут счастливы!

— Кроме меня! Руки прочь от моей шкуры, инквизиторша! — орал Вольпен, пока внутри меня стучало: «Только бы поверили! Только бы поверили!».

Жители загалдели: «Пусть деньги покажет! А вдруг не настоящие!»

— Вот, — вздохнула я. — Надеюсь, хватит на бричку и овощи.

— Настоящие? — подозрительно спросил староста, беря из мешка одну монетку. Он попробовал ее на зуб. А потом вытащил какой-то знак из-за пазухи.

— Инквизиция дала, чтобы мы могли проверить, — заметил он, прикладывая знак к монете. Монета не исчезла. Все посмотрели на мешок, а потом на старосту.

— Так мы ничего в карман себе не положим! А так хоть продадим! — кричали они, убеждая старосту продать мне Вольпена. — Давай, Морриган! Продавай!

— Несите веревки! — крикнул староста, а у меня от сердца отлегло. Вольпен сопротивлялся до победного. Он орал, кричал, кусался и вырывался. Но его одолели всей деревней.

— Смотрите, он хитрый, — послышался голос старосты, когда мне несли Вольпена. Во рту у него был кляп, а он сам мотал головой и бешено вращал глазами. — Его заклинанием припечатало, так что колдовать не сможет! И не заболтает! Вы кляп не вынимайте! А то он такой мастер болтовни!

— А можете еще покрепче связать? — спросила я, видя, как селяне окончательно убедились в моих намерениях. И уже несли веревку.

Я сторговалась на бричку и лошадку, купила картошки, сыра и окорок. Две хозяйки чуть не подрались за право продать мне домашний пирог.

— А кто раньше жил в поместье? — спросила я, как бы невзначай. Староста ходил за мной попятам, нося клетку с кроликом.

— Это надо спрашивать. Тут много кто жил, — махнул он рукой. — А что такое?

— Да так, интересно, — пожала я плечами. — Слишком нище и убого! Я как только приехала, так сразу привела поместье в порядок! А то мне гостей стыдно позвать!

— Может, служаночка вам нужна? — спросил какой-то старик. — У меня три дочери есть! Хоть всех трех забирайте!

— О, нет, — махнула я рукой. — Я лучше привезу из столицы. А то платье испортят!

— Ладно, — пожал плечами дед, снова усаживаясь на скамейку.

Бабки были похожи на куриц. Они вспоминали, кто жил в поместье, но никак не могли вспомнить.

— Девочка маленькая была... Помню, как приезжала! Один раз! — спорила бабка с другими. — Да девочка, не сын! Сын у вторых был! Да долго не задержались!

— А как ее звали? — спросила я, видя, как бабки вспоминают.

— Ой, не помню. Она тут один раз была, а мы что? Запоминали? — развели руками бабки.

Все, с кем я разговаривала, помнили лишь семью с девочкой. Но никто не помнил ни имен, ни титула, ни фамилии. Слуг они тоже привозили из столицы, местных в слуги не брали. Ну кроме одной. А та уже померла давно.

Нагрузив телегу, я водрузила сверху клетку с Вольпеном и направилась по колее. На самом деле я впервые управляла лошадкой, поэтому переживала не меньше нее.

— Не забудьте свернуть направо после поваленного дерева! — кричали мне вслед.

Деревня удалялась, а дорога свернула вправо.

— Ты как? — спросила я, вытряхивая Вольпена из клетки и помогая ему выплюнуть кляп.

— Понаставили ловушек! Куда не сунься. А с виду неприметные!

Я развязывала узлы, радуясь, что успела спасти его.

— А ты так мастерски лжешь! Прямо как истинная фэйри! Врала, главное, и не краснела! — внезапно произнес Вольпен, пока лошадка трусилась сама по себе. Видимо, она знала дорогу. Главное, не пропустить нужный поворот и поваленное дерево.

— Я? — покраснела я. — Я обычно всегда говорю правду!

— Да ладно тебе! — махнул лапой Вольпен, поглядывая на печать. — Все фэйри врут! Это твоя натура проявляется. Сначала человека понравившегося украла, теперь врала, как будто всю жизнь это делала!

— Но я просто хотела спасти тебе жизнь! — возразила я. Неприятно, когда тебя ловят на обмане. Пусть даже во благо.

— Вот это мастерство! Склоняюсь перед тобой! А лицо — то у тебя было такое, что я и сам чуть не поверил, представляешь?! — восхищался Вольпен. — Да, кстати, что с твоим лицом?

— Это феи решили меня отблагодарить, — вздохнула я. — За то, что я их спасла. Они там весь дом преобразили. Такое чувство, словно я во дворце живу! И еще какое-то третье желание, которое должно стать сюрпризом!

— Да я их всех поуби... Ой, у меня теперь магии нет, — вспомнил Вольпен, глядя на печать. — Я, считай, обычный кролик. Только с рогами. Проклятые инквизиторы!

— Радуйся, что живым остался, — усмехнулась я. — А с этим мы что-нибудь придумаем! Не переживай... Ой!

Внезапно я увидела поваленное дерево, лежащее прямо на дороге. Лошадка встала и дернула ухом.

— А куда это собралась красавица? — послышались грубые голоса. И тут я увидела, как из-за деревьев появились незнакомые мужчины. Одеты они были в темное. У одного была повязка на глазу.

— Разбойники, — послышался шепот Вольпена.

— Ну, ну, красотка, далече собралась? А? — усмехнулся одноглазый. У него не хватало нескольких зубов. И вид у него был довольно грязный.

— О! — послышался довольный голос позади. — Смотрите! Целый окорок!

— Я так понимаю, торговочка, да? — усмехнулся разбойник, пока грязные руки лезли мне в бричку. — Ничего, сейчас поторгуемся! Гляди, какая красавица! Чур я первый!

Меня дернули за волосы, а поняла о чем это они! От ужаса я сжалась, чувствуя, как через меня проходит волна страха. А потом....

— О, прекрасная ... — послышался голос разбойника. Он смотрел на меня совершенно другим взглядом.

Нет, только не это!

Разбойники, словно сошли с ума!

— Она моя! — закричал кто-то позади, пока я прижала к себе Вольпентингера.

Лязгнули мечи, завязалась схватка. Меня попытались стащить с повозки, но перепуганная лошадь ломанулась в чащу. Крики позади заставляли задуматься о погоне. Даже самые непролазные дебри расступались, пока лошаденка неслась, как угорелая. С телеги что-то упало, а я завизжала, когда мы чуть не врезались в низкую ветку. Ветка

опомнилась и отдернулась в последний момент, когда я уже зажмурилась.

Лошадка перепрыгнула через ров, а телега с грохотом перелетела следом. Я едва удержалась, чтобы не слететь кубарем в траву.

— Держись!!! — орал Вольпен, пока перепуганную лошадь несло все дальше и дальше.

Постепенно лошадка выдохлась и стала успокаиваться. Я приоткрыла закрытый глаз, чувствуя, как трясутся руки.

— Кажется, оторвались, — выдохнул Вольпен, когда обессилевшая лошадь поплелась между деревьями.

— Да, кажется, — обернулась я, не слыша криков.

— Говорю, у меня уши чуть не оторвались! Ты их так сжала! — заметил Вольпен. — И вообще, что с тобой? Ты что? Волосы расчесала?

— Это феи, — вздохнула я, видя, как лес сам ведет нас домой. — Они решили исполнить три желания. Причем, желания, они придумали сами! Сейчас все увидишь!

— Ох, мать моя пушистая, — опешил Вольпен, когда деревья расступились и показалась роскошная усадьба. — Ох, папа мой рогатый!

— Вот, — заметила я, кисло глядя на роскошный дом, о котором когда-то мечтала. — Есть еще третье желание, о котором мне не говорят!

Лошадка въехала в ворота, а я обернулась.

— Мы потеряли совесть, страх, честь, окорок и яблоки, — шмыгнул носом Вольпен. Он снова окинул взглядом дом и соскочил с телеги. — Ну я сейчас задам этим феям! А ты пока лошадку заведи!

Он ловко соскочил и врезался в дверь. Я взяла лошадку и повела в стойло, как вдруг услышала страшный звук в темноте.

Я подпрыгнула, дернулась и шарахнулась в сторону.

— Ууууу! — послышался низкий и страшный голос. У меня даже в горле пересохло от таких новостей. Неловко пятясь, я пыталась представить, какое чудовище затаилось там...

— Вольпен, — позвала я, — Вольпенушка...

— Что?! — выбежал Вольпен. Его шкурка сверкала от волшебной пылицы, а он чихал на ходу.

— Там, — показала я дрожащим пальцем. Лошадка была со мной согласна. Мы переглянулись.

— Что там? — спросил кролик, заглядывая в темноту.

— Чудовище, — севшим голосом произнесла я, с надеждой глядя на Вольпена. Тот посмотрел на меня и сделал шаг вперед. В темноте что-то зашевелилось. Через мгновение Вольпен сидел у меня на голове.

— Ты испугался? — спросила я дрожащим голосом.

— Нет, просто решил, что у тебя голова замерзла. Вечер холодный, а ты без шапочки, — заметил Вольпен.

Шевеление стало сильнее, и мы стали отступать.

— Мы же не боимся, да? — спросил Вольпен, пока я пятилась, не зная, что выскочит из темноты. — Точно не боимся, что кто-то выскочит?

— Нет, что ты, — согласилась я. — Просто если оно выскочит, то может столкнуться с нами. И больно удариться!

— Вот, вот, и я про то же, — согласился Вольпен. Я зацепилась юбкой за куст, а потом осторожно сняла ее, чувствуя, как трусливо поджимается хвост.

— Мы же собираемся бежать? — спросил Вольпен, осматриваясь по сторонам. Вечер подкрался незаметно, а очертания кустов казались зловещими.

— О, нет, — возразила я. — Мы никуда не бежим! Мы просто гуляем!

— Я бы даже сказал, что мы любим красивую конюшней, — заметил Вольпен, как вдруг оттуда донесся тот самый звук, от которого у меня чуть кончик хвоста не поседел.

Внезапно появилась рогатая тень...

— Ты веришь в жизнь после смерти? — спросил Вольпен, сидя у меня на голове.

— А надо? — спросила я, видя, как тень вырастает и...

На пороге конюшни стояла абсолютно белая ... корова. Я от удивления даже застыла. Откуда она здесь?

Корова осмотрелась, а потом задрала хвост.

— Дзень! — послышался звук, словно уронили что-то металлическое.

В свете огней дома что-то сверкнуло. Корова сделала еще шаг, а потом снова задрала хвост. И снова послышалось тоненькое «дзень», словно уронили на пол железную крышку.

От удивления мы переглянулись.

— Сюрприз!!! — послышались голоса фей. А они вынырнули из кустов.

— Такие сюрпризы обычно потом отмывают с пола, — ядовито заметил Вольпен, все еще сидя на мне.

— Мы подумали и решили, что одной красоты мало для счастья! Так что теперь ты сказочно богата! — обрадовали меня феи, а я не понимала, в чем заключается богатство.

Вольпен слез с меня и пошел к корове. Сама она действительно была белая — белая, прямо молочная. Глаза у нее были темные и умные. Из рта торчал пучок травы.

Корова повернулась спиной ко мне задрала хвост, как вдруг прямо на дорожку упало что-то ... золотое...

Я подошла, присматриваясь, глядя на то, как сверкает золото.

— Золотая лепешка? — спросил Вольпен, поглядывая на хихикающих фей.

— Да! Теперь наша спасительница сказочно богата! — обрадовались феи.

— Неприятностями, — мрачно заметил Вольпен, пока я рассматривала в руке коровью ... хм... лепешечку и поражалась, как это корова на такое способна.

— Где вы ее взяли? — спросил Вольпен. — Я даже не спрашиваю, как вы ее взяли!

— Она паслась возле огромной пещеры. И мы решили, что лучше привести ее сюда! Здесь и травки больше и золото нужнее, — пропищали феи, витая огоньками над кустами.

— Травки больше, да... Будет что подстелить, когда сюда явится хозяин и сделает лепешки из нас, — заметил Вольпен.

— А что не так? — спросила я, глядя на золото.

— Да все в порядке, — прошептал он. — Горный тролль, поди, уже обыскался свою корову.

— Что? Горный кто? — округлила глаза я.

Глава двадцатая

— Даже если это корова тролля! — заметила одна из фей, подлетая близко к моему носу. — Они же никогда не покидают своих гор! Так что вряд ли он сюда придет!

— Так вы ее украли? — спросила я, поглядывая на корову, которой было все равно. Она потянула морду в сторону и направилась в дом. Дверь была открыта, поэтому корова преспокойненько зашла в дом.

— Эй, мадам, вы куда? — возмутился Вольпентигер, а я бросилась за ним.

Когда мы влетели в зал, послышался «бзень!». Корова задумчиво жевала зеленую портьеру. Вид у нее был такой, словно она всю жизнь об этом мечтала. Слюнявая портьера, сдернутая с карниза тащилась по земле.

Портьера исчезала в корове со скоростью, которую я даже представить не могла. Корова потянулась ко второй и стала стягивать ее.

«Дзень!», — прозвенело о до блеска начищенный пол.

Корова упрямо потянула вторую портьеру и направилась в сторону дивана. Она стала с ним бодаться и мычать.

— Что она делает? — спросила я, боясь к ней подойти.

— Рога чешутся, — пояснил Вольпен со знанием дела. Корова пронзительно замычала и грустно осмотрела коридор. Портьер не было! Поэтому она грузно и медленно стала подниматься по лестнице, цепляя рогами деревянные перила. При этом глаза у нее были грустные — грустные. Сверху послышался грохот и брызги стекла.

Опомнившись, я бросилась за ней, видя, лежащий посреди коридора упавший потрет.

— О! — слышался восторженный голос призрака. — А мне запрещено было заводить животных! Это кто такой?

Я подозревала, что девочка никогда в жизни не видела коровы.

— Это хомячок! — заметил Вольпен, видя, как корова доедает портьеру, а потом принимается за коврик.

— Хомячок?! Какой же он чудесный!!! — захлопала в ладоши призрак. — Теперь у меня есть хомячок! Я назову его Гвендолин Мирабэлла Сара Мина Саммерсет!

— Не жди, что будет откликаться на имя. Хомячки, они такие, — заметил Вольпен. — Ладно, тролли и правда не выходят из гор, так что бояться нам нечего. Зато лепешки соберем! Так, я сейчас приготовлю ужин, ты ешь и ложишься спать!

— А гномы где? — спросила я, прислушиваясь к подозрительной тишине. У меня была надежда, что они ушли.

— Дрыхнут. Знаешь, как они устали за день! — усмехнулся Вольпен, пока призрак летала вокруг коровы и разговаривала с ней. Она достала пыльную куклу и показала ее корове.

Корова посмотрела умным и глазами и потянулась за куклой!

— Эй, пусти! — кричала призрак, пытаясь вырвать из коровьего рта зажеванное платье куклы. — Помогите! Хомячок решил съесть мою куклу! Мне ее мама подарила!

Я бросилась на помощь! Корова упорно тянула в одну сторону, мы с призраком в другую. Наконец-то слюнявая кукла оказалась в руках призрака. Та прижала ее к себе, как родную Из — под прозрачной руки топорщился жеванный и мятый подол.

— Мне ее мама подарила, — послышался голос призрака. — Мы с ней даже в лес ходили! Правда мы там потерялись, но нас потом нашли! Только вот медальончик мой не нашли... А его тоже мама подарила!

— А что было в медальоне? — спросила я, вспомнив про имя.

— Там был мой портрет и что-то написано, — заметила призрак. А что, я не помню... Но это было еще до мачехи! Стой! Ты куда!

Я уже сбежала вниз по лестнице, радуясь, что мачеха вряд ли добралась до медальона, который был потерян в лесу. Возможно, она даже о нем и не знала, поэтому есть шанс узнать имя девочки!

Добежав до леса, я увидела, как деревья обрадовались мне и заскрипели.

— Вы не видели медальон? — спросила я, надеясь, что меня поймут.

Деревья зашуршали, словно совещались.

— Его потеряла маленькая девочка, — произнесла я, показывая примерно рост. С ней была еще одна маленькая девочка...

Деревья меня не понимали. И я бросилась в дом, чтобы взять куклу.

— Можно куклу? — спросила я, видя, как призрак нянчит и утешает старую фарфоровую куклу: «Хомячок тебя больше не обидит!».

— А ты хочешь с ней поиграть? — спросила призрак. Ей явно не хотелось расставаться со своим сокровищем.

— Да, — согласилась я.

— А ты вернешь? — спросила она, поглядывая на фарфоровое лицо. На розовой щеке куклы виднелась паутинка трещин. Глупые стеклянные глаза смотрели в потолок. А неряшливые локоны цвета дубового стола спадали на потертое платье с кружевом.

— Конечно! Я понянчу ее и тут же верну! — улыбнулась я, видя с какой неохотой мне протягивают куклу.

— Только башмачки не потеряй, — вздохнула призрак, пока корова направлялась к выходу из комнаты, оставляя за собой руины и разрушения.

— Хорошо, обещаю, — кивнула я, качая куклу на руках, как ребенка.

Я сбежала с куклой по лестнице и добежала до леса.

— Вот! — показала я куклу. Ветки склонились к ней, осторожно прикасаясь к платью и волосам. — Потеряла еще вещь! Маленькую такую...

Я показала на пальцах, словно я вешаю себе на шею. Деревья заскрипели, а потом кивнули!

— Вы знаете, где она? — спросила я, обрадовавшись всем сердцем. — Вы можете отвести меня туда? Если да, то отведите.

Но деревья так и не расступились.

— Ее нет в лесу? — спросила я, понимая, что надежды не оправдались.

Деревья кивнули кронами.

— А вы не знаете, где она? — спросила я, теряя последнюю надежду.

Деревья зашуршали, но так и ничего ответить не смогли. Вечер медленно крался тенями от леса, а я направлялась в дом.

— Му-у-у-у! — слышался жуткий звук.

Я бросилась с куклой туда, откуда орала корова.

— Вот, держи, — улыбнулась я. — Я просто хотела показать ей улицу. Ей же скучно сидеть здесь!

— Да! — обрадовалась призрак. — Мне говорили, что прогулки очень полезны для маленьких девочек. И для кукол! А я хочу, чтобы она у меня росла здоровой и красивой! Поэтому ты будешь брать ее на улицу. А я буду ее ждать!

— Договорились, — улыбнулась я, как вдруг корова опять заорала да так, что зазвенела люстра. Откуда-то набежали гномы. Феи сидели на трюмо, на котором виднелась паутина трещин. Огромные копыта крошили стекла.

— Давай назовем ее Разруха, — заметил Вольпен.

— А чего это она так разошлась? — спросила я, не понимая, почему корова так кричит.

— Нет, ну я бы тоже орал, если бы съел огромную чернильницу, — заметил Вольпен. — Эй, чего орешь!

— Му-у-у-у! — закричала корова, жалобно и пронзительно.

— Может, хомячку принести занавеску? — спросила призрак. Она исчезла, а потом вернулась и начала тыкать занавеской корове в морду. Та отвернулась.

— Запоминай, первый признак того, что не все в порядке, — шикнул мне Вольпен. — Мы не жрем портьеру!

Я сбежала вниз, нарвала пучок травы и понесла корове. Мне было страшно протягивать ей траву в руке. Но я осмелела и зажмурилась.

— Му-у-у-у! — замычала она мне в лицо. Но траву есть не стала.

— Может, ей воды принести? — предложил Вольпен, а мы с ним побежали на кухню и набрали целый тазик. Расплескав половину в коридоре, я поставила тазик на роскошный ковер.

— Му-у-у-у! — истерично закричала корова, наступив в воду копытом.

— Так, дорогие хомяководы, собираемся на совет, — произнес Вольпен. На его груди все еще горела магическая печать.

— Слушай, — спросила я. — А ты теперь никогда не сможешь колдовать?

— Потом, все потом, — отмахнулся Вольпен, когда к нам стучали ногами гномы. — Итак, что может быть ей нужно? Чего она так орет? Вы представители сталактитовых низов, любители глубоких дырок, что скажете?

— Эм... Может, она голодна? — спросили гномы. — Мы бы поели!

— Так, еще варианты!

Призрак тыкала в коровью морду штору, но корова уводила морду и снова пронзительно мычала.

Я подошла к окну, видя, как солнце закатывается за лес.

— Му-у-у! — снова закричала корова жалобно — жалобно.

И тут я услышала стук колес.

— Муж! — перепугано обернулась я, видя, как к дому подъезжает карета. — Прячьтесь!

— Му-у-у! — закричала корова, вокруг которой все суетились.

— Надо ей рот заткнуть чем-то! — заметил Вольпен. — Так, ешь давай штору! Когда тебе еще такое предложат?!

— Дзень! — послышалось на полу, а я увидела золотую лепешку.

— Лови компенсацию за портьеры! Куда руки тянете! — рявкнул Вольпен гномам. Они оживились, увидев золото. У них даже глаза заблестели. — Это наше! Так, нужно собрать лепешки! Быстро!

Мы с призраком бросились вниз. Следом за нами бежали гномы. Я держала подол, а в него складывали лепешки разной формы и размеров. Их было столько, что я сама удивлялась. Подол тяжелел, а мы только первый этаж обошли. Нам предстоял еще второй!

— Ого, сколько золота! — заметила призрак, пока гномы пытались украсть одну себе. — Ты очень богата!

— Тук-тук-тук! — послышалось в дверях, а я бросилась с сокровищницей наверх.

— Ест, ест! — заметил Вольпен. — Одумалась! Ей красные, видимо, не нравятся! Так, несите зеленые! Все зеленые покрывала, шторы! А ты, рогатая, сиди тихо! Иначе на столе у инквизитора сегодня будет отбивная! Эй, Амелия! Ты там недолго! У нас запасов не хватит!

— Ага! — кивнула я, заплетая волосы в привычную гульку. Волосы были длиннее, чем обычно, поэтому понадобилось больше времени. Я посмотрела на себя в зеркало, понимая, что сейчас вечер. Авось и не заметит.

— Иду, — крикнула я стуку, слетая со ступеней. Одернув юбку, прижав хвост к ноге, я щелкнула засовом.

— Вы так быстро открываете, что я уже отдал распоряжение похоронить меня рядом с вашей дверью, — мрачно усмехнулся муж. Он был одет в изумительно белый костюм.

— Я просто уснула, — ответила я, видя, как призрак украдкой гасит свечку за его спиной. — Вы меня разбудили.

— Я хотел спросить, — заметил муж, бросив взгляд на свечу. Но рядом с ней уже никого не было. — Сегодня стража поймала разбойников из одной банды.

— Ага, — кивнула я, внимательно слушая.

— Их много лет не могли поймать, а тут попались! Только по документам они разбойники, зато в душе — прекрасные рыцари, — заметил муж. — Они постоянно твердят про одну красавицу, которую встретили на дороге... И в честь нее решили совершать подвиги!

В этот момент я похолодела. Неужели я попалась?

— Первым подвигом они устроили рыцарский турнир прямо на проселочной дороге, — мрачно усмехнулся муж. — Конечно же, коней и зрителей не было, но внутренности и лязганье оружия были. Пока идиотизм аплодировал им стоя, они планомерно сокращали свою популяцию. Потом их повязали. И они все как один стали твердить про некую рыжеволосую красавицу, которая околдовала их настолько, что один из них с легкой подачи товарища и его ножа ушел в прекрасные леди.

Я решила молча дослушать до конца, делая вид, что меня это не касается. Мы стояли в полумраке, но от этого становилось еще страшнее.

— По всем признакам вмешательство фэйри. Я даже знаю, какой именно. Я вам про нее рассказывал однажды, когда чуть не убил, — произнес муж. — Ниточка привела в деревню, откуда ехала красавица. И все, как один описывают ее, как женщину необычайной красоты. Которая, к слову представилась моей женой.

Он посмотрел на меня так, словно сейчас арестует.

— Я приехал убедиться, в том, что моя жена здесь не при чем. Она, конечно, уже не тот крокодил, который откусил у меня кусок свободы, — мрачно заметил муж, делая шаг в мою сторону. — И если мадам сейчас не найдет объяснение, я могу заподозрить ее очень нехорошем.

Меня дернули к себе, как вдруг брови мужа поднялись вверх. Он смотрел на меня, а я испуганно смотрела на него.

— Что? — спросил муж, вглядываясь в мое лицо. Заколка слетела, а волосы предательски распались по плечам.

— Мадам, в вас что-то поменялось... — заметил муж, глядя на роскошные волосы, которые полностью накрывали плечи.

Тетя всегда говорила, что мужчины от природы ненаблюдательные. Даже инквизиторы. Нет, они могут найти гнома в стоге сена, с первого взгляда запомнить, сколько волос было у преступника, но на кокетливый вопрос: «Ты ничего не замечаешь, любимый?», плохее даже матерым инквизиторам.

«Что?», — беззвучно спрашивал дядя у меня. А глаза у него были, как у несчастного котенка. Он умолял меня взглядом намекнуть, что поменялось в тете. Я его понимала. Дяде очень хотелось жить.

«Ты ничего не замечаешь, дорогой?», — спрашивала тетя, а в ее голосе звучала настойчивая ярость.

Дядя, который однажды рассказывал, как его чуть не съел голодный лесной тролль, дрожал глазом. По его седому виску текла капелька пота.

Тетя подносила к нему красоту ближе, чтобы дядя уже рассмотрел наверняка. Дяде становилось душно. Он начинал терзать ворот и глупо улыбаться.

— Ты сделала локоны? — робко спрашивал он, когда над ним нависал топор женской красоты, готовый изрубить его на куски.

— НЕТ! — грохотала тетя, а смерть кралась к дяде все быстрее.

— ЛОКОНЫ Я ДЕЛАЛА В ПРОШЛЫЙ РАЗ! — тетя угрожала своей красотой. — А сейчас что?!

Дядя ерзал в кресле.

— Помада? — едва слышно спрашивал он, пытаясь отсрочить свой конец.

— О! Ты заметил! — тут же расцветала тетя, причмокивая губами. — У меня новая помада!

Смерть, которая уже обнимала дядю, тут же исчезала. Тетя из ее предвестника превращалась в кокетку.

— Я сразу заметил! — подкреплял дядя. — Вот как только ты вошла в комнату! И духи новые, да? Мне они нравятся. Предыдущие были так себе!

Лицо тети тут же менялось.

— Это не духи, — ледяным голосом произносила тетя. — Это я рыбу жарила.

Ну, тетя! Выручай!

— И что во мне поменялось? — подозрительным голосом спросила я, голосом тети. — А?!

Видимо, Инкрис играл в эту игру. И немного знал правила. Поэтому в этот момент он замер, всматриваясь в мое лицо так, словно ищет на нем улики.

— Я, значит, весь день старалась! — продолжала я голосом тети. И при этом прищурилась. — А он не видит, да?!

В этот момент у него были глаза дяди.

— Эм... Новая прическа? — спросил Инкрис негромко. Я почувствовала нотку неуверенности в его голосе.

— Новая прическа была в прошлый раз! — уперла я руки в боки. Глаза мужа округлились. — А вы не заметили!

— Мышь, если ты меня слышишь и готовишь внезапный удар, — мрачно произнес муж. — Убей меня первым. Помада?

— Помада была в позапрошлый!!! — вошла я во вкус, видя, как Великий Инквизитор замирает, прямо как дядя.

— Ну... лицо... — осторожно начал муж, всматриваясь в меня так, словно изучает место преступления. — Оно... стало красивее...

— О, нет, мой дорогой! Это не прокатит! — голосом тети крикнула я.

— Можно подсказку, — произнес Инкрис, делая глубокий вдох.

— Я исправила форму бровей, — ответила я, но тут же добавила, — Посмотри, как меняется лицо, когда исправляешь брови!

— Тебе идет, — кивнул муж. — Очень... Я прямо тебя бы не узнал...

— Нет, разбойники заметили форму бровей, а муж нет! — возмущенным голосом с неподражаемыми тетиными интонациями произнесла я. — В деревне заметили, а муж нет!

Тут тетя предлагала сделать паузу, чтобы жертва подумала о том, что пытка закончилась. «Обязательно дай ему надежду! А потом отними!», — усмехалась тетя, пока мы выходили из комнаты, в которой дядя чувствовал себя так, будто бы заново родился!

— Но это не все... — продолжила я, видя, как муж напрягся.

Не знаю, пытались ли голодные лесные тролли съесть моего мужа. И было ли с чем ему сравнивать эти нелегкие минуты мужской жизни.

— Мышь, мое предложение еще в силе, — глухо и мрачно произнес муж. — Намекните, мадам...

— Угадайте, — ехидно ответила я.

— Мне кажется... — начал муж, собирая в кулак мужество.

— А вам не должно казаться, вы должны знать наверняка! — яростно заметила я, пока мужу было нехорошо.

— А сколько у меня попыток? — спросил инквизитор. — Мадам, где вы научились таким изощренным пыткам?

Я слышала краем уха, как в страшных застенках инквизиции пытаются несчастных магов и фэйри.

— Не увиливайте! — произнесла я, глядя ему в глаза.

— Новый крем? — спросил муж, сощурив глаза.

— Да! — обрадовалась я, слыша, как он выдыхает. Редко, когда мужчина выигрывает в эту игру. Но это было еще не все!

— А теперь женщине нужно сделать комплимент, — усмехнулась я.

Лицо мужа изменилось, а он почему-то покачнулся, прижимая пальцы к виску. Казалось, он смотрел куда-то поверх моего плеча, но при этом ничего не видел.

— Ты похожа на... — произнес он тихо. Внезапно взгляд его поменялся. — Корова?!

Корова, которая, видимо, доела последнюю занавеску, снова стала пронзительно мычать.

— Му-у-у-у! — жалобно выдала корова.

— Откуда она у вас?! — спросил муж, видя, как корова вышагивает по лестнице.

— Я... я нашла ее в лесу. Она жалобно плакала, а я привела ее сюда, — ответила я, как вдруг послышался страшный звук.

Казалось, он слышался издалека. Низкий, раскатистый, словно рычание смешивалось с громом. От этого страшного рева кровь стыла в жилах!

Звук напугал, и тут же стих.

— Му-у-у-у! — жалобно ответила корова, а следом раздался все тот же рев. Правда, на этот раз он сопровождался ужасным хрустом.

Муж бросился наверх, а я поспешила за ним, в надежде, что гномы успеют спрятаться.

— Вы куда?!! — кричала я, чтобы предупредить друзей. Едва ли не зацепившись платьем за роскошную лестницу, я увидела, как муж распахивает первую дверь и подлетает к окну. В комнате царил ужасный беспорядок, и было тихо.

— Горный тролль! — негромко произнес муж, а я подбежала к окну, видя, как деревья странно трясутся. Островки трясущихся деревьев приближались, а я больше ничего не могла разглядеть в кромешном полумраке оконного проема.

— Му-у-у! — послышалось снизу. Стекла загудели от этого мычания.

И тут я почувствовала, как пол начинает дрожать, когда рев раздался совсем близко. Я припала к окну, видя огромную фигуру, похожую на уродливую статуэтку из дядиной коллекции ненужных подарков. Только по высоте она достигала почти второго этажа. Деревья хрустели, трещали и с грохотом падали, когда огромная ручища, расталкивала их.

— Arrrrrrr! — донесся страшный рык, от которого по стеклам пошли трещины, а пол под ногами загудел.

Меня внезапно схватили за талию, оттаскивая от окна.

Глава двадцать первая

За окном потемнело, словно что-то огромное закрыло свет луны. Оглушительный рев заставил меня оцепенеть. Я никогда в жизни не видела такую громадину!

— Назад!!! — крикнул муж, вытаскивая меня в коридор. В этот момент портреты, которые еще висели на стенах стали падать, а пол под ногами заходил ходуном. Страшный треск за спиной перепугал настолько, что хотелось спрятаться.

— В доме есть подвал?! — крикнул муж мне на ухо. Он держал меня за руку. — Есть, спрашиваю?! Мадам, очнитесь! Вы при виде меня не впадали в такой ступор, как при виде тролля! А это непозволительно!

Смысл его слов дошел до меня спустя пару мгновений. Где-то вниз орала корова, а тролль выламывал стены.

— Не знаю, — прошептала я, видя, как муж тянет меня вниз по ступеням. На нас падала штукатурка. Дом, казалось, ходил ходуном и трещал по швам. Оглушительный рев заставил волосы подняться, а я почувствовала, как меня завели за лестницу и усадили на пол.

— Голову прикройте! — крикнул муж. Его волосы растрепались. От красивой прически ничего не осталось.

Огромный кусок штукатурки упал рядом с его сапогом, а я пискнула.

Окна зазвенели и вылетели, когда муж расстегнул камзол и обнажил меч.

— Вы куда?! — крикнула я, вцепившись в полу его камзола.

— Мадам, я иду делать вдовой его супругу, — мрачно усмехнулся муж, уворачиваясь от летящего столика.

Я слышала лишь грохот и рев. Огромная каменная лапа разбила ряд окон и теперь шарилась по залу. Глупая корова, которая хотела вернуться, сама шарахнулась к лестнице, когда загребущая лапа сгребла стулья и ковер.

— Отпустите меня! — потребовал муж, а его глаза сверкнули. — Немедленно!

— Я вас не пущу! — испугалась я, впервые представляя такую громадину, которая крушит все на своем пути. Я никогда не видела троллей. Только на картинке.

«Ненасытная толстошкурая тварь, которая не перед чем не остановится, пока не нажрется!», — рассказывал дядя.

«Вы про тетю Патрицию?», — наивно спрашивала я, вспоминая дальнюю родственницу, которая приезжала к нам на чай и съедала все тетины пироги.

«Ну, тролль немного посимпатичней будет!», — усмехался дядя.

— Нет! — пискнула я, зажимая рот рукой, когда муж, содрал с шеи странный медальон. Тот засветился белым светом. Луч ударил прямо в тролля, а тот отпрянул от дома, вырвав кусок стены. Стекла посыпались, а я увидела огромного тролля на фоне звездного неба.

— А где извинения за столь поздний визит? — мрачно усмехнулся муж, пока тролль зажимал огромную морду каменной рукой и ревел на всю округу. Я видела позади тролля хвост с такой же кисточкой, как у меня.

— Хвост! — дернулась я, набрасывая юбку на кончик хвоста, который нервно подергивался. Казалось, под юбкой притаилась змея, но я ничего не могла с собой поделать! Это получалось произвольно!

Пока я отвлеклась на хвост, случилось что-то страшное! Муж взял разбег, на ходу отбрасывая медальон. Теперь его меч светился белоснежным светом, а он ловко уворачивался от ударов огромной лапы.

Иногда ему приходилось скользить под ней за секунду, как лапа, похожая на кусок породы обрушивалась прямо на белую фигуру. Камень и крошево летели во все стороны. Осколки стекла хрустели под дорогами сапогами. Муж закрутился, словно в танце, резанув мечом по пальцам тролля. Тот взвыл, и попытался прихлопнуть его другой рукой.

— Нет! — зашлась я, напрягаясь. От испугал и нервов, я прижимала руки ко рту. Рядом стояла корова и болела за своего тролля!

— Ну че? — послышался голос Вольпентингера. — Болеете, хвостатые?

— Ты живой! — обрадовалась я, тут же с ужасом глядя на мужа, которого тролль попытался поймать второй рукой, но муж оказался

ловчее и просто поднырнул под ней. Могучий каменный кулак обрушился на пол, а по нему поползли огромные трещины.

— А остальные? — спросила я, боясь смотреть на битву.

— В безопасном месте, — заметил Вольпен. — Гномы, как пронюхали про тролля, тут же укрылись в подвале.

— У нас есть подвал?! — спросила я, оборачиваясь на лязганье стали о камень. Меч мужа был уже не таким ярким.

— Му-у-у! — орала корова, подбадривая своего тролля.

— Судя по тому, как туда ломались гномы, и как запахло оттуда после первого удара о дом, я бы забыл про существование подвала раз и навсегда! — усмехнулся Вольпен.

— А феи? — спросила я, видя, как корова так же дергает хвостом, как и я.

— А им-то что? Они спрятались в саду! — заметил Вольпен. — Призрак в подвале с гномами! А у нас как успехи?

— Мы... как бы почти побеждаем, — произнесла я, в надежде, что это правда.

— Мы это тролль? Или мы — законный брак? — спросил Вольпен, пока я обернулась и увидела, как муж пригвоздил руку тролля к полу мечом. Под рукой виднелась белоснежная печать. Тролль пытался отмахнуться второй рукой, но на ней не хватало нескольких пальцев.

а потом достал из сапога светящийся кинжал и взбежал по рвущееся руке и устремился к безобразной морде тролля.

Тролль вырвал руку вместе с полом, а сам устремился прочь.

Я вскочила и бросилась за ними.

— Не могу понять, корова или меньше любит, или больше уверена в своем хозяине? — спросил Вольпен, когда я выбежала в сад. Но битва была уже возле леса.

Тролль заревел и отшатнулся, а муж бросился к карете и отстегнул одну из лошадей. Вторая лошадь пронзительно заржала, а Инкрис ловко вскочил на черного коня без седла. Кучер трясся под каретой, изредка выглядывая, что там такое.

— СТОЙ!!! — заорал Вольпен, когда я хотела выбежать за ворота.

— Сударь, извольте проследовать за мной, — мрачно усмехнулся муж, когда конь под ним встал на дыбы. Перепуганная лошадь рванула

по дороге, а тролль с грохотом устремился за ней. От каждого его шага, казалось сотрясалась земля.

Огромное дерево, вырванное с корнем, полетело в седока, но он резко увел коня в сторону. Второе дерево, вырванное с корнем зацепило карету. Кучер попытался выбраться из — под кареты, но его отмело в сторону забора. Он ударился об него и сник.

И тут я увидела, как из леса летит серебристая стрела, которая сбивает лошадь. Белая фигура слетела с нее, а я подпрыгнула на месте.

Тролль триумфально заревел и бросился к добыче. Конь встал раньше, чем всадник и бросился улепетывать по извилистой дороге.

— Убей его! — послышался приказ из леса.

— Нет! — закричала я, бросаясь туда. — Стой! Остановите его!

В тот момент, когда тролль занес дубинку, ветки, повинувшись моему приказу схватили его огромную руку. Деревья, словно придвинулись к нему, а огромные, похожие на столбы ноги тролля, оплели лозы.

Тролль попытался высвободиться! Но его стягивали так, что он едва мог пошевелиться. Я пробежала к тому месту, где в дорожной пыли лежал муж. Он был бледен, по виску струилась кровь, а я дрожащими руками прикоснулась к его щеке. Мои руки сползли на его грудь. Даже услышав дыхание, я чувствовала, что пальцы не перестают дрожать.

Тролль ревел и никак не мог уgomониться.

Я встала и посмотрела на него, чувствуя, как воинственно дергается мой хвост.

— Кто тебе позволил... — начала я, не узнавая своего голоса. Казалось, это был не мой голос, а чужой. — Ты мог просто прийти и забрать свою корову! А не крушить весь дом!

— Я, приказываю тебе, — продолжила я, чувствуя, как волосы поднимаются, а лес начинает волноваться и шелестеть. — Покинуть этот лес! Это — мои леса!

Ой, что я говорю!

Тролль замер и притих. Мой хвост рисовал воинственные восьмерки.

— Убей его! — послышался голос за спиной.

— Ты, — повернулась я, видя Горного Короля, стоящего среди деревьев. Так вот кто выпустил магию в мужа!

— Слушай мой приказ! — послышался голос Горного Короля. Беловолосый красавец величественно сделал шаг вперед. В лунном свете сверкали и переливались драгоценности, которыми был усеян его костюм и плащ. Тонкая рука с бледные пальцами пустила зеленую вспышку в тролля.

Троль заревел, напрягся и с легкостью разорвал путы. Деревья с хрустом повалились на дорогу. Обрывки лоз тянулись за троллем.

— Нет! — бросилась я к мужу, прикрывая его собой. Огромный каменный монстр поднял с пыльной дороги целое дерево и замахнулся им на нас.

— Нет, — прошептала я, пальцами перебирая рубашку мужа, который лежал в беспмятстве. Я жмурилась, прикрывая его своим телом.

— Эрррр! — послышался недоуменный голос тролля.

— Офелия! Встань и отойди! Твое место рядом со мной! — послышался величественный и повелительный голос. — Мы должны убить Великого Инквизитора. Он причинил много бед народам фэйри! Другой такой возможности не представится! Так что встань, Офелия! И подойди ко мне! Твое место с твоим народом!

— Я не позволю его тронуть! — произнесла я, сплевывая волосы с лица. С того момента, как они поднялись за спиной, волосы непослушными локонами спадали на плечи.

— Позволишь, Офелия. Позволишь! — произнес Горный Король, на которого я смотрела исподлобья. — Инквизиция убила твоего отца, разрушила твой дворец, похитила тебя...

— Нет! — помотала я головой, пока троль занес над нами дерево. — Нет! Это — мой муж!

— Тогда тем более! — Горный Король перешел на крик.

— Я сказала: «Нет!», — прокашлялась я. Дорожная пыль, поднятая тяжелыми шагами тролля, набилась в рот и скрипела на зубах. Даже волосы мужа казались седыми от пыли.

— «Нет», это тоже самое, что другое слово из трех букв, куда мне не терпится вас послать! — вспомнила я слова дяди.

— Офелия! — дернули меня с мужа, пытаюсь поставить на ноги. — Что с тобой сделать проклятые люди! Я не узнаю мою принцессу! С каких пор люди стали тебе дороже, чем свой народ!

— Люди любили меня! — крикнула я. — Люди относились ко мне лучше, чем ты!

— Ты еще не знаешь, как бы я к тебе относился! — закричал на меня Горный Король. Его зеленые глаза полыхнули яростью. — Ты два раза отказала мне! Один раз сбежала со свадьбы! И я все равно здесь! Я перед тобой! Я простил тебе любовь к человеческому мальчику! Я все простил!!!

— К какому? — спросила я, как вдруг опомнилась. Мне просто заговаривают зубы.

— Неважно! — произнес Горный Король, хватая меня за рукав. Его белые волосы напоминали ядовитых змей. Мне показалось, что каждая прядь — змея, которая готова укусить меня. — Ты пойдешь со мной! И станешь моей женой! Я готов простить тебе инквизитора!

— А я не готова простить тебе инквизитора! — крикнула я, вырываясь и отпрыгивая в сторону мужа.

— Интересно, он уже в курсе, что ты фэйри? — внезапно усмехнулся Горный Король, а ярость в глазах погасла. На его красивых губах появилась испытывающая улыбка. Он откинул голову, а змеи — пряди поползи по роскошному одеянию.

— Он уже видел хвост? — слышался еще один вопрос, от которого я застыла, пойманная врасплох. — Интересно будет, когда он его увидит, не так ли?

— Ты сказал, что люди разрушили дворец, убили отца и похитили меня... — произнесла я, чувствуя, как из меня льется ярость. — А где в этот момент был ты? О, великий Горный Король? Почему, если я так тебе дорога, ты не защитил меня? Не спас? Почему не спас тогда, когда за мной гналась деревня?

Горный Король дернулся от этих слов, словно от пощечины.

— Где был ты, тот, кто назвал себя моим женихом? — спросила я. — Если тебя не было рядом, то это говорит о тебе плохо. А если ты был, но не вмешался, то еще хуже! Так что не прикасайся ко мне! Не смей!

Мы стояли слишком близко к телу, поэтому тролль в нерешительности замер!

— Значит. Ты так решила, да? — произнес Горный Король, резко отворачиваясь от меня. Его волосы, поднял ночной ветер. — Тогда убей их обоих!

Через пару мгновений Горный Король оказался среди деревьев. Его зеленые глаза горели в темноте, словно два драгоценных камня.

— Ы–ы–ы? — спросил тролль, почесавшись. Он все еще держал в руках дубину. На дороге валялись листья и ветки.

— Да, убей! — произнес Горный Король.

Я сжалась в комочек на теле мужа, слыша, как упрямо бьется его сердце. Мои глаза испуганно зажмурились. Это конец!

— УБЕЙ!!! — крикнул Горный Король, когда я осмелилась приоткрыть их. Тролль что–то рычал, а потом опустил дубину ...

... на дорогу.

— Ты посмел ослушаться моего приказа? — слышался голос Горного Короля. Глаза в темноте сверкнули. — Значит, ты предал меня. Я запрещаю тебе возвращаться в горы! А здесь, на равнине солнце убьет тебя раньше, чем ты успеешь найти укрытие!

С этими словами он исчез, словно его и не бывало. Ни одна веточка, ни одна травинка, ни один кустик не шелохнулся. Тролль что–то прорычал и посмотрел на небо. Огромный, страшный, он стоял посреди дороги, а я почувствовала острую жалость к нему.

— Не бойся, — прошептала я, бросаясь вслед за троллем, который отвернулся и собирался идти прочь. Тролль резко обернулся, а я погладила холодную кожу, похожую на камень. Грубая, бугристая, она с виду каменной, а на самом деле была просто очень толстой. На том месте, где у тролля был хвост, красовалась рана.

— Мы тебя спрячем от солнца, — произнесла я, но тролль, видимо, не расслышал. Он протянул мне огромную руку, на которой не хватало двух пальцев, и поднял меня.

— Мы сейчас спрячем тебя, — повторила я громко. Казалось, что у тролля борода, но это было что–то похожее на мох. — В доме есть бальная зала. Мы ею не пользуемся! А ты можешь передневать там! Надеюсь, ты ее не сильно разрушил!

Тролль склонил голову на бок.

— У нас твоя корова, — улыбнулась я. — Мы за ней хорошо ухаживали...

— У? — спросил тролль.

— Да, она у нас, в доме! Мы ее не обижали! Так что не все так плохо! — погладила я его по щеке. Он стал спускать меня вниз, а я

соскочила на землю, бросаясь к мужу. Ну и крепко же ему досталось. Нужно отнести его в дом!

Я попыталась поднять его, но муж был слишком тяжелый. Меч выпал из его руки, пока я собиралась с силами.

— Эррр, — послышалось над нами, а я почувствовала, как меня подняли на руку, а сами занесли кулак над Инкрисом.

— Нет! — закричала я. — Это... Он мне ... как корова! Да!

— Эррр? — спросил тролль.

— Да, я его дою! — кивнула я, показывая на пальцах, как в сказке доили корову.

— Оррр, — задумался тролль. Он бросил взгляд на мужа, а потом на меня.

— Он мой ... му! — показала я рога на голове. Тролль прокряхтел и поднял его с земли.

Если бы Инкрису сказали, что его будет нести обратно горный тролль, то он бы не поверил. Я сидела на ладони тролля, придерживая голову мужа у себя на коленях. Мы возвращались обратно в поместье.

— Где я... — послышался стон, а я в ужасе посмотрела на мужа, а потом изо всех сил ударила его по голове. Он снова обмяк, а я мысленно попросила прощения. Поместье, казалось, подпрыгивало от каждого нашего шага.

Нас сгрузили в одну из комнат сквозь дыру в стене. Кое-как мне удалось дотащить мужа до кровати. В дыру в стене подглядывал тролль.

— Можно вопрос, — послышался голос Вольпентингера. Он зашел в открытую дверь. — Он уже прощается? Да? Точно?

— Нет, троллю больше некуда пойти, — ответила я, затащив мужа на кровать. Осторожно присев рядом, я провела рукой по его ране на лбу.

— Му-у-у-у! — послышался голос, а в двери вошла корова. За ней тянулся какой-то мрачный гобелен, на который она периодически наступала копытом.

Огромная лапа тролля взяла корову вместе с гобеленом, а я увидела, как он держит ее на ладони, словно котенка и трется об нее лицом.

— Какая красивая пара, — мрачно заметил Вольпен, пока призрак несла тряпки и воду. Я оттирала кровь с лица мужа, старательно

выжимая тряпку в воду. Бросив взгляд на тролля, я вдруг увидела, что небо стало слегка розовым.

— Рассвет! — дернулась я, небрежно бросив тряпку в воду. — Почему ты мне не сказал!

— Я надеялся, что он ... — сознался Вольпен, за что удостоился гневного взгляда. — Амелия! Троль — не хомячок!!! Его за пазуху не спрячешь!

Глава двадцать вторая

— Но и оставлять его так нельзя! — возразила я, глядя на счастливую корову с огромной лапище. — Так, ты следи, чтобы муж не проснулся, а я пока подумаю, куда у нас поместится тролль!

— Под кровать, — мрачно заметил Вольпен, пока я прикидывала рост тролля.

Выбежав на улицу, я увидела полоску рассвета, словно кто-то небрежно мазнул кистью по небу.

— Эй! Не бойся! — крикнула я, видя, как тролль смотрит на росчерк рассвета и не знает, куда деться. — Мы сейчас что-нибудь придумаем!

Призрак влетела мне навстречу, пока я пыталась открыть огромные двери, в которые я ни разу не заглядывала.

— Это бальная зала мачехи, — встревоженно произнесла призрак. — Мачеха запрещала мне в нее входить. Когда отец уезжал, она приглашала гостей и танцевала до утра!

— А ты можешь открыть двери? — спросила я, понимая, что двери заперты изнутри.

— Попробую! — произнесла призрак, проходя сквозь дверь. Дверь со скрежетом открылась, а я увидела огромное помещение, начищенные полы, напоминающие озеро, подсвечники с позолотой и много всяких вензелей.

— Не знаю, поместится он или нет, — нервничала я, поглядывая на всю былую роскошь. — А у нас есть амбары?

— Что? — спросила призрак.

— Такие деревянные дома для сена или животных? — спросила я, видя, как откуда-то вынырнули феи. Значит, вот где они прятались все это время.

— Нет, мачеха сказала, что это деревня. И приказала все снести, — вздохнула призрак.

— Так, — потребовала я, глядя на фей. Те тут же облюбовали подсвечники, похожие на цветы. — Можете сделать так, чтобы тролль попал сюда?

— Ты хочешь, чтобы мы выполнили еще одно желание? — замялись феи. — Но так нельзя! Три желания и все!

— Я не хочу, чтобы вы выполнили мой приказ, — произнесла я, чувствуя, как внутри что-то дернулось. — Я, принцесса Офелия, приказываю вам сделать огромные двери с заднего двора, чтобы в них мог войти тролль... и корова!

Феи переглянулись. Одна из них подлетела ко мне, вглядываясь в мое лицо.

— Значит, я была права! Принцесса вернулась! Мы оповестим всех, что наша принцесса вернулась! — закричала она, а другие тут же принялись обниматься и танцевать прямо в воздухе. С красивых крылышек сыпалась волшебная пыльца, тут же растворяясь и тая.

— Да, и мне нужны двери! — потребовала я, прикидывая, где из лучше сделать. — Вон там! Чтобы не видно было!

— Приказ принцессы для нас закон! — переглянулись феи. А я вышла из роскошной залы, направляясь к троллю.

— Пойдем, — позвала я, видя, как тролль трет о свою морду довольную корову. — Не бойся!

Тролль что-то проурчал, а потом с топотом направился за мной.

— Гляди! — усмехнулась я, видя ворота высотой в два этажа. Только сейчас я поняла, что троллю придется пригнуться, чтобы войти. — Теперь здесь твоя пещера!

Тролль посмотрел внутрь, а я увидела, что свет проникает из окон прямо на блестящий пол.

— погоди! — бросилась я внутрь, задерживая шторы. — смотри, чтобы корова их не съела! Хотя нет, корова у нас будет жить отдельно!

Тролль не хотела расставаться со своей коровой, поэтому я приказала феям замуровать все окна.

— ручки болят, ножки болят, — жаловались они друг другу. — Уже колдовать сил нет!

— На сегодня это все, — произнесла я, видя, как тролль пригибается и карабкается внутрь. Дом заходил ходуном, послышался такой грохот, словно сейчас все рухнет. Я отбежала подальше, видя, как тролль почти влез внутрь.

— Тебе не кажется, что у тебя поехала крыша? — спросил Вольпен, выбегая из дома.

— Нет, я считаю, что мы делаем все правильно! Горный Король изгнал его за то, что тролль отказался убить нас! — отрезала я.

— Я не про эту крышу. Я вон про ту, — ткнул рогом Вольпен. И правда, крыша ходила ходуном.

— Ты почему не с мужем? — спросила я, вспомнив, что оставила инквизитора в спальне наверху.

— Я как бы не женат, — парировал Вольпен. — Плохая идея! Очень плохая!

— Ты почему оставил раненого? — спросила я, подбирая пыльную юбку и бегом несясь на второй этаж.

— Он просто с кровати упал, — вздохнул Вольпен.

Я добежала до комнаты, видя, что муж пытается пошевелиться.

— Я здесь, — крикнула я, подбегая к нему и помогая лечь на кровать. — Все хорошо...

Муж смотрел на меня, с трудом понимая, что происходит.

— Лежи, лежи, не вставай, — ласково проворковала я, чувствуя, как кровать под нами ходит ходуном. Инквизитор не понимал, в чем дело, а я пыталась удержать его на месте.

— Что происходит, — произнес хрипловатый голос. Кровь на виске запеклась, а муж соображал очень плохо.

Я никогда не ухаживала за ранеными. Поэтому постаралась вспомнить, как это делается. Я вспомнила, как тетя влетела в комнату, требуя все бинты, которые у нас есть. Я тогда страшно перепугалась. Но бледная и трясущаяся тетя сгребла все в охапку и вылетела из комнаты, ничего не объясняя кроме: «Твой дядя ранен!».

Я бросилась за ней, стуча босыми ногами и перепуганным сердцем. Когда я влетела в комнату, то увидела дядю, который орал, чтобы его оставили в покое. И бинт, который разматывался за тетей от самого входа.

— Я просто порезал палец! — орал дядя, пока тетя охотилась за ним по всей комнате с бинтом и лекарством.

— Прекрати, я тебя прошу! — орал дядя, спасая палец с выступившей капелькой крови. — Я просто случайно порезал палец! Это не смертельно!

— О, мой герой! Ты убил эту проклятую муху! И был ранен! — всхлипывала тетя, пока дядя спасался бегством и за креслом.

Потом я вспомнила, как тетя прижимала дядю собой к кровати, чтобы влить ему в рот сироп от кашля. Дядя кряхтел, отплевывался и шевелил руками и ногами, словно пытался уплыть, но тетя была проворнее и пыталась перекрыть ему нос.

«Моя девочка, мужчины они не любят лечиться!», — в сердцах восклицала тетя. — «Поэтому их нужно ловить и лечить! В этом и заключается великая миссия женщины!».

«А как узнать, что мужчина болеет?», — спросила я, забираясь с ногами на кресло, пока тетя перебирала лекарства из ящика.

«О, тут все просто. Если мужчина становится молчаливым, фыркает на тебя и грубит, то либо у него что-то болит, либо у него появилась любовница! Одно из двух! », — вздыхала тетя. — «Понимаешь, мужчины, они как животные. У них тоже глаза умные, а сказать не могут. Ты должна сама угадать, что у него болит и чего он орет! И здесь нам понадобится женская интуиция! Берешь первое попавшееся лекарство и начинаешь его вливать в мужчину. И тогда он начинает орать, что у него совсем другое болит! Вот так и выясняем!».

— О мой герой! Ты победил этого проклятого тролля! И был ранен! — ахнула я в точности, как тетя.

— Победил? — спросил муж недоверчиво. — Я этого не помню...

Я вспомнила, как однажды тетя попросила убить муху, а дядя уронил шкаф и потерял сознание. Тетя подобрала юбки, зверски забила муху утренней газетой, подняла шкаф и дядю.

«О, мой герой!», — ворковала она, когда дядя пришел в себя. — «Ты победил ее!».

И еще два часа расписывала, как героический дядя скакал по комнате, как прекрасный принц. И героически сражался с превосходящими силами противника.

Я так понимаю, что лучше соврать.

— Да, победил, — улыбнулась я, видя, как Инкрис морщится, пытаюсь что-то вспомнить. — Ты сел на коня, поскакал ... в лес, а потом наступил рассвет и... тролль окаменел. Тогда ты его решил разрушить, но камень упал тебе на голову.

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво спросил Инкрис, а глаза его сверкнули. — Я сказал тебе, где тебе находится. Почему ты покинула убежище?

— Я... я просто перепугалась и выбежала, — повторила я слова тети. — А потом спряталась за шкафом... ой, за деревом, и все видела. Мне было очень страшно!

Послышался грохот, словно уронили огромный шкаф.

— Это что за звук? — спросил муж, пытаясь встать, но я легла ему на грудь, как это делала тетя.

— Какой звук? — спросила я. — Я ничего не слышала! О, тебе еще рано умирать...

— И дом ходуном ходит... — выдохнул Инкрис так, словно слова давались ему невероятно тяжело.

— Такое бывает, когда камень в голову прилетает, — ответила я, понимая, что подпрыгивает даже кровать. Видимо, тролль никак не мог улечься и ворочался. — О, нет, нет! Не вставай! Тебе еще рано вставать!

— Так вы уже определитесь, мне рано вставать или рано умирать? — мрачно усмехнулся муж, прямо как дядя!

— Я схожу и принесу ... эм... грелку и градусник, — соврала я, чувствуя, как шатает кровать. Ножки ее подпрыгивали на полу, а я понимала, что тролль никак не может обустроиться.

— Зачем? — спросил муж, морщась от боли. — Вы померяете температуру, чтобы потом если что догреть до нужной?

Внезапно меня дернули к себе властным, положив мою голову себе на грудь. Это было так неожиданно и волнительно. Я лежала крайне неудобно, боясь лишний раз шелохнуться. Ветерок его дыхания в моих волосах заставлял внутри что-то переворачиваться.

Немного погодя, я услышала мерное дыхание и почувствовала, что рука слегка ослабила хватку. Муж уснул.

— Хрррррр! — донеслось раскатистое на весь дом. Я вскочила и бросилась бежать вниз.

Открыв двери зала, я увидела огромную глыбу, которая свернулась и захрапела прямо на зеркальном паркете.

— Потихе, — прошептала я, прерывая храп.

Троль спросонья проурчал, а потом перевернулся на другой бок и притих.

Я поднялась обратно в комнату, как вдруг увидела мужа. Тот лежал с квадратными глазами.

— Это что такое сейчас было? — спросил он, подозрительно. — Словно храпело чудовище.

— О, простите... Я просто уснула внизу на диванчике, — пожалала я плечами, а глаза мужа стали больше. — И не заметила...

А потом зевнула для убедительности и вышла из комнаты, заперев ее на торчащий из нее ключ.

— Хра-а-а-а, — храпел тролль, пока я спускалась по лестнице.

— Ты куда? — спросил Вольпен, пытаюсь успеть за мной.

— Я... я... хочу побыть одна, — прошептала я. — Мне нужно подумать... А ты пока караул инквизитора! Кстати, как там гномы?

— Гномы поживают отлично! Слышишь, стучат чем-то, — вздохнул Вольпен. — Вот не могу понять, зубами или каелками! Ты там не задерживайся!

— Хорошо, — ответила я, выходя за дверь. На улице был ясный день, солнце плыло на подушке из облаков.

Старинные деревья, словно скрюченные великаны, склонялись перед каждым идущим вглубь сада. На деревьях висели маленькие осколки зеркал и светящиеся камни. Иногда попадались разноцветные перышки. Все вокруг было до того красиво и волшебно, что напомнило мне какой-то полузабытый сон.

От каждого дуновения ветерка зеркальца вертелись, перышки крутились, а драгоценные камушки мелодично звенели.

— Как очнется, — решительно произнесла я, глядя на свои руки. — Я с ним поговорю! Так не может продолжаться вечно! Я так и скажу ему... Ой, а что я ему скажу?

Я прошлась по садовой дорожке и остановилась.

— Я скажу ему, что ... люблю другого! — вздохнула я. — И мы... мы никак не можем быть вместе... А с королем я сама поговорю!

Сердце все еще выпрыгивало из груди, при мысли о том, как меня обнимали. Внутри все переворачивалось, а по телу разливалась такая теплота, что хотелось закрыть глаза и мечтать.

— Он ищет принцессу Офелию, чтобы убить ее. А сам не знает, что женился на ней, — вздохнула я, глядя на свои руки. — И вот удивительно, я ведь не могла сделать ему зло!

Я нахмурила бровь, а потом посмотрела на руины дома.

— Или могла? — спросила я, вжав голову в плечи. — Если я принцесса Офелия, то почему я ничего не помню?

— Офелия, — послышался голос Горного Короля, а мои глаза расширились. Сначала мне показалось, что прошуршали перышки. Но потом я поняла, что это действительно его голос.

— Опять ты? — прошипела я, оборачиваясь на негромкий голос. От старинного дерева отделился силуэт, заставивший меня сделать шаг назад...

— Не подходи ко мне! — предупредила я. — Или... или я убегу...

— Офелия, — протянул он руку, как вдруг я оказалась в его объятиях. — Прости меня... Прости за то, что пытался убить тебя...

Этот шепот мурашками прошел по моему телу. Тонкая рука взяла меня за голову и силой положила ее себе на плечо.

— Я не хотел... — произнес тихий шепот. Мне показалось, или рука дрогнула.

— Ну... — растерялась я, не зная, что в таких случаях делают. — Я... я как бы обижена... Но ... Ты прощен! И больше так не делай! А теперь дай мне побыть одной!

— Офелия, — шелестел ветерок дыхания в моих волосах. — Я помню, когда впервые увидел тебя на балу во дворце твоего отца... На тебе было белоснежное платье... Рыжие волосы и белоснежное платье... Как солнце на заснеженной шапке гор... В тот же день я попросил у твоего отца твоей руки...

— Я это этого не помню, — вздохнула я. — А теперь можешь уйти. Я тебя простила... Как говорит тетя, я зла на тебя не держу, поэтому уроню на ногу!

— Не надо так со мной, Офелия, — прошелестел голос, а пальцы перебирали мои волосы. — Зачем ты так со мной...

— Я ничего не помню, — отмахнулась я, пытаюсь высвободиться. — Извини... Я не помню ни бала, ни дворца, ни отца... И тебя не помню... Я выросла среди людей!

Горный Король стоял под деревом, а оно бросало на него тень.

— Когда-то твой отец применил заклинание, — произнес Горный Король, а его красивое лицо стало задумчивым. — Одни очень древние чары... И именно оно стало роковым. Это заклинание требует невероятной магии, чтобы повернуть время вспять...

— Время вспять? — спросила я, смутно представляя, что это такое.

— Да, время вспять, — произнес Горный Король, беря мое лицо в свои руки. Его руки казались холодными, словно камень. — Он сделал это ради тебя. Чтобы ты забыла ужасы, которые с тобой творили люди... И начала жизнь сначала... Наша свадьба не состоялась, но я сказал, что умею ждать... А потом пришли люди. Твой отец и так был ослаблен чарами, поэтому столица пала... Но я ждал тебя...

Повисла тишина, а потом ветерок снова зашелестел стекляшками.

— Прости меня, Офелия, за то, что меня не было рядом, когда ты была одна... Прости за то, что я не смог тебя спасти... — шептал полный раскаяния голос, а руки гладили мою спину.

В этот момент мне стало его так жаль, что захотелось его просто обнять, как вдруг стеклышко передо мной повернулось, а я застыла, видя кусочек нашего отражения в другом стеклышке. Буквально несколько мгновений я видела свои рыжие волосы, бледную руку, которая рисует какой-то странный символ на моей спине, горящие зеленую глаза и хищную улыбку Горного Короля.

Глава двадцать третья

Я отпрянула, чувствуя, как жалость моментально испаряется!

— Что вы там делаете?! — возмутилась я, пытаюсь залезть рукой за спину. Пальцы Горного Короля еще горели, а я отошла на несколько шагов.

— Чуть-чуть не успел, — горделиво заметил Горный Король. — Хотел привязать тебя к себе, но видишь, не вышло...

— Можете привязать к себе камень и сходите искупайтесь! — возмутилась я, пытаюсь рукой дотронуться до спины. — И не надо меня преследовать! Хвост у меня уже есть, второй не нужен! Все, убирайтесь прочь отсюда!

— Ладно, — рассмеялся Горный Король, как вдруг в его руках что-то появилось прямо из воздуха. — Я слышал, что ты искала одну вещицу...

Между его тонких пальцев серебристой змейкой струилась цепочка. Он щелкнул, а потом уронил медальон вниз. Но тот не упал, а повис на цепочке, болтаясь, словно маятник.

— Одна девочка потеряла его в лесу, — произнес Горный Король, подбрасывая медальон и снова пряча его в ладони. — Когда была совсем маленькой. И на нем написано имя...

— Отдай, — произнесла я. — Это не твоя вещь!

— Я знаю, — заметил Горный Король с улыбкой. — Я согласен отдать ее тебе в обмен на то, что ты придешь сегодня ночью на опушку леса... И мы продолжил разговор. Знаешь ли, мне непросто находиться на солнце... Мы, горный народ, предпочитаем блеск сокровищ, ярким солнечным лучам. Я буду ждать тебя... Сегодня. В полночь.

— Зачем ты так поступаешь!!! — в сердцах выкрикнула я.

Внезапно взгляд Горного Короля смягчился.

— Знаешь, Офелия. Твой отец, поступил бы так же, узнав о том, что ты якшаешься с людьми... — заметил он, усмехнувшись. — Я пытаюсь спасти тебя. Спасти принцессу, которая предала свой народ ради какого-то человека... Я пытаюсь спасти тебя хотя бы в глазах твоего народа, который так нуждается в тебе!

— Ты просто ненавидишь людей, — произнесла я, сощуриив глаза.

— Да. И буду ненавидеть их всегда, — ледяным голосом произнес Горный Король. — Сколько бы времени не прошло, я буду ненавидеть их. Потому что каждый раз, когда кого-то из моих подданных пытаются в застенках инквизиции, я слышу их крики. И чувствую их боль.

Он отвернулся, а я увидела, что на этот раз он говорил правду.

— Запомни, еще ни одна фэйри не была счастлива с человеком. Ни одна, — коротко произнес он, растворяясь во мгле. — Ты думаешь, фэйри подлые? О, нет, куда нам до людей!

Я осмотрелась, слыша мелодичный звон камушков и зеркал, а потом бросилась домой.

— Эй, — прошептала я, открывая дверь к троллю. — Проснись! Не храпи пока...

— Эррр, — послышался сонный голос. Тролль перевернулся на живот и вытянул ноги. Он негромко засопел, а я закрыла двери.

Быстро взбежав на второй этаж, я достала ключик и открыла дверь в спальню.

— Мадам, почему на балу на вас не было таблички, что вы храпите, как горный тролль? — с мрачной усмешкой спросил муж, осторожно вставая с кровати. Вид у него был бледный и слегка нездоровый.

— Неужели? Я храплю? — спросила я удивленно. — Ну, дядя и тетя говорили, а я не верила... Ну что ж, буду знать!

— Судя по звуку, вы всосали люстру, — заметил он, вставая и покачиваясь.

— Ну, окна не треснули, и хорошо, — пожала я плечами.

— Я так понимаю, потом вы замерли и стали стучать зубами от холода, — с мрачной улыбкой заметил муж.

Неужели он не догадывается?

— Мадам, мне пора обратно в столицу, — послышался голос мужа. — На доклад к королю. Я обязан сообщить про нападение тролля.

— Да, да, конечно, — вздохнула я, видя, как он слегка покачивается. — Можете взять мою лошадь...

— А что? Мои кончились? — удивленно спросил муж, выглядывая в окно.

— Вы могли бы посмотреть в дыру в стене, — заметила я, видя рядом с треснувшим окном разбитые кирпичи и дырку в мою рост.

— Я стараюсь быть вежливым, — с улыбкой заметил Инкрис.

— Только не говорите, что вы еще дверь закроете, — улыбнулась я, спускаясь вслед за ним. Рядом с дверью зияла еще одна огромная дыра размером с дверь.

Лошадей не было. Карета валялась перевернутой возле ворот.

— Погодите! — дернулась я, видя, как муж собирается идти по дороге. — Вы что? Пешком пойдете? Вы же... Вы...

Он обернулся, глядя на меня, а я почему-то смутилась.

— Вы же на ногах еле стоите, — запнулась я, видя как муж подходит ко мне так близко, словно вот — вот обнимет. Его рука скользнула по моей талии, заставив выгнуться навстречу.

— Вы хотите, чтобы я остался? — странным голосом произнес инквизитор, глядя на меня очень внимательно.

Мне очень хотелось, чтобы он остался. Прямо всем сердцем хотелось, но где-то в зале сидит горный тролль и...

— Нет, — выдавила, чувствуя, как мою талию отпускают. Рука мужа безвольно опустилась и больше ко мне не прикасалась.

— Но у меня есть лошадь! — произнесла я. — Если, конечно, она не убежала!

Я схватила его за руку и повела в сторону конюшни. Там одиноко стояла лошадь. При виде нас она дернула глазом и повела ухом.

— Вот, — предложила я, глядя на инквизитора.

По сравнению с теми красивыми холеными жеребцами, которые были впряжены в карету, эта лошадка выглядела уныло. Серая, в яблоках, грязненькая и подозрительная, она отшатнулась от протянутой руки.

— Ну, иди сюда, — усмехнулся муж, пытаясь вытащить лошадь из стойка. Следом за лошадью телепалась старенькая разбитая повозка с неровными деревянными колесами.

— Мне сказали, что ее нельзя распрягать, — созналась я, видя, как лошадка упирается и пятится. — Я купила ее в деревне, на те деньги, что вы мне выслали...

Телега осталась на месте, а муж ловко заскочил на нее, без седла.

— Пошла, — покачнулся он, а лошадь подняла на него грустные глаза и принялась щипать остатки пожелтевшей травы. — Но!

Лошадь сделала ленивый шаг, затем второй, затем третий. Медленно перебирая копытами, лошадь плелась к воротам. Она никуда

не спешила.

— У меня просто дух захватывает от этой невероятной скорости, — мрачно заметил муж, ударяя рукой по лошадиному крупу. — Но хотелось бы доехать до столицы еще молодым. Я, конечно, не настаиваю...

«А будете возмущаться, вообще никуда не пойду!», — тоскливо посмотрела лошадь. И передумала.

— Туда!!! — указал рукой муж в сторону ворот. Он склонился к лошади, а та выразительно вздохнула. — Нам туда! Нет, не туда! Туда!

Лошадь крутилась на месте и вздыхала.

— Ну я же ехала на повозке! — развела руками я, глядя на всадника. — Может, она привыкла к повозке?

Лошадь направилась обратно в стойло.

— Так, дикий и необузданный жеребец, куда поворачиваем? — послышался голос мужа, а лошадка уверенно шла в сторону стойла.

— Давайте попробуем тележку, — предложила я. Муж ловко спешился, беря старую телегу и цепляя ее обратно. Он присел на потертое сидение с замусоленной шкурой, а лошадка пошла резвее.

Телега скрипела так, что я хихикнула.

— Напоминаю, нам туда, — не выдержал муж, дергая лошадь.

Я подставила руку, поймав несколько холодных капелек дождя за шиворот.

— Вам понадобится плащ, — заметила я, вспоминая, что видела его среди хлама. — Сейчас принесу!

Через пару минут я выбежала на улицу с темным плащом в руках.

— Вот, — протянула я, как вдруг смутилась от прикосновения его руки. Мне показалось, что это случилось нарочно, поэтому я отдернула руку. Я уже решила, что вместе нам не быть! — Возьмите... Накройтесь, чтобы было не ... мокро... А то дождь собирается... Повозка покатила за ворота, треща и скрипя на ходу.

Я вздохнула проводив взглядом повозку и возвращаясь в дом.

— Ну чего ты раскисла? — послышался голос Вольпена, когда я сидела на диванчике с ногами. — Дом починим... Сейчас гномы построят себе подземный город, и все починят.

— Да не в этом дело, — отмахнулась я, стаскивая покрывало и укутываясь в него.

— Тогда в чем? — спросил Вольпен, почесав рога о столик.

— Сегодня я встретила в саду Горного Короля, — созналась я. — Он нашел ее медальон... Он говорит, что отдаст, если я приду к опушке леса в полночь... Но я ему не верю! Он пытался меня околдовать! Он рисовал у меня на спине какой-то знак...

— Это что? Он с ума сошел? — возмутился Вольпен. — Это же знак подчинения! Он тебя хотел лишить свободы воли! Это что-то похожее на знак инквизиции, который у меня! Это ловушка!

— Вот и про то же, — вздохнула я, кутаясь в плед. — Но я должна. Иначе мы не сможем снять проклятие. А я обещала...

Внезапно в дверь послышался стук. Вольпен подпрыгнул на месте и дернул под диван.

— Кто там? — спросила я, подходя к двери.

— Посмотрите в глазок, — с мрачной усмешкой заметил муж, выглядывая в дыру.

— Но вы могли бы не стучаться, а пройти, — стушевалась я. Не хватало, чтобы тролль всхрапнул! — В глазок...

— Лошадь три раза завозила меня в деревню. Деревня уже два раза обещала переехать, — заметил муж, а я увидела в него за плечом мирно жующую кустик лошадку. Она дернула хвостом и с увлечением принялась истреблять куст дальше.

В черном плаще, испещрёнными росчерками дождя, муж напоминал Смерть. А его бледность после падения, только подчеркивала это сходство.

— Одну минутку, — произнесла я, вспоминая, что мне сказали в деревне, когда продали лошадь.

Я бросилась на кухню и достала морковку, которую купила в деревне.

— О, ножка стула! — обрадовалась я, беря некогда изысканную тонкую ножку стола и привязывая на нее пояс от фартука, а к его концу морковку.

Я вышла и вручила это мужу. Его брови полезли наверх, когда я объяснила, что нужно делать.

— Погодите, вы хотите, чтобы я сел и держал вот это вот в руке, чтобы морковка маячила у нее перед глазами? — спросил муж.

— Но вам же срочно нужно в столицу! — пожала я плечами, украдкой бросая взгляд на мужа.

Он сидел на сидении, держа впереди морковку на удочке.

Лошадка оживилась и тут же потянула телегу. Колеса покатались по грязи.

— Не ругайте ее! Она пахать умеет! — вступилась я за лошадку.

— Отлично, беру ее на работу, — усмехнулся муж, пока повозка уже второй раз отъезжала от дома.

Черный силуэт с удочкой и морковкой на старенькой телеге двигался по дороге. Я еще с тревогой проверила, не свернула ли лошадка в деревню, а лишь потом зашла в дом.

— Не вздумай никуда ходить! — обрушились на меня с порога. Вольпен сидел на ручке кресла, рядом парила призрак, а маленькие гномы наперебой пытались мне сказать, что с Горным Королем шутки плохи.

— Не иначе, как гадость какую-то затеял! — убеждал меня Вольпен. — От него всего, чего угодно ожидать можно! Гномы свидетели!

Гномы наперебой стали рассказывать мне, что золото и самоцветы они отдают Горному Королю, а себе оставляют лишь малость.

— Как видишь, этот ...

— Му-у-у! — подала голос корова, разгуливая по дому.

— Да, на чем я остановился? А! — прокашлялся Вольпен. — На том, что мы изначально были против вашего брака! Как только узнали, что Король Ольх собирается отдать принцессу замуж за этого....

— Му-у-у-у! — снова протянула корова.

— Да, — внезапно выдал рокошующим басом тролль.

— К... к... как? Ума не приложу, как он вообще мог такое придумать, объединить два народа? — возмущался Вольпен

Корова с тоской подходила к окнам и искала занавески, но занавесок не было.

— Дверь нужно открыть! А то тролля не позвали! — потребовал Вольпен, и феи распахнули двери. Прямо в дверном проеме, который некогда принимал толпы разодетых гостей, появился огромный глаз.

— Забудь об этом, принцесса, — летали перед глазами феи. — Знаешь, почему часть лесного народа не присягнула Горному Королю, потому что слава о его жестокости дошла и до лесов! Он редкостный...

— Му-у-у! — подтвердила корова.

— Да... — подтвердил тролль басом.

— Чье бы мнение не спросила, тебе все ответят одно и то же. Не связывайся с ним! — авторитетно кивнул Вольпен.

— А почему король хотел выдать дочку замуж именно за него? — спросила я.

— Потому, что король Ольх был стар. И силы его таяли. А тут еще люди лезут со всех сторон. Инквизицию организовали! Вот он и решил заключить союз с Горным Королем, чтобы разбить людей и окончательно показать, кто здесь хозяин! — вздохнул Вольпен.

— И вообще не понимаю, чего вы так всполошились, слышался голос призрака. — Никуда она не пойдет, ведь так?

— Но как же... — начала я, глядя на улыбающуюся девочку. — Ты ведь хотела...

— А я передумала! Помнишь, как при встрече ты сказала, что быть привидением здорово! Так вот, я подумала и, ты была права! Люди не умеют летать! Они не умеют делать вот так!

Она прошла сквозь стену и вынырнула обратно.

— А еще они не умеют делать вот так! — рассмеялась призрак, тряся остатки люстры. — И пугать!

— То есть, ты... — не поверила я, глядя на то, как призрак летает по залу, раскинув руки. — Ты не хочешь снова стать человеком?

— Нет, не хочу! — кричала она.

Тогда я ничего не понимаю. Я посмотрела на тролля, корову, гномов, фей и Вольпена.

— Ну, если вы так настаиваете, — осторожно начала я. — То я никуда не пойду...

— Правильно! — подтвердил Вольпен. — И не ходи! Сиди дома! Нечего с ним связываться! Ну, что, друзья! Убедили? Убедили! А теперь расходимся! А то много чести обсуждать этого...

— Му-у-у-у, — промычала корова, пытаясь съесть мой плед.

— Да, — вздохнул тролль.

— Как же хорошо, что ты никуда не пойдешь, — заметил Вольпен. — А если тебе хочется куда-то сходить, то иди спать! Там есть парочка уцелевших комнат. Сейчас разведем огонь, ты поешь и отдохнешь!

Меня спровадили в комнату, накормили ужином в виде бекона, хлеба и морковки. Феи разожгли камин и починили треснувшие окна. В комнате стало тепло, а я пригрелась под одеялом и уснула.

Проснулась я от того, что за окнами было темно. Храпа тролля слышно не было. Видимо, он ушел по делам. Зато прислушавшись, я услышала тихий плач...

Я прокралась на цыпочках по темному коридору, слыша, что плач доносится из комнаты с хламом.

— Я так рада, — слышался всхлип, — Что Амелия никуда не пойдет! Она будет в безопасности... Да... В безопасности... Я все правильно сделала... Мы поищем другой способ... Он ведь есть, наверняка есть... И Амелии не придется идти к этому противному Королю!

Моя рука так и застыла на ручке двери. «Выйдет замуж за короля...», — прозвенело в голове пророчество. Но ведь пророчество можно попытаться обмануть? Тем более, что я просто схожу и поговорю. Я скажу ему, что не люблю его, и замуж за него не выйду.

Я отошла от двери, понимая, как это опасно идти ночью в лес. Но ведь это же мой лес? Он мне подчиняется? Я вспомнила, как расступались деревья. И как однажды я сумела вырваться из лап Горного Короля!

Осторожно, чтобы никто не заметил, я спустилась по лестнице вниз, накинула на себя жеванный коровой плед и открыла дверь на улицу. Перед тем, как выйти, я взглянула на часы. Если они все показывают верно, то сейчас одна минута первого... Так что нужно поспешить.

Бесшумной тенью, я бросилась по дорожке в сторону ворот. Лес чернел, словно огромный, притаившийся во мраке зверь. Казалось, он таил в себе невыносимые опасности, вспыхивая то здесь, то там волшебными огнями.

На опушке летал огонек. Завидев меня, он стал кружить на месте, а потом устремился в чащу. Я опасливо осмотрелась, слыша какой-то странный звук.

Огонек снова вынырнул из темноты, стал кружиться и звать меня в чащу. Странный звук приближался, а я замерла в нерешительности, так и не ступив под сень таинственного леса.

Внезапно я услышала, как странный звук превращается в стук кареты. Она вылетела из-за поворота и накренилась так, словно собиралась завалиться на бок.

К ее крыше были примотаны веревками чемоданы, а я забыла, зачем собиралась идти в лес.

Карета подлетела к дому, дверь открылась, а оттуда выскочила тетя. Дядя слез с места кучера.

— Какой ужас! — прижала руки к щекам тетушка. — Амелия! Девочка моя!

— Амелия!!! — кричал дядя, а они метнулись к дому.

— Я здесь, — крикнула я, чувствуя, как сильно я по ним скучала. — Что случилось?

— Милая, — обняла меня тетушка так, что я разучилась дышать. — Ты не отвечала на письма!

— Так вы их и не присылали, — выдавила я, видя, как тетя отпускает меня из объятий и поправляет дорожный костюм.

— Как не присылали? — ужаснулась тетя, бросая взгляд на дядю. — Мы писали тебе каждый день! Утром и вечером!

— Но... — замялась я, видя, что дядя постоянно оглядывается на дорогу.

— Все, хватит нежностей и соплей, — строго произнес он. — Амелия! Быстро собирайся!

— А что случилось? — перепугалась я, видя, как дядя проверяет чемоданы наверху. — Вы можете мне объяснить!

— Сегодня, один из моих старых друзей сказал, что тебя арестуют по подозрению в том, что ты фэйри и отвезут в департамент, — произнес дядя, хмурясь и глядя на дом. — Я так понимаю, что в деле замешан твой муж...

— Не может быть, — осела я, но тетя меня подхватила. — Он не...

— Хватит разговоров. Нам нужно ехать! Быстро бери то, что тебе понадобится и уезжаем из страны! — буркнул дядя, прислушиваясь.

— Быстрее, милая, быстрее! — поторопила тетя. — Много не бери! Мы все взяли!

Я бросилась бежать в дом, как вдруг замерла. Если инквизиция придет сюда, то они увидят гномов, тролля, фей... Нужно их предупредить!

— Вольпен! — позвала я, видя, как он неловко шлепается на пол.

— Гляди, у меня получается! Печать почти стерлась. И все благодаря гномьим соплям, — похвастался кролик. — Я им

рассказываю грустные истории, а они платят мне взаимностью!

— Вольпен... — я посмотрела на кролика. — Скоро здесь будет инквизиция...

— Да она у нас живет, — махнул лапой Вольпен. — Напугала, тоже мне!

— Нет, они приедут за мной, — выдохнула я, чувствуя, что не знаю, за что хвататься. — Они хотят меня арестовать...

— Вот говорил я тебе, что от мужа твоего одни проблемы и... — начал Вольпен, а мои глаза наполнились слезами. — Хотя, может, это и не он!

— Он, — прошептала я. — Видимо, я не зря опасалась, что он что-то заподозрил. Вам нужно спрятаться.

— А ты? — спросил Вольпен. Призрак высунулась из стены, прижимая к себе куклу.

— Я... За мной приехали дядя с тетей, — кивнула я в сторону кареты. — Они хотят увезти меня из страны...

— Правильно! — кивнул Вольпен, а из коридора появились феи. — Уезжай! Если он решил тебя ... того, то он тебя везде найдет...

— О, нет, принцесса! — завопили феи. — Пожалуйста, не надо! Не оставляй нас!

— Вы прекрасно жили и без нее, — буркнул Вольпен, шмыгнув носом. — Так что не надо мне тут ингредиентами разбрасываться...

— Может, спрячемся в лесу? — спросили феи.

— Они наверняка будут прочесывать лес, — вздохнула я, глядя в грустные глаза призрака. — Так что в лесу опасно. Предупредите всех!

— Значит так, я знаю тут одну пещерку, — вздохнул Вольпен. — Там и пересидим! Думаю, тролль поместится! А вы, чего тут порхаете! Соберите ее в дорогу!

Я чувствовала, как меня душат слезы. Никогда не думала, что это пугающее поместье станет для меня таким ... таким...

— Не реви, — буркнул Вольпен. — Пересидишь, потом вернешься. На каждого инквизитора найдется голодный тролль... Ну, у нас так говорят...

Мне было ужасно горько от того, что сердце не может простить предательства. Слезы текли по щекам, пока феи собирали сумку.

— Золота ей положите! — скомандовал Вольпен, пока я прощалась с домом. Быстро обойдя все комнаты, я застыла возле

спальни. Осторожно, пока никто не видит, я присела на кровать, на которой лежал муж, а потом опустила лицо в подушку.

— За что ты так со мной? — прошептала я. Мне показалось, но в этот момент в голове звучал голос Горного Короля: «Браки между людьми и феями никогда хорошо не заканчиваются!».

— Амелия!!! — слышался голос дяди, а я спохватилась, вытерла слезы и вышла в коридор.

— Ого, — выдохнула я, видя узелок с золотыми лепешками.

— Так что устройтесь вы там с комфортом, — усмехнулся Вольпен. Я не выдержала и обняла его, а он лишь глубоко вздохнул.

— Он прав, — произнесла она. — Уезжай...

Я обняла призрака, хотя объятий не почувствовала. Лишь легкую прохладу.

— Вот, я дарю ее тебе, — произнесла девочка, протягивая мне куклу. — Только ты береги ее! Когда я была маленькой, я обещала ей показать весь мир.

— Хорошо, — приняла я дорогой подарок. Феи сидели рядком на спинке дивана и ревели навзрыд. Гномы тихо сморкались, а Вольпен украдкой потерялся о сброшенное покрывало.

— Ты что? Плачешь? — присела я, глядя на кролика. — Вольпен?

— Нет, — послышался сдавленный голос. — Просто хочу узнать, какие тонкие оттенки вкуса нашла в нем корова...

— Амелия! — послышался голос дяди. — Быстрее!

— Береги себя, — прошептали мне, а я взяла узелок и вышла за дверь. Дядя подхватил узелок на руки, пока я прижимала к себе куклу.

— Быстро, быстро, — подгонял дядя, снова осматриваясь. Он распахнул дверь кареты, в которой уже сидела тетя и стояли коробки.

— О, нет! Здесь места нет! Тут наш фамильный сервиз с голубыми розами! — пригрозила тетя.

— Там золото, — прошептала я, видя, как дядя пытается запихнуть под сидение мешок.

— Дорогая, однажды, когда старый семейный сервиз станет тебе дороже золота, ты поймешь, что значит, семья, — заметила тетя, помогая мне забраться в карету. Дядя ходил вокруг кареты, проверяя веревки.

— Как вы меня нашли? Я же не писала адрес? — спросила я, зная, что в магической почте не обязательно писать адрес. Достаточно

просто показать письмо и сказать, что это ответ.

— О, дядя сразу заметил, что бумага, на которой ты писала старинная. И чернила не свежие. А еще бумага пахла сыростью... Так что он сразу понял, что речь идет о каком-то старом заброшенном поместье. А еще на одной бумаге продавились слова. Но это был не твой почерк. И внизу стоял год... — начала тетя, подозрительно сощурив глаза.

— Я просто спросил у знакомого с которым вместе служили в инквизиции. У него там сейчас служит сын, — мрачно закончил дядя. — И он все рассказал. Так, держитесь, девочки! Амелия, здесь есть еще одна дорога?

— Да, есть! Там возле поваленного дерева, будет поворот на деревню. Но дорога идет и дальше! — махнула я рукой.

— Отлично, не хотелось бы ехать по этой дороге! Лучше поедем по старым дорогам! — довольно крикнул дядя.

Тетя подобрала платье, а дядя с грохотом закрыл дверь кареты. Только он отошел, она снова открылась, и дядя хлопнул ею сильнее.

— Да что ты будешь делать! — проворчал он, снова захлопывая дверь. Я услышала, как он забрался на место кучера, и как громко заржали кони.

Глава двадцать четвертая

Карета неслась на всех парах, тетя охала и ахала, пытаясь удержать дорожную шляпку и коробочки с сервизом. Я смотрела в окно и чувствовала, как к горлу подступает ком.

— Не переживай, — утешила меня тетя, а сервиз под ее рукой звякнул и подпрыгнул. — Я уверена, что мы еще будем счастливы! Кстати, я узнавала! Твой брак в другой стране не будет считаться действительным. Я так понимаю, что у вас дело далеко не зашло, так что ты сможешь выйти замуж еще раз! И будешь счастлива, как я!

— Спасибо, — прошептала я, перебирая пальцами кукольное кружево.

Это паническое, лихорадочное бегство пугало. Я словно застыла в том мгновении, когда узнала, что больше никогда не увижу старое поместье, превратившееся в руины.

Мне казалось, что это сон, а я вот — вот проснусь и все будет хорошо. Но сколько я не закрывала глаза, сон все не заканчивался. За заляпанным грязью окном мелькали деревья, тетя вертела в руках список, вспоминая, все ли положили!

— Ваза! — опомнилась тетя, но тут же успокоилась. — Кажется, она лежит, завернутая в нижних юбках.

Я прятала лицо, чтобы тетя не видела, как я плачу. За что?! Я ведь не сделала ему ничего плохого?

О, если бы вы знали, как разрывалось мое сердце, когда я вспомнила наш поцелуй, случайное прикосновение, каждое мгновение рядом. Но ведь я знала, что у нас нет будущего. И сама хотела закончить это, как можно скорее! Поэтому не разрешала себя обнимать...

— Ну не плач, — тетя протянула мне платок. — Ты представь себе, как чудесно мы устроимся на новом месте! И снова будем пить чай из нашего дорогого сервиза! Я предложила взять любимое дядюшкино кресло. Помнишь, то кресло, которое ты в детстве изрезала ножницами, а я зашила? Но дядя сказал, что пусть весь хлам горит синим пламенем. А мне кажется, что я везу частичку дома...

— Инкрис, — едва слышно прошептала я, скользя пальцами по холодному стеклу. — Прощай...

— О, у меня есть пирог! Ты проголодалась! Я знаю, пирог способен поднять тебе настроение! Одну минутку? Куда я его положила! — тетя заерзала на месте. — Главное, чтобы я на него не села! А я могу!

— Ой, — прислушалась я, слыша странный звук, похожий на крик. Наша карета припустила еще быстрее, а я полезла смотреть в заднее окно.

— Там... Там едут... — прошептала я, а сердце ухнуло вниз. Карета подлетела на кочке, а сервиз, прижимаемый хозяйственной рукой тетушки, мелодично прозвенел.

— Но! Пошли! — кричал дядя, а я вжималась в сидение. Тетя ухватилась за спинку. — Быстрее!

Я не знаю, сколько это продолжалось, как вдруг карета подлетела и ... наклонилась. Еще несколько мгновений она протащила по земле, а тетя прижала меня к себе.

— Быстро, в лес! — послышался голос дяди, а дверь распахнулась. Я увидела колесо на обочине и дядю, с которого стекал дождь. В руках у него была красивая сабля. — Ищите безопасное место! Уходите, как можно дальше! Я задержу их!

— Ой, ой, — причитала тетя, выбираясь из кареты. Она прижалась к дяде, а ее дорожная шляпа съехала на бок. — Может, пойдешь с нами?

— Нет, — ответил дядя, обнимая меня одной рукой. — Спускайтесь вниз и в лес. В лесу вам будет безопасней!

— Береги себя, — рыдала тетя.

— Если придет злой мыш, то передай ему, что я его с того света достану! — усмехнулся дядя.

«А ведь мы могли быть такими, как они!», — пронеслось в голове. — «Если бы я не была фэйри!».

Я обернулась, слыша, как приближается звук погони. Тетя продиралась сквозь кусты, придерживая шляпу. А я опомнилась и раздвинула деревья.

— Быстрее, тетечка, — шептала я, пока деревья становились живой стеной между нами и дорогой. — Тетечка, ты как?

— Хорошо, моя дорогая, — шептала тетя, идя по лесу и пытаясь спасти шляпу от веток. Я пригрозила веткам пальцами, и шляпу больше никто не трогал.

— Хулиганы! — буркнула тетя, а я пыталась остановиться и прислушаться, что там происходит, но из-за шума деревьев не было слышно ничего.

— Приведите нас в безопасное место, — взмолилась я, видя, как коварная ветка пытается ухватить тетю за юбку.

Деревья расступились, а я схватила тетю и быстрым шагом направилась в проход.

— Думаешь, с ним все будет хорошо? — спросила тетя, встревоженно оглядываясь.

— Думаю да, — соврала я, чувствуя, что сейчас нам нужно найти укрытие. — Ты же говорила, что он был лучшим фехтовальщиком!

— Но его спина! — возмутилась тетя. — Тем более, возраст!

— Но он ведь не растерял сноровки, — попыталась улыбнуться я, понимая, что хоть кто-то должен быть сильным сейчас. — Он охотился на мышь!

— Да, — согласилась тетя.

— Что вообще случилось? — спросила я, видя, как все новые и новые деревья расступаются перед нами, а проход тут же зарастает снова. Казалось, за нашими спинами — непролазная чаща. Даже кустик на корешках переполз и тоже врос на том месте, где мы только что шли.

— Дядя вернулся бледный. Он говорил, что убьет эту тварь! И сказал собирать вещи! — вздохнула тетя. — А потом он сказал, что мы едем за тобой! Все случилось так быстро, что я забыла положить носочки! Представляешь? Все положила, а теплые носочки нет? А вдруг нам придется ехать на север? А мне рассказывали, что там пальцы можно отламывать!

Я остановилась, внезапно ступив на белоснежную мраморную плиту. Одна, вторая, третья...

Я подняла глаза, видя парящие, словно невесомые колонны чего-то прекрасного. Словно забытый сон промелькнул у меня перед глазами. На мгновение все здесь наполнилось смехом и пестрыми платьями. Колонны, увитые цветами, сверкали светлячками...

— Ой, — послышался голос тети, а я снова увидела жалкие руины.

— Что это за место? — прошептала я. Мне казалось, что краем глаза я вижу красивых девушек в платьях, цветущие беседки и мраморные ступени ... Но стоило обернуться, как вместо девушек торчали молодые деревья, на треснувших ступенях лежали огромные куски мрамора.

— Это... — вздохнула тетя. — Это дворец короля Ольх... Столица лесных фэйри...

— А ты откуда знаешь? — спросила я, замирая и робко идя по дороге в сторону того, что осталось от белоснежного дворца.

— Остановись, моя милая, — вздохнула тетя. — Наверное, стоило сказать тебе раньше, но...

Она сняла шаль и сунула ее мне в руки. А потом ловко расстегнула платье...

— Шрамы? — спросила я. — Так я их уже видела. Ты говорила, что эти шрамы остались после того, как перевернулась карета. И тебя после этого никто не хотел брать замуж!

— Нет, моя милая, — вздохнула тетя, снова застегивая платье и надевая шаль. — Это шрамы от крыльев. Я понимаю, конечно, сейчас в это слабо верится, но раньше твоя тетя была тонкой и звонкой феей.

— Ты... — не нашлась я, глядя на ее щечки.

— И между прочим, первой красавицей, — обиделась тетя. Она улыбнулась, проводя рукой по колонне.

— Однажды я увидела место стычки людей и фэйри. И там был юноша... Ему было лет восемнадцать... Это был твой дядя, — с умилением в голосе произнесла тетя. — Мне стало так жалко молодого инквизитора, что я тайком спрятала его и ухаживала за ним. Он был тяжело ранен в спину, но я смогла вылечить его магией, травами и... И влюбилась... Хотя, для феи влюбиться — обычное дело, но тут все было так, как никогда раньше. Он выздоровел, а потом... вернулся и стал искать меня... Мы встречались, пока я об этом не донесли его величеству. Может, он бы поругал меня и отпустил бы с миром, если бы это не был день твоей помолвки... Явился Горный Король и потребовал для меня очень сурового наказания. Он убеждал твоего отца, что я предала фэйри... Меня лишили крыльев, магии, шансов иметь ребенка и выбросили из леса.

Тетя замолчала, присаживаясь на колонну и поглаживая ее пальцами.

— И тогда меня нашел твой дядя. Он выходил меня, вылечил ожоги и взял с меня клятву, что я буду жить, как человек. Не буду лгать, воровать... И я поклялась. Вопреки воле родных, твой дядя женился на мне. И мы поселились подальше от столицы. Ох, и намучился он со мной поначалу... А потом я полюбила кексики и пошло — поехало! Это я про талию!

Тетя улыбнулась, а я присела рядом. Она подняла свою шаль, которую вязала сама и пустила меня под нее.

— А нас здесь не найдут? — встревожилась я.

— Вряд ли инквизиция сунется сюда, — заметила тетя. — После той битвы, они считают это место проклятым. Так вот, а потом дядя вызвался идти на столицу. Он хотел отомстить за мои крылья и за ту жестокость. А потом он вернулся, потребовал закрыть все окна и двери. Дядя развернул изодранный плащ и я увидела прелестнейшую малютку. От умиления я чуть не заплакала! Так у нас появилась ты... Наше счастье, наша радость, наша проказница, наша принцесса...

Я вздохнула, представляя наш дом, молодого дядю, который достал меня из плаща.

— Он сказал, что нашел тебя во время битвы. И спрятал. Все думали, что он ранен, а там была ты, — улыбнулась тетя, прижимая меня к себе.

— А то, что я дочь того, кто... — запнулась я, не в силах повторить весь ужас, который пережила тетя.

— И что? — удивленно спросила тетя. — Мы поклялись, что вырастим тебя в любви. И ты будешь намного счастливей, чем во дворце... Мы назвали тебя Амелией. Это дядя предложил. Созвучно с Офелией.

Я смотрела на тетю, но видела лишь доброе сердце.

— Как видишь, доброте без разницы, кто ты. И я хотела, чтобы ты стала похожей на меня, — заметила тетя, положив свою пухленькую ручку поверх моей руки, как вдруг тетя насторожилась. Она прижала палец к губам, медленно вставая.

— Я ждал тебя, Офелия, — слышался голос, а мы резко обернулись. Перед нами стоял Горный Король. — Что же помешало тебе прийти? Или эта вещичка тебе не так уж и нужна?

В его тонких пальцах скользнула серебристая змейка цепочки.

— Что вам нужно? — встревоженно произнесла я. — Как вы нас нашли?

— Некоторые лесные фэйри присягнули мне на верность. Поэтому найти тебя не составило труда. Бедная, бедная Офелия, — послышался вздох, а Горный Король скользнул ко мне.

— Сколько я буду за тобой бегать. Вот скажи мне? — усмехнулся он, оказываясь так близко, что я попятилась к тете. — Или ты думаешь, что у меня каменное терпение? Но вода камень точит...

Внезапно Горный Король отстранился и посмотрел куда-то в сторону руин. Я пригляделась и увидела трон. Он был разрушен, словно на него упал огромный камень, отколовший часть красивой спинки.

— Когда ты в первый раз сбежала, твой отец сказал, что у нее это пройдет, — заметил Горный Король. Ночной ветер развеивал его волосы, от чего он казался прекрасным. — Я тоже надеялся, что у тебя это пройдет. Достаточно тебе один раз обжечься, чтобы понять, что подземные палаты — самое безопасное место на свете. Но и это не помогло.

Внезапно меня схватили за руку и повели в сторону трона.

— А ну отпусти ее! — потребовала тетя, а в ее глазах промелькнула чернота. — Быстро!

— Я не стану разговаривать с тобой, предательница. Ты поплатилась за дело. Из-за таких как ты нас загнали в самые непролазные чащи и в самые глубины гор... — небрежно бросил Горный Король, подводя меня к трону.

Он крутанул меня в воздухе и усалил на него.

— Посмотри, Офелия, что сделали люди, — произнес Горный Король, стоя рядом. — Или ты не помнишь, как Лесная Столица выглядела в дни своего величия? А теперь принцесса — оборванка сидит на разрушенном троне, а вокруг ни подданных, ни слуг. Может, пора одуматься? Самое время... Твой отец отдал тебя в жены в обмен на помощь с моей стороны. Лесные сильно страдали от людей. Намного сильнее, чем горные. Но, поскольку свадьба не состоялась, то и договор о помощи считался не действительным... Вот поэтому я и не стал вмешиваться.

— А ты... ты можешь спасти дядю? — спросила я, глядя на бледную тетю.

— Могу, если ты пойдешь со мной, — прошептал Горный Король склоняясь ко мне. — Скажу больше. Я могу вернуть твоей ... как ты ее называешь... тетке... ее крылья... Но при условии, что она присягнет мне на верность.

— Никогда, — произнесла тетя, воинственно глядя на нас.

— Скажи, — прошептала я, вспоминая, как кружился бал, и как я увидела мрачного красавца. — А ты меня любил?

— А это нужно проверять, — заметил Горный Король с улыбкой.

— Я согласна пойти с тобой только при условии, что ты спасешь дядю! — произнесла я, как вдруг увидела, что нас окружают. Тетя испуганно пискнула, оборачиваясь.

Страшные фигуры в черных плащах двигались со всех сторон.

— Вы немного опоздали, — произнес Горный Король. — Я ждал вас раньше.

От черного отряда отделилась фигура в надвинутом капюшоне и направилась к трону. Горный Король спокойно ждал, когда она взойдет по треснувшим ступеням.

Каждый шаг этой фигуры рвал мое сердце на части. Мне казалось, что мир вокруг растворяется, когда черный, испачканный грязью сапог становится на белые плиты.

Фигура скинула капюшон, а я отпрянула. Это было не мой муж!

— А вот и наша ведьма, — произнес тот самый фанатик по имени Артон.

Я смотрела на фигуры, окружившие нас, выискивая глазами мужа. Но его здесь не было.

— Я сразу понял, что с тобой что-то не так. А тут, оказывается, принцесса фэйри, — усмехнулся мне этот ужасный тип, склонившись ко мне.

Он распрямился, осматриваясь по сторонам.

— Так, вторую вижу. Отлично! — произнес он, а тетю сзади схватили два инквизитора. — Как говорится, бывших фэйри не бывает. Интересно, что скажет король, когда узнает, что Великий Инквизитор женился на принцессе фэйри? Думаю, что в этот момент должность его перейдет тому, кто этого более достоин.

— Вы сотрудничаете с инквизицией?! — ужаснулась я, глядя на Горного Короля. Я резко скинула его руку со своего плеча.

— А теперь выбирай, Офелия, — произнес Горный Король. — Или ко мне, или в казематы.

Я застыла, понимая, что мне придется делать выбор.

— Мы так не договаривались, — послышался возмущенный голос инквизитора. — Я собираюсь привезти ее в столицу. И предъявить королю. Пусть знает, кого прикрывает его правая рука! Он отказался от проверки, запретил нам к ней приближаться!

В этот момент я, осознала. Инкрис все знал. Он знал. Знал и прикрывал меня... А я ... я глупая, могла бы признаться ему! И все было бы по другому!

— Я не знаю, чем один каменный мешок отличается от другого, — выдохнула я, отшатнувшись от Горного Короля со всем омерзением, на которое была способна.

— Наверное, пытками, — усмехнулся Горный Король, жестом требуя, чтобы ему не мешали.

— Твой поцелуй страшнее пытки! — крикнула я, чувствуя, как меня схватила холодная цепкая рука инквизитора.

— Значит, принцессу Офелию поймала инквизиция. И все фэйри объединяться, чтобы отомстить за нее! — послышалось мне вслед, когда меня стащили по ступеням и бросили к тете. Тетя обняла меня, а я прижалась к ней.

— Клетку! — скомандовал Артон. В это же мгновение на нас обрушилась магическая клетка.

— Тише, тише, — шептала тетя.

— В столицу, — потребовал Артон, запахивая плащ. Только сейчас я заметила, что он был ранен в руку. И гордость за дядю заставила меня гордо сжать губы.

— Накройте их, — послышался голос. Послышался звук, словно рядом взлетела большая птица и стало темно.

Мои руки впились в прутья клетки, а я почувствовала, как меня отбрасывает. Было в этом что-то знакомое... Я видела свои руки, которые сжимали прутья клетки, которые светились магией.

А по другую сторону стоял красивый темноволосый мальчик.

— Ты похожа на свежую корову, — произнес он, улыбнувшись.

«Каким же ты станешь красивым, когда вырастешь!», — пронеслась в голове мысль.

— Я могу погладить твой хвост? Если это неприлично, то я готов перед этим жениться на тебе, — произнес мальчик. И было видно, что это были не просто слова. А решение.

Я помнила, как впервые после долгой темноты снова увидела звезды. Обдуваемая давно забытым ветром, я стояла, словно зачарованная. Рядом со мной стоял мальчик, который обвел вокруг пальца Великого Инквизитора и всех слуг.

«Он мой!», — шептало сердце, когда я склонилась к его лбу. — «Мне не нужен никто другой».

Я помню, как оставила свой поцелуй на его челе... Вот почему моя магия не подействовала! Я сама же его поцеловала, защитив от всей любовной магии фэйри. Отметила, как своего...

— Инкрис, — прошептала я, вспоминая, как звали мальчика.

— Тише, тише, — слышался голос тети, а я открыла глаза, видя темноту. — Все будет хорошо!

Я села, понимая, что лежу у нее на коленях головой.

— Вот, эта вещь была тебе дорога, раз ты пошла на сделку с Горным Королем, — произнесла тетя, а мне в руку что-то вложили. Я почувствовала цепочку и замерла.

— Тетя, откуда он у тебя? — прошептала я, щупая медальон, за которым собиралась идти в лес.

— А пальчики помнят, каково это воровать, — усмехнулась тетя очень довольным голосом. — Только дяде не говори!

— Не скажу, — прошептала я, понимая, что дядя может лежать мертвым возле кареты. Я пыталась отогнать эту мысль подальше.

— А помнишь, как я учила тебя, что хвостик тоже нужно расчесывать? — спросила тетя. — А потом мы его украшали! У меня целая шкатулка с ленточками для хвоста... Я ее с собой решила взять...

— Все будет хорошо, тетя, — прошептала я, обнимая ее, как вдруг клетка резко дернулась. Слышался странный грохот, а я не знала, откуда он и что это такое. Встав на четвереньки, я попыталась просунуть руку между прутьями, а потом вспомнила про хвост. Осторожно, чтобы не коснуться прутьев клетки, я высунула его и стащила им ткань.

Внезапно кони заржали, а неподалеку пролетел огромный камень.
— Держать оборону! — сипло скомандовал Артон, а я увидела, как мелькнул его плащ. — Перенести клетку на другую повозку! Чем быстрее мы доставим ее к...

Договорить он не успел, огромный камень пролетел совсем близко, и часть инквизиторов бросилось врассыпную. Лошади испуганно заржали. Повозка дернулась так, что клетка, чуть не упала.

— Держать оборону!!! — визжал Артон. — Это приказ!

— Это тролль! — заорали инквизиторы, пригибаясь. Один из них вдруг подпрыгнул и заорал!

— Гномы?! — послышались удивленные голоса инквизиторов. — Горный Король предал? Он напал?!

— Не знаю! — рявкнул Артон.

— Вот и водись с фэйри!!! — возмутились инквизиторы. Я заприметила магический ключ от клетки, который телепался на поясе мотающегося туда- сюда Артона.

Закусив губу, я попыталась стянуть ее хвостом. Не зря я его вытащила? Но в последний момент то повозка дергалась, то раздавались крики.

— Извини, тетя, — прошептала я, пытаюсь уцепиться хвостом за связку.

— Ничего- ничего, я не скажу дяде, — кивнула тетя, переживая за меня.

— Эти мелкие твари вбивают кирки в ноги–и–и! — выли инквизиторы. Один валялся на земле и орал дурным голосом. Кирка торчала у него в колене.

— Дави их! — кричал Артон, когда я уцепилась хвостом за ключи. В этот момент он резко обернулся, а я едва успела одернуть хвост.

— Ааааа! — закричала я от боли. Из хвостика текла кровь, а я боялась вздохнуть от боли.

— Целый, целый, — шептала тетя. — Просто поцарапал!

Внезапно я увидела сквозь слезы, как к клетке припадает дядя. Он был ранен, потрепан, но в его руке был меч.

— Обе здесь! — крикнул он, отражая удар. — Сидите пока! А дядя сейчас покажет, какой раньше была инквизиция!

Он оттеснил одного из нападающих, как вдруг на искаженное ненавистью бледное лицо посыпалась сверкающая пыльца.

Несколько маленьких огонечков, бросились в сторону, пока инквизитор рукой отчаянно тер глаза.

— Так, детям это смотреть нельзя! — произнес дядя, набрасывая на нас чехол. — Ты куда целишься, каменный остолоп! Туда целься! Он совсем тупой?

— Он неумный, — послышался голос Вольпентингера. — Вали его на меня! Я забодаю!

Вокруг происходила суматоха. Тетя обнимала меня и не знала, смеяться или плакать, как вдруг все стихло.

— Готов, — произнес голос, который я никак не ожидала услышать. Шаги приближались к клетке, а я вжалась в тетю не то от страха, не то от волнения... Слезы выступили на глазах, когда ткань с клетки стащили.

«Неужели это он?», — спрашивало меня сердце, а я даже не знала, что ему ответить.

— Да убери ты свою корову! — послышался раздраженный голос Вольпена. — Все, никто на нее больше не покушается!

Клетка распалась так же мгновенно, как и появилась. Словно рухнула стена.

— Дорогой!!! — завизжала тетя, бросаясь на дядю, как голодная пума. Дядя покачнулся, едва удержав равновесие, пока тетя звонко расцеловывала его в обе щеки.

— Вы не ранены? — послышался мрачный голос, а я подняла глаза, словно не веря.

— Она ранена! — внезапно обернулась тетя, давая дяде передышку между: «О, я так рада, что ты жив!» и «Ты сумел мыша одолеть! Так что инквизиторы тебе раз плюнуть!».

Меня сняли с повозки, а за мной тащилось проклятое покрывало.

— Мадам, — послышался мрачный голос мужа, а я смотрела на того мальчика, который назвал меня «свежей коровой» и не узнавала его. Тогда он был маленьким, а сейчас выше меня на голову...

— Не скажу, — прошептала я, бросая робкий взгляд на мужа.

— Нет уж, показывайте. Вы тут значит, всем показали, а мне нет, — послышалась мрачная насмешка.

Я мялась, глядя на дядю. Тот кивнул.

— Меня ранили в ... хвост, — едва слышно прошептала я.

— Показывайте, — настаивал муж. Он воткнул окровавленную саблю в землю, а сам снял перчатки, приседая на корточки. Хвост по привычке прилип к ноге, прячась. И я ничего не могла с ним поделать!

Осмотревшись по сторонам, я сглотнула и наклонилась, тихонько сказав, чувствуя, как схватилась за его плечо.

— Он просто вас боится... По привычке... Хвостик очень страшно... Вот...

Внезапно на меня посмотрели те самые глаза. Он смотрел на меня так же снизу вверх, как когда-то в детстве.

— Мадам, не заставляйте меня делать комплименты, это получается настолько изысканно, что второй раз я этого не смогу повторить...

Я увидела улыбку на его лице, а сама впивалась взглядом в его лицо.

— Вы тоже вспомнили? — спросила я, глядя в глаза.

— Не сразу, — произнес муж, пока я по привычке одергивала юбку. — Спасибо корове. Не появись она у вас, это так бы и осталось какими-то кусками невнятных детских воспоминаний.

— О, великий целительный тролль! — съехидничал Вольпен. — Удар по голове помогает вспомнить все...

— Я хотела вернуться, — прошептала я. — Я очень хотела... Но не смогла... Это отец заколдовал меня...

— Я уже знаю, что вас нашли ребенком на руинах дворца, — произнес муж, пока тетя терлась щекой об дядю.

— Я ... я думала, что наша встреча Ну с воспоминаниями, произойдет не так, — прошептала я. И действительно, я думала, что все будет совсем не так... Мы разговариваем так, словно мы слабо друга друга знаем...

— А как? — на его губах появилась улыбка. В этот момент, я почувствовала, как меня притянули к себе и поцеловали.

— Не надо, — смутилась я, немного отстранившись. — Не при дяде и тете...

— Сдерживаюсь, как могу, — послышался обжигающий шепот на ухо, а я покраснела. Этот шепот звоном растекся по телу, а потом вылез пылающим румянцем на щеках.

Я стояла, прижимаясь и кутаясь в чужое тепло. Столько лет прошло, а я до сих пор не верю.

— Как вы здесь оказались? — спросила я, как вдруг увидела лошадь с телегой.

— Скажем так, я не успел уехать далеко, но мы очень торопились, — усмехнулся муж. — Этот резвый скакун сожрал морковку на половине пути и передумал ехать в Столицу.

— Я лежал, думал, все... Помираю, — слышался голос дяди. — Крепко же мне досталось. А тут эта худая кляча, жуть в капюшоне и скрипучая телега. Ну все, думаю, пора! Отслужил я свое! Прощайте! А потом смотрю, лицо знакомое. Думаю, с каких это пор начальство на полставки смертью подрабатывает. Я быстро сказал, все как есть, а тут смотрим, корова бежит. Начальство говорит: «А я ее знаю!». Следом за коровой бежит тролль. Начальство говорит: «И его я тоже знаю!». Гномов и кролика мы сперва и не заметили. Все это бежит с криками: «Офелия!».

— Прощу, — усмехнулся муж. — У меня тут подарок жены стоит.

Когда тетя подошла к телеге, лошадь нехорошо посмотрела на нее. Меня лошадь узнала, но тоже не обрадовалась. Она вообще никому не была рада...

— Карета там, дальше по дороге... За поворотом, — произнес дядя, махая рукой.

— А тебя что? Феи лечили? — ревниво спросила тетя. Дядя посмотрел на руку, где был компресс из листочков.

— Морковка есть? — спросил муж мрачным голосом. — Без морковки мы никуда не поедem.

— Нам нужно дотянуть до кареты... — заметила тетя. — Там у меня пирог из черники...

— Нет, нужна морковка, — произнес муж, осторожно неся меня на плече. Так сказать, раненым хвостом вверх. Карету починили быстро, поэтому обратно мы уже ехали, звеня сервизом.

— Ты вернулась! — слышался голос призрака, как вдруг она осеклась, увидев инквизитора. — Ой! Mamочки!

— Тише, — остановила я его. — Не бойся... Смотри, что у меня есть... Гляди... Твой медальон!

Я открыла его видя портрет маленькой девочки и красивую надпись, с вензелечками и завитушками. «Мама любит тебя,

Мариэлла».

— Что? Мариэлла? — осмотрелся Вольпен. — Да у нее половину кукол так зовут!

За стеной послышался грохот и детский плач: «Ай, больно— больно, больно!». Я бросилась вверх по лестнице, забыв про больной хвост. Стоило открыть дверь, как я увидела девочку, лежащую на полу. Она больше не была прозрачной. А была из плоти и крови. И рыдала настоящими слезами.

— Все, все, все, — успокоила я ребенка, которая осматривала свои руки и удивлялась.

— Какая прелесть! — послышался голос тети. — Посмотри, милый! Маленькая девочка! Давай возьмем?

— Она наша, — спорила я, пока Мариэлла не понимала, что происходит.

— Ну она у нас погостит, просто погостит, — заметила тетя, глядя на малышку. — Пока вы обустроитесь! Иди ко мне, прелесть моя! Ты черничный пирог любишь?

Вот так ребенка купили черничным пирогом.

— Вам еще надо будет завести свой сервиз! — произнесла тетя. — Это обязательно! Где сервиз, там и дом!

Мы вежливо кивали, ожидая, когда они уедут показывать Мариэлле, как пекутся черничные пироги. Нам обещали ее вернуть, но я в это слабо верю.

— У вас еще свои будут. А она пока поживет у нас. Хватит, насиделась в четырех стенах, — шепнула мне тетя. И в этот момент я поняла. Фэйри все-таки остается фэйри до конца. Вот так у нас деликатно украли ребенка.

Дверь за ними закрылась, а с улицы послышались восторженные возгласы ребенка, впервые вышедшего на улицу спустя столько лет.

— Показывайте, — потребовал муж, когда на улице послышался шум отъезжающей кареты.

Я осторожно приподняла юбку, а по диванчику пополз растрепанный хвостик.

— Он обычно пушистей, — прошептала я, видя огромную царяпину на нем и спекшуюся кровь. — Это сейчас он полинял немного...

Я видела, как его рука осторожно ложится поверх растрепанной кисточки, а пальцы бережно гладят его. Хвостик ожил, хотя ему все еще было немного больно. Никогда не думала, что мой хвост будут гладить с такой нежностью, осторожно отодвигая мою юбку.

Я поймала себя на странной мысли, когда хвостик кокетливо скользнул по груди мужа.

— А что он делает? — спросил муж, следя за ним взглядом.

— Он знакомится, — ответила я, немного смутившись. Я еще никогда так не делала, и представить не могла, что так можно!

Такого я от хвоста никак не ожидала!

Сброшенное на пол платье и губы, которые скользили по моей шее, заставили меня на мгновение замереть.

— А если кто-то войдет? — прошептала я, глядя хвостом чужую спину.

— Боюсь, что это буду я, — с мрачной усмешкой заметил муж.

— А что вы де... де... делаете? — прошептала я, не понимая, как оказалась обнаженной в объятиях мужа.

— Как вы там сказали? — послышался шепот, а хвост забыв про рану плавно скользил по красивому телу мужа. — Он знакомится...

Эпилог

— Так, все-таки с платьем определились! Вот оно значит какое! Голуборыжее! — заметил король, глядя на нас. — Мисс, вам оно так идет! Ну, мы будем продолжать нашу пышноскромную свадьбу?!

Гости подняли бокалы, а я бросила взгляд на дядю и тетю. Рядом с тетей стояла Мариэлла. Нарядная, как кукла.

— Почему орден не надел?! — спрашивала взглядом тетя дядю.

Тот делал вид, что не слышит ее. Я нервничала с самого утра. Мысль о пророчестве старой Вельвы не давала мне покоя. «Выйдет замуж за короля». Я спросила у фей, может ли старая Вельва ошибаться, но они ответили, что нет...

Слуги разносили угощение, а я чувствовала, как хвост тайком танцует в такт музыке.

— Ну что ж, объявляю вас мужем и... — начал было король, как вдруг послышался крик.

— Остановите свадьбу! — кричал голос, а я прижалась к мужу. Прямо между рядам разодетых гостей шел, хромя на одну ногу инквизитор.

— Ваше величество! — поклонился он. Я бросила встревоженный взгляд на мужа, а тот испепелял взглядом вошедшего. Изумленные гости ахали и переглядывались.

— Эта женщина — фэйри! — произнес инквизитор. — Я из отряда Артона! Единственный выживший! Того самого, которого разнес горный тролль! Я бросился в лес и там сумел спрятаться, хотя и был тяжело ранен.

— Молчать! — послышался голос мужа, а я вжалась в него, чувствуя, как хвостик прилип к ноге. На хвосте был голубой бантик. Но об этом знали только я и муж.

— Не смей мне указывать, предатель! — произнес инквизитор. — Он предал всех нас! Он женится на фэйри! Эта бусина подделка!

Он попытался содрать свадебную бусину, но муж схватил его за руку, заломив ее за спину с таким хрустом, что я ахнула.

— Ваше величество! Проверьте ее! У нее хвост! — кричал инквизитор, пока несколько человек из охраны уводили его из зала.

— Сделайте так, чтобы он надежно отдохнул и успокоился, — негромко и мрачно произнес муж, а один из охраны кивнул, едва заметно улыбнувшись.

Я повернулась к королю, который смотрел на нас, и ждала, что скажет он.

— Хвоста нет, — рассмеялся муж. — Я уже проверил ваше величество! Вот такой я несдержанный.

Король рассмеялся, а к нему поспешил лекарь. Мне было жалко старика, а он позвал меня к себе.

— Ну, как жених? Нравится? — спросил король, ласково положив руку поверх моей руки. — Только вот не могу понять, вы чем-то расстроены?

— Нет, что вы, — вздохнула я, глядя на старика.

— Ну говори, не стесняйся, — улыбнулся король. — Мне можешь рассказать любой секрет. Я никому не скажу... Мы же с тобой жениха выбрали, да?

Мне хотелось соврать, что все хорошо, но я посмотрела на короля, понимая, что лгать ему нельзя.

— Мне предсказали, что я выйду замуж за короля, — прошептала я. — Поэтому я и переживаю, что свадьба сорвется... Я очень люблю мужа, но эта мысль не дает мне покоя...

Король рассмеялся, погладив меня по руке.

— Эх, мне бы молодость мою, а так я слишком стар для тебя, — смеялся король. — Вот позабавила!

Внезапно король встал, улыбаясь.

— Я планировал сделать это через месяц, — усмехнулся король. — Но сделаю это сейчас. Чтобы молодая невеста была спокойна. Подойди ко мне, Инкрис!

Я видела, и не верила своим глазам. Король бережно снял корону со своей головы и возложил ее на голову мужа.

— Этой стране нужен молодой король, — произнес старик. — Увы, моя королева не подарила мне наследника. Поэтому я отдаю корону тому, кого считаю достойным. Правь мудро...

Король сел на трон, а муж поднял голову. Золотая корона сверкнула, пока зал изумленно молчал.

— Вот что не сделаешь ради этой милой и честной девушки, — рассмеялся старик. — Ну, где наша пышноскромная свадьба? Почему не продолжается? Я еще не видел, как танцует красавица невеста в голуборыжем платье...

— Главное, чтобы корова не сожрала мои кисточки для штор, — слышался мрачный голос мужа, но он улыбался, пока я не могла поверить своим глазам. — Иначе, у нее будут большие неприятности!

— Вольпен проследит, — кивнула я. — Он обещал! Получается, если ты король, а я принцесса, то наши государства объединились?

— Если наши государства объединились, — мрачно улыбнулся муж, — то это не повод тащить в дом еще семейку гномов. Мне и так дома гномов хватает.

— Но они же в подвале. Им там больше нравится, — ответила я, осторожно кружась и придерживая юбку. — Они там что-то добывают...

— Мои нервные клетки они там добывают, — заметил муж, ведя меня по залу. — У меня такое чувство, что к нам переехала половина гор!

— Не половина, — вздохнула я. — Только часть... И, видимо, скоро горы опустеют... Не будет больше горных фэйри...

— Придется остановить эту войну, иначе в доме гному негде будет упасть, — усмехнулся муж.

Конец